

**Курс политической
экономики**

**Доктор экономических наук
Г. А. КОЗЛОВ**

**Подготовка капиталистического
способа производства.
Товарное производство. Деньги**

**Стенограмма лекций, прочитанных
в Высшей Партийной Школе
при ЦК ВКП(б)**

Курс политической
экономики

Доктор экономических наук
Г. А. КОЗЛОВ

Лекции 9—10

Подготовка капиталистического
способа производства.
Товарное производство. Деньги

Стенограмма лекций, прочитанных
в Высшей Партийной Школе
при ЦК ВКП(б)

ПОДГОТОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Развитие товарного производства и зарождение промышленного капитала

Революция крепостных крестьян уничтожила феодальную эксплуатацию, но не привела к отмене эксплуатации вообще. Феодальную эксплуатацию сменила капиталистическая. Эта последняя основана на собственности капиталистов на средства производства, причем в отличие от рабовладельцев и феодалов капиталисты не имеют права собственности на рабочего. Рабочий, будучи лично свободен, но, не имея средств производства, вынужден продавать свою рабочую силу; капиталист присваивает создаваемую рабочим прибавочную стоимость.

Рабочая сила становится товаром. Крепостническое, непосредственное принуждение к труду сменяется принуждением посредством голода. Дисциплина палки сменяется дисциплиной голода. Эти новые производственные отношения соответствуют выросшим производительным силам. «Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней»¹. Капиталистические отношения являются наиболее развитыми отношениями эксплуатации. В то же время капиталистическое общество — это последняя общественно-экономическая формация, основанная на эксплуатации. Изучить экономику капитализма значит изучить закономерности возникновения, развития и гибели капитализма.

Как возник капитализм? «Экономическая структура... капиталистического общества, — говорит Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»². Следовательно, капитализм вырастает в недрах феодализма. Ответить на вопрос о возникновении капитализма значит показать, откуда наряду с феодалом и крестьянином, наряду со средневековым ремесленником появились две новые социальные фигуры: свободный от средств производства и от личной зависимости рабочий и его эксплуататор, новый владелец средств производства — капиталист; как создались в противовес мелкому, раздробленному производству крупные промышленные

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 557. Изд. 11.

² К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 573. Изд. 1935.

предприятия; как постепенно создавались предпосылки для возникновения новой машинной техники; откуда взялись кадры рабочих, способных применять машинную технику.

Развитие производительных сил в условиях феодализма. Капиталистические производственные отношения возникают как следствие развития производительных сил в условиях феодализма. Развитие производительных сил приводит к тому, что в недрах феодального общества созревают и вырастают новые производственные отношения. Феодализм сменяется капитализмом. Процесс этот, развивающийся вначале постепенно, приводит к революционному свержению власти феодалов и установлению власти буржуазии.

Важнейшие черты развития производительных сил при феодальном строе характеризуются товарищем Сталиным следующим образом: «Дальнейшее улучшение плавки и обработки железа; распространение железного плуга и ткацкого станка; дальнейшее развитие земледелия, огородничества, виноделия, маслоделия; появление наряду с ремесленными мастерскими мануфактурных предприятий, — таковы характерные черты состояния производительных сил»¹.

Прогресс в методах плавки и обработки металлов заключался в увеличении размеров шахтных плавильных печей и изобретении доменной печи. До XIII века плавка происходила в горных или низких шахтных печах высотой не более 1,5 метра. Выход полезного продукта по сравнению с затраченным сырьем был незначителен. В XIII веке появляются печи высотой более 3 метров, концентрирующие значительно больше тепла. Появляются чугуны и ковкое железо. Чугун вначале не умели использовать, считали отходом, бесполезным шлаком. Отсюда его английское название pig iron — свиное железо и русское — чушка. В XIV веке появляются печи высотой в 5—6 метров, обеспечивающие высокую температуру и непрерывность плавки. Домны появляются в XV веке. Появление высоких печей было связано с прогрессом в воздуходушных инструментах. Доменные печи создавали возможность ведения непрерывной плавки, чего горн обеспечить не мог. Извлечение металла стало достигать 40 процентов от количества металла, содержащегося в руде, что в несколько раз превышало эффективность плавки в горнах.

В конце XV века впервые появляется печь для выплавки меди. Возникает чугунолитейное дело. Так, пушечные ядра вместоковки начинают изготовлять путем отливки из расплавленного чугуна. В обработке металлов имелись также существенные сдвиги: появляются молот, действующий водяной силой, волочильные и прокатные станки. Происходят значительные изменения в военной технике. Изобретение пороха в XIV веке вносит целую техническую революцию в военное дело. Порох был известен давно (в

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 556. Изд. 11.

Китае и Индии еще до нашей эры; арабы занесли его в Испанию в XII веке). В XIV веке научаются практически применять порох, использовать упругость его газов для боевых орудий. Во второй половине XIV века появляются тяжелые огнестрельные орудия, стрелявшие снарядами весом до 130 кг., которые пробивали самые прочные стены замков.

Значительные технические сдвиги происходят и в промышленности, производящей средства потребления. В XIII веке появляется ручная прялка, в XV веке — самопрялка. Распространяются и улучшаются ткацкие станки, совершается переход (XIV—XV вв.) к горизонтальным станкам. Широко развивается сукноделие. Например, в таких крупнейших центрах, как Фландрия, в начале XIV века было занято в сукноделии уже 10 тысяч человек, во Флоренции — 30 тысяч человек. И в этой отрасли также происходит постепенное развитие техники: начинают применяться сновальные барабаны, сукновальные мельницы, значительно совершенствуется окраска материй.

В XI—XII веках появляется в Европе производство бумаги (в Китае бумага была известна уже в I в. до н. э.). В XIII и начале XIV века начинают применяться в бумажном производстве мельницы для размола тряпья. В XV веке изобретается книгопечатание. Часы появляются в XII веке, в XV веке — карманные часы.

Прогресс имел место также и в области земледельческого хозяйства: от двухпольной системы переходят к трехпольной, затем к многопольной, широко распространяется применение плуга в земледелии. Наряду с зерновыми культурами развиваются огородничество, садоводство; совершенствуются водяная и ветряная мельницы.

В XIII—XV веках изобретаются компас и морские карты. Это приводит к перевороту в водном транспорте, позволяет совершать далекие путешествия по морю.

Так шел процесс развития производительных сил. Ведущую роль в этом деле играли города.

В то время когда средневековое рыцарство увлекалось шумными походами, в городах стихийно шла кропотливая работа, вызвавшая впоследствии крушение всего феодального строя. Против производительных сил, которые здесь создавались, совершенно бессильными оказались толстые стены феодальных замков. Города подорвали могущество феодализма. Рост городов выражал собой рост новых производительных сил.

Рост товарного производства. Непосредственным результатом развития техники и улучшения способов добычи и обработки различных материалов в эпоху феодализма явился рост общественного разделения труда. Он выразился прежде всего в том, что существовавшие ремесла стали делиться на ряд отдельных ремесел с более узкой специальностью. Росло количество профессий. Достаточно сказать, например, что в выработке сукна

в XV веке участвовало уже не менее 20 ремесленников различных специальностей, — настолько было уже развито разделение труда.

Вообще количество профессий в конце XIV века в отдельных городах было довольно значительным. Например, в Париже в этот период насчитывается уже не менее 350 профессий. Интересно отметить, что, например, во Франкфурте с 1387 по 1440 г., т. е. за 53 года, количество профессий увеличилось на 43; появились, например, замочники, гладильщики, ткачи бумаги, пергаментщики, судовые плотники, мастера, выделяющие рамы, кондитеры, пирожники, шапочники и др. В Московской Руси XVI в. насчитывалось до 200 городских ремесел.

Рост специализации в свою очередь приводил к улучшению техники производства, росту производительности труда, увеличению продукции, развитию товарообмена.

Далее, рост общественного разделения труда означал все большее отделение ремесла от земледелия, выделение из крестьянского хозяйства новых видов ремесла, превращение домашней промышленности в ремесло. Как известно, домашней промышленностью называется переработка сырых материалов в том самом крестьянском хозяйстве, которое их добывает. Такие древние отрасли домашней промышленности, как прядение, ткачество, шитье одежды, выпечка хлеба, варка пива и т. п., стали отделяться от земледелия и превращаться в ремесло. Самое ремесло носило вначале подсобный характер, а затем стало выделяться из крестьянского хозяйства. Под влиянием этого и земледелие начинает увеличивать производство для рынка. Крестьянин в свою очередь начал производить не только для удовлетворения своих потребностей, но и для удовлетворения потребностей города в хлебе, мясе и других продуктах. Таким образом, рост производительных сил неизбежно вел к росту общественного разделения труда, а вместе с тем и к росту товарного производства и обращения.

Одновременно меняется и самый характер ремесла. Если раньше ремесленник работал преимущественно на дому у заказчика или у себя в мастерской для определенного потребителя по заказу, то сейчас он постепенно переходит к производству на широкий рынок. Ремесленник превращается в товаропроизводителя.

Вначале связь с рынком могла быть чисто случайной: продавались случайно оставшиеся на руках продукты. Но затем, по мере роста производительных сил, возникает производство для рынка. Вначале рынок узок и носит чисто местный характер. Полтавские сапожники сбывали свои изделия, как отметил Ленин, всего верст за 60 от своего селения. Но затем рынок расширяется, рынком становится целая область, вся страна, иногда и другие страны. Наиболее ярким выражением растущего разделения труда является рост городов. В XIV веке Лондон насчитывает уже 35 тысяч жителей, а в середине XV века — 50 тысяч. Растущее отделение города от деревни — основа всего процесса общественного разделения труда и развития товарного производства и обращения.

Возникновение производства на широкий рынок ярко проявляется в создании целого ряда промышленных центров (конечно, «промышленных» надо понимать условно, не в смысле современной промышленности), в которых концентрируется производство определенных предметов, а иногда даже только определенных их сортов. Так, уже в середине XIII века в Англии отмечается концентрация производства отдельных шерстяных изделий в различных городах. Например, в Линкольне производится только красное сукно, в Блай — шерстяные одеяла, в Беверлее — коричневое сукно, в Кольчестере — грубое сукно. Известно, например, что Толедо славился своими клинками, Милан — броней, Фландрия — суконной промышленностью. Такая специализация отдельных городов и местностей могла быть результатом сравнительно широкого развития рынка и торгового капитала. Города и местности поставляли свои изделия ряду стран.

Развитие товарного обращения оказало обратное воздействие на производство, стимулируя расширение и углубление общественного разделения труда. Развитие денежного хозяйства, перевод ряда феодальных повинностей в денежные толкали к развитию промыслов. В то же время развитие торговли, растущий спрос купца все больше способствовали росту товарного производства.

Таким образом, развитие разделения труда, рост товарного обращения приводят к тому, что производство на узкий, местный рынок развивается в производство на широкий рынок. Следствием этого является рост конкуренции. Конкуренция тем сильнее, чем шире рынок, на который работает то или иное ремесло. Конкуренция разрушает патриархальное благополучие ремесленника. Последний боится этой конкуренции, пытается как-то воспрепятствовать ее развитию, стремится всячески сохранить свое прежнее монопольное положение. Отсюда — усиление всяких цеховых ограничений. Понятно, что именно это усиление цеховых ограничений, это стремление воспрепятствовать развитию конкуренции и выражает изменение природы ремесленника. Именно эта боязнь конкуренции и показывает, что ремесленник все более превращается в товаропроизводителя, обнаруживает его «истинную общественную природу».

Ленин приводит факты из русской действительности о том, как с развитием производства на рынок возникает засекречивание методов производства. Это ведет, конечно, к замедлению развития соответствующей отрасли. Ленин приводит в качестве примера кустовязный, металлоиздельный промыслы и целый ряд других. Засекречивание методов производства является одним из проявлений процесса превращения ремесленника в товаропроизводителя, который боится конкуренции, хочет ее ограничить, хочет ее избежать.

«Если крупный промышленник не останавливается ни перед какими средствами, чтобы обеспечить себе монополию, то «кустарь»-крестьянин в этом отношении родной брат его; мелкий бур-

жуа стремится своими мелкими средствами отстоять в сущности те же самые классовые интересы, для защиты которых крупный фабрикант жаждет протекционизма, премий, привилегий и пр.»¹.

Таким образом, рост производства на широкий рынок означал рост конкуренции.

Расслоение товаропроизводителей. Как бы ни были сильны цеховые ограничения и другие феодальные пережитки, рост конкуренции не может не вести к расслоению товаропроизводителей. Цехи всячески этому препятствуют, стремятся удержать ремесленника на его положении монополиста, но рынок делает свое дело, он расслаивает ремесленников: одни становятся более зажиточными, другие беднеют. Конечно, в условиях феодализма этот процесс происходит медленно, но с течением времени он все более ускоряется. Понятно, что иначе и быть не может. Труд в обществе разделен, а производители являются мелкими частными собственниками. Следовательно, производители в этих условиях производят продукты не для собственного потребления, а для других, — производят продукты, передающиеся в другие руки через обмен, т. е. товары. Товаропроизводители выполняют свой труд как свое частное дело; они не знают нужд общества и не заботятся о них. Каждый товаропроизводитель производит один или несколько товаров. Но взамен он должен получить ряд разнообразных продуктов — от этого зависит его существование. А получит ли он их, это зависит от того, продаст ли он свои продукты труда. Последнее же в свою очередь зависит от того, произвел ли товаропроизводитель то, что необходимо рынку. Но это обнаруживается лишь после того, как товар произведен и вынесен на рынок. Каждый товаропроизводитель связан со всем миром товаропроизводителей разделением труда, которое проявляется в производстве товаров. Следовательно, труд носит общественный характер. Но в то же время каждый товаропроизводитель отделен от всего мира товаропроизводителей, ибо его труд — это его частное дело, он мелкий частный собственник. Именно поэтому его судьба и определяется стихией товарного производства, стихией рынка. В этом противоречии между частным и общественным трудом заложена неизбежность развития имущественного неравенства товаропроизводителей.

Чем шире рынок, тем больше власть стихии. Затраты труда отдельного производителя начинают учитываться уже не местным, узким рынком, а рынком в пределах края, страны, а затем и мировым рынком. Чем шире рынок, тем более широкий круг товаропроизводителей на него работает; отсюда неизбежно усиливающееся различие в условиях производства и условиях сбыта для отдельных производителей, отсюда усиление колебаний рынка, усиление власти стихии над товаропроизводителем.

Господство стихии приводит к дифференциации товаропроизводителей — одни разоряются, другие обогащаются. Более богатые

¹ Ленин. Соч., т. III, стр. 291. Изд. 4.

ведут производство в лучших условиях. Отсюда дальнейший рост дифференциации товаропроизводителей. Это относится одинаково как к промышленности, так и к земледелию. Конечно, цеховой строй городов и всевозможные феодальные ограничения задерживают этот процесс, но чем больше развивается товарное производство, тем все с большей силой этот процесс прокладывает себе дорогу сквозь все препятствия.

Широкая масса крестьянского населения, как правило, во всех странах втягивалась в промышленное производство, на рынок. Наличие цеховых ограничений лишь ускоряло этот процесс развития промышленности вне старых городов. Развитие крестьянских промыслов еще более усилило дифференциацию крестьян и приводило ко все большей экспроприации массы товаропроизводителей капиталом.

Таким образом, рост товарного производства неизбежно приводил к выделению богачей, эксплуатирующих наемный труд.

Тенденция мелкого товарного производства состоит в том, что из него выделяются все более крупные мастерские, применяющие наемный труд. Здесь уже наблюдаются новые стимулы и цели производства. Мастер превратился в предпринимателя, целью которого становится нажива, средством достижения этой цели — эксплуатация чужого труда. Образуются капиталистические мастерские.

В тех странах, где цеховые ограничения более сильны, капиталистические предприятия развиваются преимущественно вне старых городов.

«...Ткачеством занимались очень часто и вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках, которые постепенно превратились в города, и притом в самые цветущие...»¹.

Это развитие капитализма в свою очередь ускорило разложение цехов.

Но и в старых городах с развитием производства на внешний рынок преодолеваются цеховые ограничения и растут капиталистические предприятия. Откуда же на первых порах рекрутировались для этих предприятий наемные рабочие?

Уже в XIV веке появляются наемные рабочие — новая социальная группа, состоящая из людей, которые не имеют средств производства и не могут предложить никакого товара, кроме своей рабочей силы. Во-первых, это разорившиеся ремесленники; во-вторых, это подмастерья, которые стали вечными подмастерьями, у которых была отрезана возможность стать хозяевами; в-третьих, это крестьяне, бежавшие в города от крепостной эксплуатации и получившие после известного срока личную независимость.

Вот те элементы общества, из среды которых зарождается класс наемных рабочих.

Наемные рабочие появляются в XIV веке в Италии, во Фландрии. Энгельс указывает, что судоходство в тех размерах, в кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 46.

рых вели его итальянские приморские республики и Ганза, нельзя было бы вести без матросов, т. е. без наемных рабочих.

Во Флоренции в шерстяной промышленности во второй половине XIV века имелись уже наемные рабочие — чесальщики шерсти, работавшие поденно. Их заработная плата, регулировавшаяся особыми соглашениями, была весьма низка; часть года они были безработными. В Англии наемный труд также появляется во второй половине XIV века. В России наемный труд появляется на несколько столетий позже.

Подчинение ремесла торговому капиталу. В условиях феодализма существует и развивается купеческий капитал. Купеческий капитал оказывает огромное влияние на дальнейшую дифференциацию товаропроизводителей, на зарождение капиталистических отношений. Торговый капитал в недрах феодализма имел дело прежде всего с главным владельцем прибавочного продукта — феодалом, «представителем потребляющего богатства» (Маркс). Но по мере развития общественного разделения труда, отделения промышленности от земледелия, роста производства на рынок, все больше и больше возникает необходимость в торговом посредничестве, — торговый капитал развивается уже на базе роста товарного производства. В свою очередь само развитие торговли оказывает воздействие на развитие товарного производства. Развитие торговли и торгового капитала стимулирует расширение производства, переход от работы на узкий, местный рынок к работе на мировой рынок.

По мере того как развивается товарное производство, из среды мелких товаропроизводителей выделяются не только зажиточные ремесленники, но и торговцы.

Пока ремесленник работал на узкий, местный рынок, потребности в торговом капитале не было; между производителем и потребителем не было посредника. Но по мере того как расширяется производство для сбыта, развивается противоречие между широким рынком — крупным спросом, который он предъявляет, и мелким, раздробленным сбытом.

Торговый капитал вырастает из недр товарного обмена и товарного производства.

Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» приводит яркий пример появления скупщика в кружевном промысле в России. Когда развивается производство на широкий рынок, для кружевниц становится уже невыгодно ездить на рынок продавать кружева. Кружевницы стремятся возложить на кого-нибудь эту функцию, чтобы не тратить времени на поездки и сэкономить расходы. Одна из кружевниц по просьбе других берет на себя реализацию продукции. Постепенно из нее вырабатывается завязанная торговка. Она уже не только сбывает продукцию, но и привозит сырье, торгует сырьем, делает накладки на цены. Постепенно она монополизует сбыт, диктует свои условия мастерицам, а затем полностью подчиняет их себе. Так, из среды самих производи-

телей выделяются торговцы, скупщики, которые подчиняют себе производителей.

Если раньше обмен был тесно связан с самим производством, если продукцию выносил на рынок непосредственно сам производитель, то сейчас обращение, как говорит Маркс, отделяется от производства. И это понятно — крупный сбыт экономически выгоднее мелкого. Превосходство скупщика базируется именно на этой экономической выгоде крупного сбыта: по сравнению с мелким крупный сбыт обходится дешевле, требует меньше издержек, является более регулярным. Выгодность крупного сбыта ставит мелких товаропроизводителей в зависимость от скупщиков.

Таким образом, производство на широкий рынок приводит к тому, что из среды самих товаропроизводителей выделяются торговцы, торговый капитал.

Цехи вначале препятствовали сбыту через купцов. Но развитие товарного производства имеет свою неумолимую логику. Сами ремесленники начинают вести борьбу за посредничество купца. Начинается борьба за допущение в число скупщиков лиц, не входящих в состав ремесленной корпорации. Сами ремесленники этого требуют в Англии и в других странах. В Страсбурге в XVI веке ткачи, не имея сбыта своих изделий, всячески упрашивали купцов, посылая к ним специальные делегации, заняться сбытом ткацких изделий. Купец оказывался даже в роли «благодетеля» ремесленников. В результате купцы всюду разрушают цеховые рогатки, и никакие цеховые препятствия в конце концов не могут ограничить их деятельность.

Чем шире рынок, тем больше возрастает власть купца над мелкими производителями.

Эксплоатация товаропроизводителя купцом начинается со скупки готовых изделий. Это первая форма торгового капитала.

Вторая форма торгового капитала — соединение торгового капитала с ростовщическим. Хозяйство мелкого товаропроизводителя крайне неустойчиво. Всякая случайность (болезнь, неурожай, падеж скота) выбивает его из колеи. Купец пользуется этим и не только скупает продукцию товаропроизводителя по низким ценам, но дает ему в ссуду сырье, деньги, иногда орудия производства на кабальных условиях. Купец соединяет в себе купца и ростовщика. Ростовщический капитал сыграл большую роль в разорении мелких товаропроизводителей, в концентрации денежного богатства в руках немногих.

Третья форма торгового капитала — расплата за купленные изделия товарами. Купцы платят не деньгами, а товарами, расцениваемыми втридорога, и, как правило, весьма плохого качества.

Четвертая форма торгового капитала — расплата материалами, необходимыми товаропроизводителю для его производства. Товаропроизводитель уже сам не выступает на рынке как покупатель сырья; покупателем сырья становится купец, он перепродает сырье товаропроизводителю.

Это чрезвычайно важная ступень в развитии эксплуатации товаропроизводителя: он отрывается уже не только от рынка сбыта, но и от рынка сырья. Этот процесс имел место не только в России, но и во всех странах.

Уже в XIII и XIV веках работа на скупщика из его сырья чрезвычайно распространена во Фландрии и Италии. В Лилле в XVII веке ткачи жалуются на то, что купцы скупают на рынке всю шерсть и подчиняют мастеров своей воле. В Силезии кредит у торговца льняной пряжей был часто причиной полного обеднения: ткач платил высокую цену за материал весьма низкого качества. В Англии продавцы железа, давая инструменты и сырье ремесленникам, полностью подчиняют их себе и т. д.

Отсюда один шаг к следующей форме закабаления товаропроизводителя, когда прямой раздачей сырья его заставляют работать только на данного купца. Здесь купец превращается в так называемого «раздатчика». Дело существенно не меняется от того, связан ли купец с мелким товаропроизводителем непосредственно или через какого-нибудь мастера, который сам нанимает рабочих. В этом случае владелец мастерской выступает как посредник между купцом и рабочим. Купец действует здесь как будто только как купец: он покупает и продает. Но он уже не просто купец; в данном случае торговый капитал превращается уже в промышленный — мы имеем дальнейшее развитие капиталистических отношений.

Здесь необходимо подчеркнуть следующее. Торговый капитал сам по себе, как и капитал ростовщический, не в состоянии создать какой-либо новый способ производства. Торговый капитал существовал и в древнем мире, в рабовладельческом обществе, но он сам по себе не мог превратить рабовладельческое общество в общество капиталистическое. Там не было для этого необходимых условий. Только при разложении феодализма, когда развивалось мелкое товарное производство, основанное на частной собственности на средства производства, и из него росли капиталистические отношения, торговый капитал мог развиваться в промышленный. Торговый капитал сыграл огромную роль в превращении феодального общества в капиталистическое. Прежде всего торговый капитал выполнял важную функцию в развитии производства, открывая и создавая новые рынки (вывоз на Восток, вывоз на заокеанские рынки, организация коммерческих экспедиций). Рост спроса толкал развитие производства, стимулировал его укрупнение. Купеческий капитал доставлял в Европу новые виды сырья (например, красящие вещества, хлопок), создавая этим условия для развития старых и создания новых производств; доставлял различные новые виды товаров и драгоценных металлов. Только такая деятельность купца, обслуживавшего широкий рынок, могла вести к образованию специализированных промышленных центров. Но купец, как мы уже указывали, выступал и как «раздатчик». Роль купца при этом могла быть двойкая. Здесь имели место, с одной стороны,

отношения, когда присвоение прибавочного труда происходило на основе старого способа производства. Купец в этом случае заставлял ремесленника работать на него, не внося никаких изменений в технику и организацию производства. Его эксплуатация лишь ухудшала положение непосредственных производителей. Оставляя их внешне самостоятельными, купец превращал их по существу в наемных рабочих, закабалял их, создавал для них гораздо худшие условия, чем когда рабочий выступал непосредственно как наемный рабочий. При этом чем сильнее были феодальные пережитки, тем была сильнее монополия торговцев и ростовщиков. Кабальные отношения, которые характеризовали начальные ступени развития капитализма, тормозили развитие капиталистических отношений, требующих наличия рабочего, лично независимого и освобожденного от средств производства.

Более революционизирующим является тот путь, когда скупщик и промышленник объединяются в одном лице, когда сам производитель становится купцом и промышленным капиталистом, когда хозяин мастерской одновременно выступает в качестве организатора крупного сбыта, т. е. и как торговец, или же когда скупщик создает крупное производство, крупные мастерские.

Процесс создания более крупных мастерских как результат конкуренции товаропроизводителей имел место и без содействия торгового капитала. Но развитие торгового капитала приводило к значительному ускорению этого процесса, к усилению разложения товаропроизводителя, ускорению создания более крупных мастерских.

Капиталистическая простая кооперация и ее экономические преимущества

Отличие мастерской капиталиста от мастерской ремесленника вначале сводится только к числу занятых рабочих. Техника производства остается та же, только вместо 1—2 подмастерьев здесь работают 5—7—10 рабочих. Капитал подчиняет себе рабочих сначала на основе той техники, которую он застает. Но уже то обстоятельство, что в мастерских занято большее число рабочих, чем у ремесленника, позволяет рациональнее организовать весь процесс производства, ведет к постепенному его преобразованию.

Планомерное и совместное участие многих лиц в одном и том же процессе труда или в разных, но связанных между собой процессах труда, Маркс называет кооперацией труда. Кооперация труда, при которой рабочие выполняют однородные операции без разделения труда, называется простой кооперацией труда. Владельцы крупных мастерских и скупщики, внедрившиеся в производство, создают простую кооперацию нанятой ими рабочей силы.

Это кооперация труда под командой капитала.

Простая капиталистическая кооперация дает значительные преимущества по сравнению с ремесленной мастерской, хотя она ос-

нована на той же ручной технике. Простая кооперация представляет собой новую производительную силу: она обеспечивает более высокую производительность труда. Это вытекает из следующего:

1. Совместный труд неизбежно вызывает соревнование, усиливает жизненную энергию рабочих, повышает интенсивность труда. Поэтому 10 человек, работающих совместно в одной мастерской, всегда дадут больше продукции, чем 10 человек, работающих в одиночку, даже если они выполняют одну и ту же работу.

2. При простой кооперации достигается большая общественная сила, чем просто механическая сумма сил отдельных рабочих. Например, при подъеме тяжести 10 рабочими сила действия совершенно иная, чем если бы эти 10 человек работали в одиночку. Усилия отдельных рабочих здесь или ничего не дали бы или потребовали бы большой затраты времени.

3. Результаты труда в мастерской ремесленника, который имел одного или двух подмастерьев, полностью зависели от индивидуальных особенностей (способность к данному виду труда, ловкость, сила, прилежание и т. п.). Но достаточно собрать 10 человек в одной мастерской, как особенности отдельных работников взаимно погашаются. Если в мастерской занято, предположим, 10 человек, то индивидуальные отклонения взаимно компенсируются, и хозяин мастерской получает продукт 10 средних рабочих сил.

4. При совместном труде, даже когда все участники совершают однородную работу, возможна большая экономия труда во времени. Еще сравнительно недавно можно было видеть на примитивно оборудованных стройках, как производится вручную подачу кирпича. Каменщики вытягивались цепочкой снизу доверху и передавали кирпич друг другу. В подобных случаях каждый отдельный рабочий совершает одну и ту же работу, но в целом достигается большая экономия во времени и в затратах труда.

5. Кооперация труда приводит к тому, что процесс труда может происходить одновременно на большом пространстве, а это иногда чрезвычайно важно для ускорения работы (например, проведение каналов).

6. Кооперация труда позволяет на узком пространстве затрачивать большую массу труда (например, интенсивное земледелие).

7. Кооперация труда совершенно неизбежна в таких процессах производства, где есть так называемые «критические моменты», где надо выполнить работу в течение определенного короткого периода, ибо затяжка грозит большими потерями, например, при уборке урожая, стрижке стада овец и т. д.

Следовательно, уже простая кооперация создает более высокую производительность труда по сравнению с ремесленной мастерской. Мастерские, основанные на капиталистической кооперации труда, имеют значительные преимущества по сравнению с ремесленными. Даже когда техника производства не меняется, одновременное при-

менение труда многих рабочих производит, как говорит Маркс, революцию в вещественных условиях труда. В самом деле, в случае кооперации труда рабочие могут сообща пользоваться инструментами. Если раньше каждый пользовался отдельным инструментом, то сейчас в этом нет надобности. Отсюда — огромная экономия на инструментах. Кроме того происходят изменения в общих условиях труда — меняются размеры мастерской, позволяющие в случае необходимости производить изделия более крупных размеров, например, мебель. В крупных мастерских благодаря кооперации труда производительность труда выше, издержки ниже, товар стоит дешевле, условия сбыта выгоднее. Следовательно, позиции владельцев таких мастерских на рынке крепче, и они успешно конкурируют с товаропроизводителями, которые работают одни — без наемных рабочих.

Ленин приводит ряд примеров простой капиталистической кооперации труда из русской действительности, показывающих выгоду более крупных мастерских. Так, например, при исследовании мебельного промысла установлено, что невыгодность работы одиночек по сравнению с более крупными мастерскими заключается в следующем:

- 1) одиночка не имеет полного состава орудий;
- 2) круг изготавливаемых товаров у одиночек уже, ибо в обычной избе громоздкие продукты не могут быть произведены;
- 3) более дорогая покупка материала в розницу (на 30—35 проц.);
- 4) необходимость продавать товар дешевле, нужда в деньгах, недоверие покупателя к мелкому «кустарнику».

В крупных мастерских производительность труда выше на 20—40 проц., чем в мелких¹.

Ясно, что одиночки все более разоряются, а владельцы крупных мастерских все более обогащаются.

Крупные мастерские, основанные на простой капиталистической кооперации, представляют собой переход от мелкой к новой, более высокой форме промышленности. Эта новая форма промышленности возникает путем расширения существовавших до того времени мастерских, основанных на ручном ремесленном труде.

Надо сказать, что кооперация труда — это отнюдь не изобретение капитализма, она была известна уже в древнем мире. Гигантские сооружения древности — пирамиды, статуи, каналы — продукт кооперации труда. Но в древнем мире кооперация труда была основана на рабстве, на непосредственном принуждении к труду.

В предшествующих капитализму формациях кооперация труда играла второстепенную роль. Для капиталистического производства она — характерное явление, она является исходным пунктом. В этом преимущество капиталистических предприятий по сравне-

¹ См. Ленин. Соч., т. III, стр. 304—305. Изд. 4.

нию с ремеслом. Капиталистическая простая кооперация сменяет собой мелкое, раздробленное производство. Поэтому сам принцип кооперации труда, как характерная черта капитала, здесь противопоставляется процессу производства, который ведется отдельными самостоятельными работниками. Зарождающийся капитал противопоставляет кооперацию гонимых голодом свободных от средств производства рабочих мелкому производству, он противопоставляет кооперацию наемных рабочих как новую производительную силу мелкому производству. Эта новая производительная сила с самого начала уже существует как производительная сила, находящаяся в распоряжении частного лица; эта новая производительная сила — продукт совместного труда рабочих, но она выступает как производительная сила капитала.

Рабочие лишены средств производства, а денежные богатства, необходимые для организации более крупных мастерских, находятся в руках у капиталиста. Кооперация наемных рабочих возможна лишь потому, что их объединяет капитал. Владелец капитала присваивает себе даром все преимущества, получаемые от совместного труда рабочих. Капиталист присваивает себе даром новую производительную силу. Капиталистическое производство и начинается с того момента, когда капиталист занимает в одном и том же процессе производства значительное число рабочих и тем самым вызывает к жизни эту новую производительную силу. «Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении (или, если угодно, на одной и той же арене труда) для производства одного и того же сорта товаров, под руководством одного и того же капиталиста, и исторически и логически образует исходный пункт капиталистического производства»¹.

Только одновременное применение значительного количества рабочей силы способно создать условия для такого повышения производительности труда, которое позволяет капиталисту присваивать себе все большую часть труда рабочего. Простая капиталистическая кооперация господствует всюду, где уже широко оперирует капитал, но где еще производство не развилось до разделения труда и появления машин. Простая кооперация может иметь место и в промышленности и в крупном земледелии.

Ленин писал:

«Образование мелкими товаропроизводителями сравнительно крупных мастерских представляет из себя переход к более высокой форме промышленности. Из раздробленного мелкого производства вырастает капиталистическая простая кооперация»².

Все предыдущее изложение показывает, что товарное производство является базой, на основе которой неизбежно, стихийно вырастает капиталистическое производство.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 240. Изд. 1935.

² Ленин. Соч., т. III, стр. 308. Изд. 4.

Капиталистическая простая кооперация труда является исходным пунктом развития капиталистического способа производства. Она еще не создает особой эпохи в промышленном производстве, но это уже первые зачатки капиталистического производства, знаменующие собой первую стадию повышения производительности труда капитализмом. Этот процесс развивается дальше. Зажиточные товаропроизводители и купцы, увеличивая количество своих наемных рабочих, стремятся обеспечить дальнейший рост производительности труда, чтобы повысить свою прибыль. Доведя товаропроизводителя до положения наемного рабочего, они его еще сильнее эксплуатируют, ибо в этом источник их доходов, их прибыли.

Мануфактура

Великие географические открытия. Возникновение мирового рынка. В XVI—XVII веках в торговле происходит великая революция, вызванная крупнейшими географическими открытиями. Самые географические открытия явились одним из следствий развития товарного производства, развития денежного хозяйства, поисков рынков, поисков источников золота и серебра. Великие географические открытия уже являются предвестниками новой, капиталистической эпохи.

Узость внутреннего рынка, а также и иные обстоятельства, как ниже будет показано, стимулировали поиски новых внешних рынков. В этом в первую очередь была заинтересована буржуазия стран Средиземного моря. Завоевание турками Византии, Константинополя привело к закрытию путей из Европы на Восток. Необходимо было найти новые пути, новые рынки. Мореплаватели пытались найти новый путь в Индию.

Капиталистический дух наживы, дух обогащения давал уже себя знать во всех странах. Он стимулировал поиски новых рынков, расширение торговли, а вместе с этим и дальнейшее расширение производства. В результате были произведены величайшие торгово-географические открытия: открытие Америки и морского пути в Индию.

Жажда обогащения гнала представителей молодой буржуазии различных стран на поиски неизведанных земель и путей.

Одним из непосредственных стимулов к этим далеким путешествиям были поиски золота. Эта жажда золота показывает, как говорит Энгельс, насколько деньги подточили уже стены феодальных замков, насколько они уже разъели изнутри феодализм. Золота — вот чего прежде всего хотели европейцы, которые вступали на новую землю. Если для феодальных завоеваний было характерно стремление получить новые территории, овладеть землей, ибо земля была базой власти феодалов, то сейчас первым делом европейцев, вступивших на новую землю, становилась добыча золота — того волшебного товара, за который в условиях развивавшегося товарного обращения можно было получить любой другой товар.

КАПИТАЛИЗМ

Испанцы разгромили древнюю цивилизацию Мексики. В погоне за золотом они направлялись на юг и запад, оставляя в стороне плодородные земли северо-востока Северной Америки, где не было золота. Такие земли обозначались на картах как ненужные земли.

Географические открытия конца XV века и возникновение мировой торговли и мирового рынка в XVI веке приводят к значительному расширению рынка в европейских странах и оказывают большое влияние на развитие капиталистических отношений. Это составляет один из главных моментов в переходе к капиталистическому способу производства.

Появление в результате великих географических открытий новых обширных рынков вызывало потребность в значительном развитии производства. Создались возможности массового сбыта товаров.

Вместе с тем изменения в торговых путях, перенесение торговли в страны, расположенные у берегов Атлантического океана, приводили к упадку средиземноморской промышленности и стимулировали развитие промышленности в Англии и других странах.

Удовлетворить потребности расширившегося рынка могло только крупное капиталистическое производство.

Возникновение мануфактуры. Постепенно, на основе опыта, хозяева мастерских приходят к заключению, что наибольшая выгода получается в том случае, если при совместном труде происходит его разделение. Капиталистическая простая кооперация развивается в кооперацию, основанную на разделении труда. Появляется мануфактура.

Техника здесь еще ручная. Слово «мануфактура» (*manus* — рука, *facere* — делать) означает ручное производство. Мануфактура — это уже крупное промышленное предприятие с крупным капиталом, с наемными рабочими, производящее продукцию на широкий рынок. Это уже ступень промышленного производства, непосредственно предшествующая крупной машинной индустрии.

Первые зачатки капиталистического производства в форме мануфактур относятся к XIV и XV векам. Уже в XIV веке во Флоренции торговцы, входившие в цех суконщиков, организуют мастерские, в которых подготовительные процессы производства (очистка, промывание, чесание шерсти) совершаются посредством применения наемного труда. Прядильщики же, преимущественно деревенские женщины и ткачи, работали на дому на положении «самостоятельных» производителей. «Самостоятельность» ткачей была мнимая. Им запрещалась работа на заказ для других лиц. Станок, на котором ткач работал, либо принадлежал предпринимателю, либо был у него заложен. Предприниматель (суконщик) мог в любое время лишить ткача его станка. Это заставляло ткача работать на любых условиях.

В XIV и XV веках особенное развитие получили шерстяные мануфактуры во Фламандии и в Англии.

В Англии в XV веке суконщики скупали шерсть, отдавали ее спрядь, затем соткать из пряжи сукно, свалать его и выкрасить. Они имели дело с ремесленниками различных специальностей, причем каждый ремесленник передавал изготовленный полуфабрикат не другому ремесленнику, выполняющему последующую операцию, а мануфактуристу.

Мануфактуры, как правило, возникают прежде всего там, где развито массовое производство на внешний рынок. А оно было развито преимущественно в крупных центрах морской и сухопутной торговли (фландрские, голландские, некоторые испанские города, Константинополь). Здесь мануфактура возникает на базе разложения городского мелкого товарного производства, здесь рынок настолько развит, конкуренция настолько вырастает, разложение мелкого товарного производства доходит до таких ступеней развития, что создаются все условия для крупных капиталистических предприятий — мануфактур.

Вне этих крупных коммерческих центров мануфактура базируется первоначально не на городском ремесле, а на сельских побочных промыслах. На селе не было цеховых ограничений, там оказалось возможным широко развить производство.

Вовлечение села в товарное производство промышленных продуктов оказалось важнейшим условием для развития крупного производства.

Вместе с тем само возникновение мануфактуры могло быть только результатом выросшего на основе городского ремесла разделения труда. Особенно широко была распространена мануфактура в текстильной промышленности. «Ткачество было первой из мануфактур и осталось главной из них»¹. Это было, несомненно, связано с тем, что в текстильной промышленности уже развилось общественное разделение труда: например, в суконной промышленности насчитывалось до 20 различных специальностей.

«Ткачество — разновидность труда, не требующая в большинстве случаев большого искусства и распадающаяся на бесчисленное множество отраслей, — в силу самой своей сущности противилось цеховым путам. Поэтому ткачеством занимались очень часто и вне рамок цеховой организации в деревнях и местечках, которые постепенно превратились в города, и притом в самые цветущие города каждой страны»².

Систематическое разделение труда обеспечивает значительное увеличение его производительности. Мануфактура дальше углубляет и расширяет разделение труда и еще больше выявляет все преимущества крупного производства. Продукт в мануфактуре производится при меньших затратах труда, при меньших издержках для капиталиста. В конкуренции с одиночками и крупными мастерскими, не основанными на разделении труда, мануфактура

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 45.

² Там же, стр. 46.

занимает выгодное положение. Возникновение мануфактур — крупных промышленных предприятий — вносит, следовательно, существенные изменения в общественные отношения: ускоряется разложение мелкого производства; развивается промышленный капитал, тесно и неразрывно связанный на данной стадии с торговым капиталом; наемный труд применяется в массовом масштабе; мелкий товаропроизводитель полностью подчиняется капиталу, становится фактически наемным рабочим.

В условиях цехового ремесла производство было рассчитано на определенный спрос, подчинено ему и поэтому расширялось медленно. С появлением промышленного капитала все в корне меняется. Поскольку целью становится обогащение, производство начинает быстро расти. Буржуазия создает мануфактуру. Конечно, это не была сознательная попытка подготовить переворот в общественных отношениях. Купцы заботились об одном — произвести подешевле и нажиться побольше.

«Когда в период феодального строя молодая буржуазия Европы рядом с мелкими цеховыми мастерскими стала строить крупные мануфактурные предприятия и двигала, таким образом, вперед производительные силы общества, она, конечно, не знала и не задумывалась над тем, к каким общест-венным последствиям приведет это новшество, она не сознавала и не понимала, что это «маленькое» новшество приведет к такой перегруппировке общественных сил, которая должна кончиться революцией и против королевской власти, милосты которой она так высоко ценила, и против дворян, в ряды которых нередко мечтали попасть ее лучшие представители, — она просто хотела удешевить производство товаров, выбросить побольше товаров на рынки Азии и только что открытой Америки и получить побольше прибыли, — ее сознательная деятельность ограничивалась узкими рамками этой будничной практики»¹.

Мануфактура возникает двояким способом: либо в одной мастерской концентрируются рабочие различных специальностей, либо рабочие одной и той же специальности объединяются капиталистом в общей мастерской, в которой он организует разделение труда.

В первом случае, казалось бы, не происходит никаких изменений от того, что рабочие различных специальностей объединяются в одной мастерской. Так, например, для производства карет объединяли работу каретника, шорника, портного, слесаря, медника, токаря, стекольщика, маляра и т. д. Но на деле здесь уже происходят существенные изменения. После того как рабочий-слесарь в течение длительного периода занимается не слесарным промыслом вообще, а определенной специальной операцией в производстве карет, он постепенно перестает быть слесарем в полном смысле

¹ Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 560. Изд. 11.

этого слова. Он становится специалистом лишь в одной узкой слесарной операции.

Во втором случае, когда капиталисты объединяют рабочих одной и той же специальности в мастерской, наличие большого количества рабочих позволяет капиталисту разделить труд. Это постепенно все больше и больше закрепляет рабочего за специальной операцией, которая составляет лишь часть его прежней специальности. Так, например, если раньше один и тот же ремесленник производил один всю работу, необходимую для производства иголки, то сейчас в мануфактуре производством иголки занят целый ряд людей, из которых каждый выполняет лишь одну частичную операцию, скажем, обтачивает кончик иголки и т. д.

Продукт труда перестает быть уже продуктом индивидуального труда: он превращается в общественный продукт целой группы ремесленников.

Следовательно, вводит ли мануфактура дальнейшее разделение труда или комбинирует ремесла, которые раньше были самостоятельными, в конечном итоге она ведет к сужению специальности рабочего, к дальнейшей, более детальной специализации труда.

Разделение труда внутри мануфактуры ведет к значительному повышению производительности труда. Рабочий, который в течение длительного периода занят лишь одной простой операцией, совершенствуется в ней, приобретает большой опыт в том, чтобы достигать необходимого результата с наименьшей затратой сил. Повышение производительности труда в мануфактуре вызывается также тем, что рабочий, будучи занят только на одной операции, экономит время, которое неизбежно затрачивается при переходе от одной работы к другой. Рабочий день становится более уплотненным, труд — более напряженным. Поэтому в результате специализации растет не только производительность труда, но также и интенсивность труда рабочего.

Рост производительности труда зависит не только от рабочего, не только от организации труда, но и от инструментов, которыми пользуется рабочий. Эти инструменты в результате специализации труда совершенствуются. Если раньше рабочий одним молотком производил различные операции, то сейчас он подбирает молоток определенного калибра, определенного типа, чтобы добиться наибольшей производительности труда. В период мануфактуры в одном лишь Бирмингеме изготовлялось до 500 разновидностей молотка.

Рост разделения труда требует специализации инструментов, орудий труда, а это в свою очередь ведет к повышению производительности труда. Рабочие инструменты упрощаются, улучшаются, детализируются. Все это создает материальные предпосылки для появления машины — механизма, оперирующего многими простыми инструментами. Но об этом в дальнейшем.

Теперь посмотрим, насколько рост производительности труда зависит от внутреннего строя мануфактуры.

Две основные формы мануфактуры. Следует различать две формы мануфактуры: гетерогенную и органическую. Внутренний строй мануфактуры связан с природой продукта, который при этом производится. Продукт может представлять собой либо механическое соединение различных частичных продуктов, либо же он может быть результатом целого ряда последовательных, связанных между собой операций по обработке данного предмета.

Так, например, часы состоят из множества деталей, из которых каждая является самостоятельным продуктом особой специальности. Производство всех этих деталей в одной мастерской далеко не обязательно, и, действительно, оно встречалось лишь случайно. Чаще всего лишь некоторые детали производятся в одной крупной мастерской, а остальные производятся рабочими, которые работают у себя на дому на капиталиста.

Ленин приводит пример сундучного промысла Пермской губернии. В этом промысле несколько крупных хозяев, имеющих мастерские с наемными рабочими, отчасти изготовляют изделия в своих мастерских, но главным образом они раздают материалы в мелкие мастерские, а в своих мастерских собирают части сундука и по окончатальной отделке отправляют товар на рынок. Изготовление сундука делится на 10—12 операций. Это—гетерогенная мануфактура.

Другой вид мануфактуры, которую Маркс называет органической мануфактурой, характеризуется тем, что продукт труда должен подвергнуться ряду последовательных процессов обработки, проходит целый ряд связанных между собой операций. Но в мануфактуре в силу преимуществ совместного труда вовсе не требуется, чтобы одновременно совершалась одна какая-либо операция. Раньше, например, ремесленник должен был тянуть проволоку, после этого он разрезал ее на части, соответствующие величине булавки, и только затем мог приступить к ее обточке; сейчас все эти операции совершаются одновременно. В то время когда одни рабочие вытягивают проволоку, другие уже насаживают головку на булавку, третьи занимаются обточкой и т. д. Мануфактура превратила расположение отдельных стадий процесса во времени, как говорит Маркс, в их пространственное расположение друг к другу.

Совершенно ясно, что из двух форм мануфактуры преимуществом в смысле роста производительности труда обладает мануфактура органическая, потому что здесь легче разделить труд, здесь легче проводить все большую специализацию труда внутри мастерской. Несомненно, что преимущества от детализации операций ведут к повышению производительности труда.

Адам Смит приводил пример мануфактуры, где 10 человек выработывали свыше 48 тысяч булавок в день. Следовательно, в среднем на рабочего приходилось 4800 булавок в день. Если бы над булавками работали рабочие в одиночку, независимо друг от

друга, то ни один из них не смог бы выработать и нескольких десятков булавок в день. Здесь сказались все преимущества разделения труда.

В мануфактуре в результате разделения труда одновременно может производиться целый ряд различных операций, что было недоступно ремесленнику в его мастерской. Это дает ту выгоду, что в один и тот же промежуток времени производится больше готовой продукции.

Специализация рабочих на отдельных операциях приводит к тому, что между различными работами создается тесная взаимная связь: приходится строго увязывать отдельные операции во времени. Поэтому если в начале применение массового труда создавало известную возможность его разделения, то развитие специализации рабочих требует, чтобы применялось определенное количество рабочих на мануфактуре, ибо между различными операциями существует определенное количественное отношение. Необходимо, чтобы на каждой операции было занято строго определенное количество рабочих. Таким образом, разделение труда в мануфактуре влечет за собой определенные размеры мануфактуры. Разделение труда было порождено мануфактурой. Но само разделение труда порождает необходимость мануфактуры крупных размеров. Чтобы добиться роста производительности труда, надо иметь большое количество рабочих различных специальностей, находящихся между собой в строгой количественной пропорции.

Таким образом, мы видим, что мануфактура создает условия для значительного роста производительности труда и превращает продукт труда одиночного рабочего в продукт совместного труда целой группы рабочих, происходящего под командой капиталиста.

Мануфактура — это уже крупное капиталистическое производство. Впервые здесь сокращение рабочего времени на производство единицы продукта становится сознательно поставленной задачей. Мануфактура обеспечивает сокращение общественно-необходимого труда, делает продукт дешевле и начинает вытеснять мелкое производство. Но все же мануфактура решающих выгод по сравнению с мелким производством не имеет.

Мануфактура и мелкие заведения. Мануфактура создает более высокую производительность труда, но ее базой остается ручная техника. Поэтому мануфактура не может нанести решающий удар мелкому производству. Масса мелких заведений остается (при снижении жизненного уровня производителей). Это обстоятельство позволяет широко комбинировать работу в крупных и мелких мастерских. Ручная техника как основа производства и является причиной того, что капиталист может мануфактуру создать на базе целого ряда мелких мастерских. Ленин очень подробно выяснил это обстоятельство, показав, как формально самостоятельные товаропроизводители по существу становятся наемными рабочими крупной мануфактуры.

Ленин определяет мануфактуру не просто как крупное предприятие под одной крышей. Мануфактура — крупное предприятие, но не обязательно под одной крышей.

Какие же характерные черты мануфактуры вызываются тем, что мануфактура может комбинировать крупное и мелкое производство? Ленин указывает на эти черты: мануфактура основана на ручном производстве, на широкой базе мелких заведений; мануфактура вводит разделение труда между наемными рабочими внутри и вне мастерской, а трудящийся, пусть даже он внешне самостоятелен, низводится до положения наемного рабочего.

Далее необходимо подчеркнуть, что во главе мануфактуры стоит промышленник, являющийся одновременно торговцем. Промышленник здесь выступает и как торговец и как скупщик. Скупщик в мануфактуре — это осложненный тип фабриканта. Этим он отличается от скупщика в мелких крестьянских промыслах.

Ленинский анализ мануфактуры показал, следовательно, что на основе ручной техники существует тесная связь между крупными и мелкими заведениями, что крупные заведения вырастают из мелких, на базе мелких, что мелкие заведения представляют собой внешние отделения мануфактуры, что крупные капиталисты подчиняют себе мелких капиталистов, мелких хозяев мастерских, которые выступают просто как посредники между крупными капиталистами и своими рабочими. Следовательно, в мануфактурный период развития капитализма, именно в силу того, что техника здесь остается ручной, совершенно неизбежна связь мелких предприятий с крупными, существование мелких предприятий как базы для крупных предприятий, существование капиталистической работы на дому как придатка мануфактуры.

Ленин приводит ряд примеров того, как капиталистическая работа на дому прямо порождается мануфактурой. Так, в щеточной промышленности Московской губернии вначале было большое число крупных мастерских, а потом вдруг они начали исчезать, и стало увеличиваться количество мелких мастерских. Что же, это — декапитализация промышленности? Нет. Оказывается, был изобретен станок для просверливания дыр в щеточной доске. Труд оказался после этого настолько легким, что он мог выполняться даже женщинами на дому, и крупные мастерские прекратили свое существование. Промышленники стали раздавать материалы на дом, и женщины, работающие на дому за мизерную плату, заменили рабочих, занятых прежде в мастерской хозяина.

Капиталистическая работа на дому неизбежно порождает обилие посредников между капиталистом и рабочим. Крупный предприниматель не может сам давать свой материал сотням и тысячам рабочих. В результате появляется много посредников, которые стараются нажиться на посреднических операциях.

Ленин отметил непосредственную связь между домашней работой на капиталиста и разложением крестьянства. Расслоение кре-

стьянства, с одной стороны, на людей, которые не имеют ничего, кроме своей рабочей силы, а с другой — на зажиточных крестьян, которые выступают как посредники между крупными капиталистами и крестьянской массой, создает условия для широкого распространения работы на дому.

Работа на дому на капиталиста, помимо того, что она создает условия для жестокой эксплуатации, дает предпринимателю возможность значительно экономить на затратах, так как для увеличения размеров производства не нужно авансировать средства на постройку мастерских и т. д.

Мануфактура представляет собой уже значительный шаг вперед в отделении промышленности от земледелия. Под гнетом все усиливающейся эксплуатации со стороны мануфактуриста крестьянин-промышленник постепенно забрасывает земледелие. Однако в основе мануфактуры лежит ручная техника, а поэтому здесь промышленность еще не отделяется полностью от земледелия. Вокруг неземледельческого центра создается район из земледельческих поселений (полупромышленные, полужемледельческие деревни). Мануфактура еще не может окончательно отделить промышленность от сельского хозяйства.

Влияние мануфактуры на рабочего. Как промышленное предприятие мануфактура представляет собой прогрессивную форму по сравнению с ремеслом, но прогресс этот происходит в условиях капитализма, и он неизбежно сопровождается ухудшением положения рабочего.

В то время как в ремесленном производстве каждый ремесленник должен был быть квалифицированным, обученным своему делу производителем, мануфактура, которая приводит к разделению труда на простые операции, создает возможность участия в производстве и для людей, не имеющих никакой особой квалификации. Мануфактурное производство разделяет процесс труда на такие детали, что отдельные операции сводятся к определенным простым движениям, доступным каждому человеку. •

Но мануфактура требует наличия известного числа обученных, квалифицированных рабочих и сама подготавливает особо искусных в отдельных операциях рабочих. Ленин подчеркивает, что целый ряд мануфактур в России создавался на базе районов, уже значительно специализировавшихся на известном производстве. Поэтому, с одной стороны, появляются обученные и особо искусные рабочие, с другой — слой необученных рабочих.

Так как мануфактура, разлагая операции на отдельные детали, создает возможность появления операций более простых и более сложных, более грубых и более тонких, то отсюда создается различие в квалификации рабочих, целая иерархия рабочих, занятых в мануфактуре. Этому подразделению рабочих соответствует и различие в оплате труда. Деление на обученных и необученных рабочих, появление иерархии рабочих — это порождение мануфактуры.

Узкая специализация в мануфактурном производстве чрезвычайно отрицательно действует на развитие личности рабочего. Он превращается из художника (хоть и примитивного), которым стремился быть средневековый ремесленник, в односторонне развитого человека. Если рабочий доводит свое умение в отдельных операциях до виртуозности, то этим одновременно создаются и калеки разделения труда, как говорит Ленин: виртуозы — как довольно редкое явление, а калеки — как массовое явление. Слабогрудые, с непомерно развитыми руками, горбатые и т. д. — это тот тип людей, которых порождает мануфактура. Профессиональные болезни — порождение мануфактуры.

Ленин приводит один очень интересный пример из описания Григорьевым работы павловских кустарей. Григорьев пишет, что ему встретился один из таких рабочих-виртуозов, «...работающий 6 лет у одних и тех же тисков и простоявший своей голой левой ногой углубление больше чем в полтолщины половиной доски; он с горькой иронией говорил, что хозяин хочет прогнать его, когда он простоит доску насквозь»¹.

Мануфактура калечит рабочих и духовно. Она лишает их труд всякого творческого начала. Ремесленник, выполняя свою работу, проявлял известное творчество. Правда, возможности для этого были весьма узкие, но все же какую-то творческую роль он здесь играл. Рабочий, который специализируется лишь на одной детальной операции, привязывается капиталом к ней на всю жизнь, становится прилагком к этой операции. Он лишается своих духовных потенций, которые, как говорит Маркс, становятся духовными потенциями капитала. Мануфактура окончательно закрепляет отделение умственного труда от физического.

Мануфактура настолько духовно обедняет рабочих, что капиталист для проведения целого ряда операций приспособливает даже полуидиотов. Операции настолько элементарны, что их может выполнять человек с весьма ограниченными умственными способностями.

В мануфактуре все подчинено одной цели — создать прибыль для капиталиста, дать ему возможность присвоить значительную часть труда рабочего.

Особенно тяжело положение рабочих, занятых на дому. Под видом самостоятельных производителей здесь скрываются фактически наемные рабочие, и эксплуатация особенно беспощадна. В этих условиях создается настоящая система выжимания пота. Ленин приводит ряд примеров этого: в валяльной промышленности, медной, ювелирной и других существовали самые дикие, невыносимые условия труда для рабочих, вплоть до 19-часового рабочего дня².

Поскольку в мануфактуре разделение труда позволяет приспособить отдельные операции к степени зрелости и силы различных

¹ Ленин. Соч., т. III, стр. 377. Изд. 4.

² См. Ленин. Соч., т. III, стр. 342, 368, 369, 388.

категорий рабочих, создаются условия для вовлечения в производство женщин и детей. Это понижает величину реальной заработной платы. Правда, в мануфактурный период сопротивление взрослых мужчин-рабочих приводит к тому, что эта тенденция к вовлечению женщин и детей в мануфактуру терпит крушение. Однако женский и детский труд широко применяется в системе капиталистической работы на дому. Здесь эксплуатация женщин и детей принимает поистине чудовищные размеры.

Мануфактура увеличивает зависимость рабочего от капиталиста. Рабочий был вначале самостоятельным ремесленником, он был, например, слесарем и умел выделывать разные готовые вещи; сейчас он становится слесарем только в производстве карет или рабочим, умеющим только обтачивать кончик булавки. Его зависимость от капиталиста чрезвычайно возрастает.

Уже при простой кооперации создается система деспотического управления производством.

Всякий совместный труд требует известного управления. Уже при простой капиталистической кооперации требуется управление трудом, но в гораздо большей мере эта необходимость развивается в мануфактуре, представляющей собой планомерную организацию разделения труда внутри предприятия. Мануфактура — сложный организм, требующий управления. Управляет здесь промышленный капиталист. Не потому, как говорит Маркс, он капиталист, что он управляет предприятием, а потому он управляет предприятием, что он капиталист. Он ставит перед собой специфические задачи: выжать возможно больше из рабочих прибавочного труда в свою пользу. Отсюда целая система деспотического управления, создание иерархии надсмотрщиков, создание целой системы надзора.

При мануфактуре развивается противоречие между наемным трудом и капиталом. Самая форма мануфактуры в известной мере прикрывает это противоречие. Ведь типичным для капиталистической мануфактуры является то, что здесь существует небольшое число крупных предприятий в комбинации со значительным числом мелких, зависимых мастерских. Но противоречие между трудом и капиталом, как бы оно ни было прикрыто, уже имеется здесь налицо.

Мануфактура характерна тем, что в ней антагонизм между трудом и капиталом уже проявляется во всей своей силе, эксплуатируемый рабочий противостоит эксплуататору.

Мануфактура обедняет рабочего духовно, уродует его физически, она превращает его в человека одностороннего и физически слабо развитого. Мануфактурный рабочий становится частичным рабочим, придатком мануфактуры, и тем самым его формальное подчинение капиталу дополняется и закрепляется в некоторой мере реальным подчинением. Мануфактура создает систему деспотического управления на предприятиях. Мануфактура окончательно

но закрепляет деление труда на умственный труд и труд физический.

Таким образом, мануфактура чрезвычайно усиливает эксплуатацию рабочего капиталом.

Мануфактурное разделение труда, которое калечило рабочих, имеет своих апологетов.

Буржуазные экономисты, прилагая все усилия к восхвалению капиталистического способа производства, утверждали, что деление труда на умственный и физический — естественный закон, и поэтому не надо принимать никаких мер для того, чтобы поднимать массу к культуре.

Гарнье, например, говорил, что народное образование не нужно, так как оно противоречит разделению труда.

Так называемое первоначальное накопление

Условия возникновения капиталистического способа производства. Сущность первоначального накопления. Капиталистическая мануфактура зародилась в XIV и XV веках, но начало капиталистической эры относится лишь к XVI веку, характерной формой капиталистического производства мануфактура становится лишь с половины XVI века и остается таковой до последней трети XVIII века.

Что же было необходимо для того, чтобы мануфактура стала «характерной формой» капиталистического производства? Очевидно, здесь требовалось: 1) наличие в массовых размерах свободных от личной зависимости и от средств производства рабочих; 2) наличие значительного количества достаточно больших денежных капиталов, необходимых для организации крупных предприятий.

Кроме того, крупное производство предполагает наличие широкого рынка сбыта для массовой продукции.

В Италии, где капиталистическое производство развилось прежде, чем в других странах, раньше были уничтожены и крепостнические отношения, причем крестьянин оказался свободным от крепостной зависимости и от земли. Города переполнились пролетариатом. Это обстоятельство, а также широкая международная торговля в странах, расположенных у берегов Средиземного моря, были причинами широкого распространения в Италии мануфактур уже в XIV и XV веках. Иначе сложились отношения в Англии.

В Англии впервые начинает применяться наемный труд в сельском хозяйстве в XIII—XIV веках. Первые представители наемного труда, сельскохозяйственного пролетариата, — это преимущественно вольноотпущенники, либо беглые крестьяне, уходившие в страдную пору из городов на заработки в деревню, либо, наконец, разорившиеся представители самостоятельного крестьянства.

В конце XIV века в Англии крепостная зависимость фактически исчезла.

Само собой разумеется, что после раскрепощения количество крестьян, свободных от средств производства, увеличилось. Все

же процесс расслоения происходил еще настолько медленно, что основную массу населения в XV веке в Англии составляло самостоятельное крестьянство; фермерство (капиталистическое предпринимательство в сельском хозяйстве) развивалось слабо.

В условиях расцвета феодальных отношений помещик был заинтересован в том, чтобы крестьянин, имея надел, работал на него, но когда барщина сменилась денежным оброком, денежной рентой, помещику стало невыгодно крестьянское владение наделом. Крестьянин платил заранее оговоренный денежный оброк, и надел у него был наследственным. В то же время рост рыночных отношений позволял более зажиточным крестьянам платить помещику значительно больше обычного денежного оброка, который уплачивал обыкновенный средний самостоятельный крестьянин. Зажиточный крестьянин мог интенсифицировать труд, вести торговое земледелие и платить помещику значительно больше мелкого крестьянина. Кроме того, с ним можно было договориться насчет сроков аренды, поэтому помещик стремился заменить мелкого самостоятельного крестьянина капиталистическим фермером.

Королевская власть всячески препятствовала тому, чтобы пришлый элемент арендовал землю: ведь тот, кто сидит на земле, был королевским вассалом, обязанным за это воинской службой. Но королевские законы не в состоянии были приостановить ход развития товарного хозяйства. Во второй половине XV века уже имеется значительная группа арендаторов, состоящая из разнообразных по своему происхождению слоев. И все же процесс концентрации земли у фермеров происходил чрезвычайно медленно.

В течение XV века, пока независимые крестьяне сами еще пользовались плодами своего труда, пока основную массу сельского населения составляло самостоятельное крестьянство, а сельскохозяйственные рабочие сами владели небольшими участками земли и имели право пользоваться общинными землями, фермер обогащаться не мог. Преобладание мелкого самостоятельного крестьянства означало, что пока еще нет в массовом масштабе необходимой для развития мануфактуры рабочей силы, свободной от средств производства и готовой наняться к капиталисту. Преобладание мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства также означало отсутствие достаточного внутреннего рынка, ибо мелкое крестьянское хозяйство было полунатуральным хозяйством и производило еще в значительной мере само для себя необходимые продукты. Отсюда ограниченность и внутреннего рынка.

Понятно, что мануфактура в XV веке в Англии не имела еще необходимых условий для того, чтобы стать «характерной формой капиталистического производства».

Темпы создания денежных богатств и образования свободной рабочей силы не соответствовали потребностям рынка и возможностям развития производительных сил. Расширение рынка опережало рост капиталистического производства.

Ускорение процесса развития капиталистического производства произошло путем применения насилия. Буржуазия насильственными мерами лишила производителя средств производства, сконцентрировала их у себя и превратила их в капитал.

Буржуазные ученые пытаются всячески приукрасить возникновение капитализма. В тех или иных вариантах придумываются различные басни о том, что капиталисты произошли от трудолюбивых и бережливых людей, а пролетариат — от лентяев, которые не хотели работать. Рассказываются сказки о том, что именно трудолюбивые и оказались богачами, и в конечном счете они, мол, облагодетельствовали бедняков, предоставив им работу. Эти рассказы, конечно, ничего не стоят.

Зарождение капиталистического строя отнюдь не было связано с теми идиллическими методами накопления, о которых рассказывают буржуазные экономисты. Мало похожими на идиллию были насильственное разорение производителей, лишение их средств производства и жилищ и другие методы прямого грабежа.

Преступными и грязными методами создавала буржуазия для себя капиталы и «свободных» рабочих.

В этом и заключается процесс так называемого первоначального накопления капитала. Его суть — насильственное отделение производителя от средств производства и концентрация их в руках капиталистов, где они превращаются в капитал. Это две стороны одного и того же явления.

Этот процесс носит название первоначального накопления, потому что это накопление предшествует развитию капиталистического способа производства. Первоначальное накопление не является результатом эксплуатации рабочего в процессе капиталистического производства, оно предшествует капиталистическому накоплению, которое происходит в порядке непосредственной эксплуатации наемного рабочего в процессе производства. На основе капиталистического производства капиталисты присваивают себе часть труда рабочих, пользуясь тем, что рабочий не имеет средств производства и вынужден работать на капиталиста. Эту присвоенную часть труда капиталисты частично затрачивают на свое собственное потребление, а остальное идет на расширение капиталистического производства, на расширение капиталистической эксплуатации. Происходит процесс капиталистического накопления. Первоначальное накопление предшествует ему. Это необходимая предпосылка развития капиталистической эксплуатации, ибо здесь и создаются условия для того, чтобы могло происходить капиталистическое производство и накопление.

Насильственное отделение производителя от условий его труда, насильственные методы концентрации средств производства в руках капиталистов — такова в основном суть процесса, непосредственно предшествующего капиталистическому накоплению.

Следовательно, первоначальное накопление должно было исторически предшествовать капиталистическому производству и на-

коплению. Маркс называет первоначальное накопление преддисторической капиталистического способа производства.

Насильственное обезземеливание крестьян. Мы видели, что первые зачатки капиталистического производства имели место в XIV—XV веках, но начало капиталистической эры относится к XVI веку, потому, что только тогда начали сказываться результаты насильственных и кровавых методов так называемого первоначального накопления капитала, появились в массовом масштабе свободная рабочая сила и крупные капиталы.

Процесс освобождения сельскохозяйственного производителя от его средств производства является основой всего процесса экспроприации товаропроизводителей. В классической форме этот процесс происходил в Англии.

Мы уже отмечали, что бóльшую часть сельского населения в XV веке в Англии составляли крестьяне, освобожденные от крепостной зависимости. В более крупных поместьях уже имелись фермеры; небольшая часть крестьян работала у более зажиточных крестьян или у крупных земельных собственников. Наемные рабочие, появившиеся уже в XIV веке в небольшом количестве, обычно имели свои небольшие участки земли, пользовались общинной землей, на которой добывали себе топливо — лес, торф и т. д. Это был малочисленный и близкий тогда еще по своему социальному положению к самостоятельному крестьянству класс. Однако уже в последнюю треть XV века появляется в массовом масштабе свободная рабочая сила, свободная и от личной зависимости и от средств производства.

Откуда она взялась? Прежде всего появление этой свободной рабочей силы было связано с уничтожением феодальных дружин.

Затем начинается процесс прямой экспроприации земли у крестьян. Этот процесс растянулся в Англии от последних десятилетий XV века вплоть до первой половины XIX века.

Первый этап этого процесса относится к концу XV и началу XVI века.

Первым толчком здесь было развитие и расцвет фландрской шерстяной мануфактуры. Расцвет фландрской шерстяной мануфактуры вызвал усиленный спрос и рост цен на шерсть. Это было серьезным стимулом к замене пашни пастбищем, к переходу от земледелия к овцеводству. Землей владела в это время уже не старая феодальная знать, которая была уничтожена в феодальных войнах, а новая, или, как говорит Маркс, «дитя своего времени, для которой деньги являлись силой всех сил», — буржуазное дворянство. Рост цен на шерсть пришелся как нельзя более по душе этому буржуазному дворянству.

Развитие фландрской мануфактуры привело к тому, что замена пашен пастбищами стала буквально лозунгом феодалов. Землевладельцы и их фермеры (о происхождении которых мы уже говорили) захватывают крестьянскую и общинную землю, «огораживают ее» с целью превращения в пастбища. Жилища крестьян, на-

ходившиеся на захваченной, так называемой огороженной, территории, сносятся, и участки в целом превращаются в пастбища. Таким образом, уничтожаются целые деревни со всеми домами и постройками, а их жители превращаются в нищих и бродяг. Опустошения, которые производились этим путем в сельских местностях, современники сравнивали с действием чумы. Томас Мор писал об этом процессе огораживания, что овцы, обычно такие кроткие и довольствующиеся очень немногим, теперь стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают людей.

Законодательство вначале пыталось препятствовать захвату крестьянских земель, но законы, которые принимались, были настолько робкими и проведение их в жизнь было настолько не обеспечено, что они не могли оказать никакого влияния на весь этот процесс.

Второй этап экспроприации крестьянства относится к XVI веку. Насильственная экспроприация крестьянских земель получила здесь новый толчок в связи с реформацией. Около трети земель было во владении церкви. В период реформации было упразднено свыше трех тысяч монастырей. Церковные земли отдавались в подарок королевским фаворитам, продавались за бесценок различным спекулянтам, фермерам и горожанам, которые сгоняли с этих земель крестьян, имевших там наследственные наделы.

В связи с уничтожением монастырей их население оказалось также совершенно свободным и от работы и от каких-либо средств производства.

Третий этап экспроприации крестьян относится к XVII веку. Вторая половина XVII века — это период реставрации Стюартов и воцарения Вильгельма Оранского. В этот период королевская власть в законодательном порядке превращает феодальное право собственности на землю в право частной собственности на землю. Как известно, феодальное право собственности на землю было связано с вассальными отношениями. Сейчас земля превращается в обычное имущество, которое можно было продавать и покупать так же, как любой товар.

Надо сказать, что буржуазия была чрезвычайно заинтересована в этом процессе, ибо, во-первых, земля стала предметом купли-продажи, свободной торговли; во-вторых, земельные собственники сбросили с себя всякие феодальные повинности; в-третьих, этот процесс привел к расширению крупного сельскохозяйственного производства, в чем буржуазия была также заинтересована, ибо это расширяло рынки сбыта и рынки сырья; в-четвертых, результатом этого процесса было увеличение пролетариата в стране. По всем этим причинам буржуазия была заинтересована в превращении феодальной собственности на землю в собственность буржуазную, а феодального права собственности — в обычное буржуазное право частной собственности на землю.

Следующий этап экспроприации крестьянских земель относится к XVIII веку. Отличительная черта этого этапа заключается в том,

что здесь экспроприация стала проводиться на основе специальных государственных законов, которые стали издавать через парламент сами владельцы земель — крупные помещики и буржуазия. Издаются ряд законов, так называемых биллей, об огораживании. Этот процесс огораживания продолжается вплоть до первой половины XIX века. Только за одну вторую половину XVIII века было издано около двух тысяч законов об огораживании. С 1800 по 1810 г., за 10 лет, было издано 900 законов об огораживании.

Последним этапом на всем этом пути была «очистка имений» от рабочих. Этот процесс относится уже к XIX веку. Независимое крестьянство по существу уже уничтожено. Все эти огораживания уничтожили общинную собственность и вызвали пролетаризацию крестьянского населения. Положение сельских пролетариев все более ухудшалось. Чем больше росло их количество, чем больше развивался процесс огораживания, тем хуже становилось положение сельскохозяйственных рабочих. Маркс указывает, что они вынуждены были прибегать к благотворительности, их мизерной заработной платы было совершенно недостаточно для того, чтобы существовать, но они все же имели какое-то жилище на той земле, которую они обрабатывали. Теперь они изгоняются и с этих земель, их жилища уничтожаются.

Весь этот процесс цинично назывался «очисткой имений». Буржуазия и помещики изображали этот процесс гона людей с земли как процесс какой-то технической очистки. Это был кульминационный пункт экспроприации мелких землевладельцев.

Таковы были методы, которыми буржуазия экспроприировала крестьянское население, создавала свободный от средств производства пролетариат и захватывала в свои руки землю. Овцы вытесняли крестьян.

В XV веке один акр пастбищ приходился на 2—3, а то и на 4 акра пашни. Пашня занимала площадь примерно в 3—4 раза большую, чем пастбища. Позднее, уже в XVI веке, 3 акра пастбищ приходилось на один акр пашни. Крестьян экспроприировали, их место на земле заняли овцы. Только за 30 лет XIX века свыше 3,5 миллиона акров земли было изъято у крестьян.

Подводя итог экспроприации земель у крестьянского населения, Маркс пишет:

«Разграбление церковных имуществ, мошенническое отчуждение государственных земель, расхищение общинных имуществ, превращение феодальной собственности и собственности кланов в современную частную собственность, осуществленное узурпаторами с беспощадным терроризмом, — таковы разнообразные идиллические методы первоначального накопления. Таким путем удалось завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата»¹.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 588. Изд. 1935.

Этот процесс ограбления крестьянства, обезземеливания его имел место и в других странах и, конечно, в каждой стране происходил своеобразно, в зависимости от исторической обстановки. В Германии со второй половины XVIII века происходит захват крестьянских земель дворянством, еще более усилившийся в связи с крестьянской реформой, проведенной в начале XIX века.

Во Франции в XVI—XVIII веках помещики захватывают треть, а в отдельных местностях иногда и все общинные земли. Известно, что в России крепостное право продолжало существовать до второй половины XIX века. Задержка в отмене феодальных отношений, более длительное господство крепостнических отношений создавали известные особенности в процессе первоначального накопления капитала в России.

Но в целом процесс обезземеливания крестьянства является основой всего процесса экспроприации мелких товаропроизводителей, основой процесса создания рабочей силы, свободной от средств производства.

Кровавое законодательство против экспропрированных. Деревенское население, которое было лишено земли и освобождено от своих средств производства, не представляло еще собой вполне готового материала для капиталистической эксплуатации, оно было воспитано на феодальной дисциплине, дисциплине палки, прямого принуждения к труду на помещика.

Перед буржуазией стояла задача — приучить эту свободную от имущества массу пролетариата к дисциплине наемного труда. Буржуазии было необходимо приучить эту массу соглашаться под угрозой голода на условия, диктуемые капиталистами, — на низкую заработную плату и длинный рабочий день.

Крестьянин, освобожденный от средств производства, не признавал, что он стал зависеть от капиталиста. Было необходимо приучить этого бывшего крестьянина к новым формам эксплуатации. Буржуазия не останавливалась здесь перед самыми жестокими мерами.

Деревенское население, которое было согнано в Англии со своей земли, бродило по стране: одни — в поисках работы, другие — прося милостыню, третьи превращались в воров и бродяг. Промышленность развивалась медленно, а свободные от средств производства массы населения все более и более возрастали. С конца XV века стали создаваться благоприятные условия для того, чтобы иметь дешевую рабочую силу. Буржуазии надо было заставить эту массу экспропрированных и обездоленных людей работать на условиях, которые она диктовала. В этом смысл кровавого законодательства, созданного буржуазией.

Бродяжничество стало наказываться чрезвычайно жестоко: плетью («пока кровь не заструится по телу»), клеймением, отдачей в рабство, отрезанием уха. Бродяга, попавшийся в третий раз, по закону 1538 г., присуждался к смертной казни. По закону 1572 г., повторно пойманный нищий старше 18 лет подвергался

смертной казни. Такими кровавыми мерами буржуазия загоняла экспроприированное население на капиталистические предприятия. Учреждались специальные рабочие дома, тюрьмы для бродяг, нищих, не имевших работы, где в ужасных условиях они должны были доставлять колоссальные прибыли капиталистам.

Такого рода жестокости применялись против «бродяг» и во Франции и в Голландии.

Число преданных смертной казни за бродяжничество и воровство в Англии с 1509 по 1547 г. составляло 72 тысячи человек, в среднем 2 тысячи человек в год. По некоторым исчислениям, в конце XVI века из 200-тысячного населения Лондона около четверти относилось к числу бродяг, т. е. к населению, не имевшему постоянных занятий.

Буржуазия жестокостями приучала население к дисциплине наемного труда.

Эту же цель создания буржуазной дисциплины труда преследовало специальное законодательство по удлинению рабочего дня и сокращению заработной платы.

Дело в том, что класс наемных рабочих, который возник во второй половине XIV века, составлял тогда небольшую часть населения и социально был еще близок к хозяевам. Подчинение труда капиталу было еще формальное. Невысокий уровень развития техники был причиной того, что при накоплении капитала соответственно возрастал спрос на наемный труд, предложение же было до конца XV и начала XVI века незначительным. Следовательно, имелись условия для высокой заработной платы. Отсюда попытки путем законодательства снизить заработную плату.

Законы 1349 и 1360 гг. устанавливают максимум заработной платы, выше которого не только платить нельзя, но и получать нельзя, причем тот, кто получает заработную плату выше этого максимума, наказывается еще строже, чем тот, который платит.

В XVI веке положение рабочих в силу значительного обесцениения денег значительно ухудшилось, между тем законы, направленные на понижение заработной платы, продолжали действовать — отрезывались уши и накладывалось клеймо на тех, «кого никто не соглашался брать в услужение».

В течение XVII—XVIII веков в Англии издается ряд законов по удлинению рабочего дня и снижению заработной платы.

В 1349 г. рабочий день устанавливается продолжительностью в 15 часов. В XVI веке (1562 г.) рабочий день удлиняется за счет сокращения перерывов в работе. Законодательство, направленное против рабочих, имело место и в других странах.

Во всех странах был принят целый ряд законов, карающих «сговор рабочих», коалиции рабочих, направленные против предпринимателей. Эта борьба против рабочих союзов шла под флагом «свободы труда», борьбы против цеховщины. Во время Французской революции конца XVIII века специальный закон, изданный в 1791 г., объявил, что все рабочие коалиции являются

преступлением против «свободы» и «Декларации прав человека». Мотивировался этот закон тем, что якобы сговор рабочих против предпринимателей означает восстановление цехов, что буржуазия якобы борется со старой цеховщиной. Буржуазия использовала, следовательно, государственную власть для снижения заработной платы и удлинения рабочего дня.

Такими методами создавалась новая, капиталистическая дисциплина труда. Создание новой дисциплины труда для народных масс было мучительным процессом подчинения наемному рабству.

Большую роль сыграло первоначальное накопление капитала в процессе создания класса богатых, капиталистических фермеров. В XV—XVI веках фермеры принимают участие в захвате крестьянских земель. Захватив землю, фермеры использовали благоприятные условия XVI века для того, чтобы сильно нажиться. В это время из Америки хлынула масса золота и серебра, добытого в условиях более высокой производительности труда, чем в Европе. В результате стоимость драгоценных металлов упала, и цены на товары поднялись. Цены на земледельческие продукты повысились в значительно большей мере, чем издержки их производства; денежная зарплата не повышалась, так как масса экспроприированных крестьян бродила в поисках работы, а реальная зарплата упала вследствие повышения цен, земля же частью была захвачена фермерами посредством грабежа; арендная плата оставалась той же, ибо договоры были долгосрочными. Во всяком случае рост арендной платы отставал от роста цен на продукты сельского хозяйства. Цены на сельскохозяйственные продукты в XVIII веке по сравнению с концом XVI века повысились в два раза. Издержки же фермера почти не увеличились. Отсюда огромный рост прибылей. При падении заработной платы и ренты буржуазия выиграла. К концу XVI века уже образовался класс богатых для того времени капиталистических фермеров. Но вообще процесс образования класса фермеров был гораздо более медленным и постепенным, чем процесс образования класса промышленных капиталистов.

Процесс образования класса промышленных капиталистов протекал более бурно. Экспроприация сельского населения создавала благоприятные условия для развития капиталистической промышленности, и капитал использует насилие также для ускоренного образования крупных богатств путем грабежа, злодейств, уничтожения колониального населения и т. д.

Роль колониальной системы, торговых войн, государственных займов, налогов и протекционизма в возникновении капитализма. К методам первоначального накопления крупных денежных капиталов Маркс относит:

- 1) колониальную систему,
- 2) торговые войны,
- 3) государственные займы,

- 4) современную налоговую систему,
- 5) систему протекционизма.

Колониальная система сводилась к широкому грабежу Америки, Ост-Индии, Вест-Индии, Африки. В грабеже принимали участие испанцы, португальцы, голландцы и англичане. К концу XVI века главные рычаги первоначального накопления капитала в колониях сконцентрировались преимущественно в руках Англии.

Насколько зверски велась эксплуатация туземного населения, можно видеть из того, что за короткое время одни только испанцы уничтожили в Америке 12—15 миллионов туземного населения.

Население на острове Гаити в конце XV века составляло около миллиона человек, в 1514 г. там осталось всего 13—14 тысяч человек. Капиталисты грабили и истребляли население колоний.

Торговля с колониями давала колоссальные прибыли, и она стала монополией отдельных компаний, вернее, даже отдельных должностных лиц этих компаний. Крупные состояния вырастали, как грибы после дождя. Нажива до 400 процентов на торговле с колониями была обычным делом, а иногда доходила и до двух тысяч процентов.

Одним из важнейших источников первоначального накопления являлась торговля рабами. Негров ловили в Африке и продавали главным образом в Америке, где была большая нужда в рабочей силе. Ведущую роль в работорговле играли англичане. Перевозкой рабов занималось в конце XVIII века в Ливерпуле свыше 130 кораблей. За время с 1680 по 1775 г. англичане вывезли в американские колонии не менее 3 миллионов негров. Такой крупный торговый центр, как Ливерпуль, вырос именно на основе торговли неграми.

Итак, прямое ограбление колоний, уничтожение туземного населения, похищение людей, превращение их в рабов, торговля рабами, грабительская торговля с колониями — таковы источники огромных богатств, образовавшихся в период первоначального накопления, таковы методы этого первоначального накопления денежных богатств.

Другим источником являлись торговые войны, войны за право ограбления различных стран. В результате этих войн победительницей вышла Англия, завоевав себе преимущественное право грабежа колоний.

Третьим источником образования денежных богатств были государственные займы.

Система государственных займов сыграла огромную роль в обогащении буржуазии. Ростовщики, предоставлявшие займы государству, наживали на этом колоссальные капиталы. Они по сути дела ничего государству не давали, так как ссуженные ими суммы превращались в облигации государственных займов, облигации же функционировали в капиталистическом обороте так же, как и наличные деньги. На основе этих операций развивались акционерные общества, биржи, спекуляция ценными бумагами, обогатился

ряд создавшихся тогда банков. Насколько уже тогда были велики операции государственными ценными бумагами, показывает хотя бы то, что государственный долг Великобритании вырос с 1697 по 1815 г. с 21 млн. фунтов стерлингов до 860 млн. фунтов стерлингов. Государство использовало эти займы непроизводительно: на содержание паразитического государственного аппарата, аппарата насилия и угнетения масс. Поэтому единственным источником платежей по займам были для него налоги. Тяжесть же налогового обложения падала полностью на рабочих и на мелких товаропроизводителей.

Таким образом, к методам прямой экспроприации и разорения мелких производителей присоединился гнет налогов, поступления от которых в конечном счете шли в карманы ростовщиков.

Большую роль сыграла также система протекционизма, покровительства растущей капиталистической промышленности, которая давала фабрикантам возможность получать огромные прибыли.

Колониальная система, государственные долги, гнет налогов, протекционизм, торговые войны — все это различные пути создания колоссальных богатств методами насилия и преступления.

Таким образом, мы видим, что государство сыграло огромную роль как в насильственной экспроприации мелкого производителя, так и в проведении ряда мер, ведущих к первоначальному накоплению богатств в руках немногочисленной группы капиталистов, а следовательно, в переходе от феодального к капиталистическому способу производства.

Получив в свои руки огромные денежные богатства, буржуазия шла по пути все большей экспроприации мелкого товаропроизводителя, силой загоняя его потом на капиталистические мануфактуры.

Маркс пишет:

«С развитием капиталистического производства в течение мануфактурного периода общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести...». И далее Маркс, ссылаясь на одного автора, говорит:

«Если деньги... «рождаются на свет с кровавым пятном на одной щеке», то новорожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»¹.

Все сказанное выше показывает, какую огромную роль играет насилие в процессе зарождения капиталистического хозяйства. Капиталистические отношения развивались медленно и до применения насильственных методов первоначального накопления капитала, но степень их развития не соответствовала выросшим производительным силам. Насилие сыграло огромную роль в переходе к капиталистическим производственным отношениям. Конечно, насилие само по себе не в состоянии создать новые производственные отношения — новые производственные отношения подготовле-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 609—610—611. Изд. 1935.

ны всем предыдущим ходом развития производительных сил, — но насилие является важнейшим фактором в переходе от одного способа производства к другому. «Насилие, — говорит Маркс, — является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция»¹.

Современная буржуазная политическая экономия на вопрос, откуда взялись крупные капиталы, откуда произошел капитализм, отвечает, что из «капиталистического духа», «предпринимательского таланта». Так говорит, например, Зомбарт. Анализ Маркса совершенно ясно показал, что этот «дух» имел реально осязаемую плоть, которая действовала «огнем и мечом», разоряя, грабя и принося невыносимые страдания человечеству.

Мануфактурный период. Историческая роль мануфактуры

Выше было показано, что появление мануфактур дает толчок процессу первоначального накопления. В свою очередь процесс первоначального накопления создает необходимые условия для распространения и развития крупных капиталистических предприятий. Период мануфактур — это период от половины XVI века до последней трети XVIII века. Следовательно, только после того, как первоначальное накопление капитала уже создало известные условия для развития возникшей раньше мануфактуры, начинается период мануфактуры.

С половины XVI века мануфактура широко распространяется и становится характерной формой капиталистического производства. Появляются довольно крупные предприятия.

Мануфактуры, развившись как капиталистические предприятия, оказали большое влияние на промышленное развитие стран, еще не достигших стадии капиталистического развития производства. Так, большое значение в промышленном развитии России имела крепостная мануфактура, насаждавшаяся еще Петром I.

Однако мануфактура была не в состоянии преобразовать общественное производство. Ее возможности были ограничены узким техническим базисом, каким являлся ручной труд; мануфактура, создавая огромные преимущества в работе по сравнению с мелкой мастерской, все же не может вытеснить ни городского ремесла, ни сельской домашней промышленности. Она приводит к ухудшению положения трудящихся, занятых в этих отраслях, к усилению их эксплуатации.

Мануфактура, представляя собой значительный шаг в отделении промышленности от земледелия, не может все же завершить этот процесс.

«Вместе с тем мануфактура не могла ни охватить общественно-го производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунштштюк возвышалась она

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 603. Изд. 1935.

на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности»¹.

Развитие мануфактуры вызывает рост общественного разделения труда. Разделение труда в обществе не надо смешивать с разделением труда внутри мануфактуры. Различие между ними состоит в следующем: в условиях стихийного товарного хозяйства производство является частным делом отдельных, не зависимых друг от друга товаропроизводителей. Связь между ними проявляется через обмен товаров, иначе говоря, при разделении труда в обществе продукты товаропроизводителей, между которыми разделен труд, существуют как товары. В мануфактуре частичный рабочий не производит самостоятельного товара. Разделение труда внутри общества обслуживается куплей-продажей товаров, связь же между рабочими внутри мануфактуры — результат того, что все они продали рабочую силу одному и тому же капиталисту, который использует их как комбинированную рабочую силу. В мануфактуре существует строго определенное отношение между различными работами, в то же время лишь стихия определяет отношение между различными отраслями производства в обществе. Рабочими на мануфактуре командует капиталист, подчинивший их себе; независимыми товаропроизводителями непосредственно командует стихия. В обществе закон стоимости лишь в последующем порядке стихийно выявляет, в какой мере товаропроизводитель затратил общественно-необходимый труд. Внутри мануфактуры затраты труда заранее нормируются, и весь процесс планомерно организован. Планомерная деспотическая организация труда внутри мануфактуры сочетается с ростом анархии производства во всем обществе. Разделение труда внутри мануфактуры вызывает рост товарного производства и усиливает анархию общественного производства.

Общественное разделение труда имеется в различных формациях; мануфактурное же разделение труда появилось лишь при зарождении капиталистического способа производства. Развитие мануфактуры создало предпосылки к переходу к крупному машинному производству, к капиталистической фабрике. Широкое разделение труда и специализация вследствие этого орудий труда подготовили необходимые элементы для создания машины. Мануфактура подготовила кадры квалифицированных рабочих, необходимых для машинной индустрии.

Стихийный рост потребностей капиталистического производства, стремление капиталистов полностью подчинить себе рабочего, безграничная жажда наживы привели к распространению машинной индустрии и созданию адекватной для капитализма технической базы, а вместе с тем к дальнейшему развитию товарного производства.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 279. Изд. 1935.

Процесс приготовления капиталистического способа производства в России

Процесс приготовления капиталистического способа производства в России имел ряд своеобразных черт. Капитализм в России развивался медленно. Крепостнические отношения сохранились в России дольше, чем в других европейских странах.

Своеобразие процесса приготовления капитализма в России проявляется прежде всего в том, что крупное производство было создано и получило известное развитие еще в крепостническую эпоху. В то время как в Англии мануфактура появляется после отмены крепостного права и начинает широко развиваться, по крайней мере, через полтора столетия после этого, в России мануфактура появляется за полтора столетия до отмены крепостных отношений. Возникает вопрос: откуда взялся в России обширный рынок, создание которого, как известно, является предпосылкой и толчком к развитию крупного производства? В этом отношении большую роль сыграло раннее образование большого централизованного государства. Оно способствовало развитию рынка.

Не малое значение здесь имели потребности самого государства. Его военные нужды толкали к развитию как ремесла, так и крупного производства. Достаточно вспомнить насаждение мануфактур Петром I.

Капиталы, необходимые для развития крупного производства, частично предоставлялись государством, но в значительно большей мере их источником являлись привилегии в торговле и промышленности, захваченные феодальной знатью, грабеж крестьянства феодалами в условиях развития денежной ренты. У отдельных феодалов и купцов концентрировались огромные состояния. Но основной особенностью этого крупного производства явилось то, что оно базировалось на крепостном труде. Это был либо труд крестьян, принадлежавших данному помещику, открывшему предприятие (вотчинная мануфактура), либо труд крестьян из специально прикрепленных деревень (посессионная мануфактура), либо труд крестьян, приписанных к учрежденному государством предприятию (казенная мануфактура). Понятно, что в крепостных условиях, при незаинтересованности работающих, крупное производство не могло получить большого развития.

Постепенно увеличивалось количество вольнонаемных рабочих. В России уже в XVII и XVIII веках появляются большие группы людей, лишенные земли, лишенные средств производства, появляются и наемные рабочие, но все эти слои так или иначе еще были связаны крепостными отношениями. Расхищение земель в форме всяких «пожалований» в условиях крепостнических отношений не вело к образованию сколько-нибудь значительных групп освобожденных от средств производства и в то же время лично свободных людей. Во вторую половину XVIII века часть крестьян, переведенных на денежную ренту, уходит работать на фабрики

и предприятия. В XIX веке этот процесс расширяется, но до отмены крепостного права создание капиталистической промышленности наталкивалось на серьезные препятствия. В начале XIX века только около половины рабочих было вольнонаемными. «При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность» (Сталин). Лишь с отменой крепостного права и в России создаются необходимые условия для быстрой и массовой пролетаризации крестьянского населения. Реформа 1861 г. представляла собой подлинную помещичью чистку земель для капитализма. В статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин показал, что реформа, освободившая крестьян от крепостной зависимости, была по существу и методом освобождения крестьян от средств производства. В черноземных губерниях от крестьянской земли было отрезано свыше одной пятой части, а в некоторых — до одной трети и даже до двух пятых. Земельные участки располагались таким образом, чтобы заставить крестьян арендовать землю у помещиков, причем крестьяне получали худшие земли.

Часть крестьян вообще не получила никаких земельных наделов. По некоторым исчислениям, крестьян, получивших ничтожные земельные наделы или не получивших их вовсе, было не менее 3 миллионов (сюда следует прибавить также один миллион крестьян, получивших наделы размером менее одной десятины).

Следовательно, и в России процесс создания свободной от средств производства рабочей силы происходил путем обезземливания крестьянства.

Остатки крепостничества и после реформы 1861 г. задерживали развитие капитализма и еще более ухудшали положение экспроприированного крестьянства. «После отмены крепостного права развитие промышленного капитализма в России пошло довольно быстро, несмотря на остатки крепостничества, еще задерживавшие его развитие»¹.

Первоначальное накопление капиталов в XIX веке в России шло за счет:

1) колониальных методов хозяйничания в Средней Азии, на Кавказе и в Сибири;

2) казенных поставок и откупов;

3) государственных займов, которые достигли к моменту реформы суммы в 800 миллионов рублей;

4) за счет выкупной операции, связанной с крестьянской реформой. Эта операция за 30 лет дала помещикам около одного миллиарда рублей и т. д.

Таким образом, при всем своеобразии процесса развития капитализма в России он имел те общие черты с тем же процессом в других странах, что наряду с чисто экономическими явлениями здесь значительную роль играли грабежи и насилие.

¹ И. В. Сталин. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 6.

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Капитализм как система товарного производства

Маркс в «Капитале» начинает исследование закономерности капитализма с анализа товара. «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, — пишет Маркс, — представляет «огромное скопление товаров», а отдельный товар его элементарную форму [его исходную форму]. Наше исследование начинается поэтому анализом товара».

Чтобы понять это положение Маркса, надо охарактеризовать капитализм как систему товарного производства.

Производство продуктов как товаров возникло задолго до капитализма, но только при капитализме оно становится господствующим. Развитие товарного производства является результатом стихийного роста общественного разделения труда. Это последнее возникло в глубокой древности, но оно никогда не достигало такого значительного развития, не пронизывало так глубоко всего общественного строя, как при капитализме.

В условиях античного рабовладельческого общества уже имелись и мелкий крестьянин, и ремесленник, и торговый капиталист, и ростовщик. Торговля развилась в те времена до уровня международной торговли, и, следовательно, уже имелось товарное обращение. И все же рабовладельческое хозяйство было в основном хозяйством натуральным.

Отношения хозяина и его раба строились на началах непосредственного господства и подчинения. Раб производил в основном все, что нужно было для хозяйства его господина. Производство товаров не являлось характерной чертой рабовладельческого общества, продукты производились для потребления внутри рабовладельческих хозяйств. Насколько было слабо развито денежное хозяйство в древнем Риме, показывает хотя бы то, что «...например, в Римской империи, в период наибольшего ее развития, основу составляли натуральные подати и повинности»¹.

В первый период существования феодального хозяйства полностью господствуют натуральные отношения. Во второй период, более поздний, когда растет общественное разделение труда и происходит все большее отделение ремесла от земледелия, начинает развиваться товарное обращение. И все же и здесь хозяйство

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 150. Изд. 1939.

носит еще в основном натуральный характер. Крепостной крестьянин производит в основном все, что потребляется как помещиком, так и им самим. Производство товаров и здесь не является господствующей формой производства. Но в недрах этого строя уже развивается товарное производство, возникают отношения товаропроизводителей и прежде всего отношения простых товаропроизводителей — крестьян и ремесленников.

Простое товарное производство характеризуется: частной собственностью производителя на мелкие средства производства, отсутствием эксплуатации чужого труда, производством продуктов на рынок. На основе простого товарного хозяйства растут и развиваются капиталистические отношения. Но поскольку простое товарное хозяйство существует в недрах феодализма, оно не в состоянии вытеснить натуральное хозяйство. Основой феодального строя являлось натуральное хозяйство. Городское население было малочисленным. Основная масса населения жила в деревнях, где господствовало натуральное хозяйство. Лишь очень небольшая часть продуктов превращалась в товары.

До капитализма не было таких условий, чтобы большая часть населения работала преимущественно на рынок. «Если бы мы пошли дальше в своем исследовании, если бы мы спросили себя: при каких условиях все или по крайней мере большинство продуктов принимают форму товара, то мы нашли бы, что это совершается лишь на основе вполне определенного, а именно капиталистического способа производства»¹.

Товарное производство и товарное обращение, следовательно, имели место и до капитализма. Но капитализм отличается от других формаций в этом отношении тем, что товарное производство имеет здесь всеобщий характер.

Возникновение капитализма, процесс так называемого первоначального накопления и развития мануфактур, означает новый этап в развитии общественного разделения труда, новый этап в развитии товарного производства и обращения. В самом деле, крестьянин как самостоятельный производитель создавал у себя в хозяйстве большую часть того, что шло на удовлетворение его потребностей. Он у себя в хозяйстве производил как продукты питания, так и сырье, из которого он сам выделял одежду, обувь и т. д. Он сеял лен, пряд его, ткал полотно и шил из него рубашку. В результате экспроприации в процессе первоначального накопления крестьянин был лишен средств производства, у крестьянина не стало земли. Лен на земле рос, но он уже принадлежал не крестьянину, а капиталисту-предпринимателю, фермеру. Теперь крестьянин не мог сам изготовлять себе рубашку, он вынужден был эту рубашку купить. Производитель, лишившись средств производства, уже вынужден на рынке покупать то, что раньше он производил у себя в хозяйстве. Крестьянин становится

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 112. Изд. 1935.

наемным рабочим на мануфактуре (или у фермера). Мануфактура (или ферма), на которой он работает, вырабатывает те продукты, которые ему необходимы, но они уже противостоят ему не просто как продукты труда, а как товары, и приобрести их он может только на свою заработную плату. Продукты труда, говорит Маркс, приобрели «новую социальную душу», новое общественное свойство — они превратились в товары.

Отделение крестьянина и ремесленника от средств производства, развитие капиталистической промышленности привели, с одной стороны, к весьма значительному увеличению количества продуктов, сбываемых как товары, а с другой — к росту спроса на товары, поскольку самостоятельный производитель превратился в продавца своей рабочей силы.

Этот рост общественного разделения труда означал создание широкого внутреннего рынка. Рабочие покупали средства потребления — продукты промышленности и сельского хозяйства, — то, что они сами раньше производили в своем крестьянском хозяйстве. Капиталисты стали покупать, кроме средств потребления, все в большем количестве средства производства — сырье и орудия производства. Развитие крупного капиталистического производства (в особенности фабрики) приводило к быстрому разрушению натурального хозяйства. Дешевизна продуктов крупной промышленности разоряла мелких товаропроизводителей в городе и деревне, превращала их в наемных рабочих. Дешевизна фабричных товаров делала невыгодным домашнее производство продуктов. Развитие крупных капиталистических предприятий подрывало натуральный деревенский уклад и приводило к дальнейшему росту общественного разделения труда. Чем более развивалась техника, тем быстрее шел этот процесс. Развитие техники приводило к тому, что отдельные отрасли промышленности все более разукрупнялись, разделялись на мелкие специальные отрасли, связанные между собой через рынок. Земледелие также распадается на ряд специальных отраслей, между которыми происходит обмен. Так развивается товарное производство и расширяется внутренний рынок.

Основой всего этого процесса превращения товарного производства во всеобщую, господствующую форму производства, его исходным пунктом является отделение производителя от средств производства, превращение его в наемного рабочего, а следовательно, превращение его в продавца рабочей силы и покупателя товаров, необходимых для его потребления. Этот же самый процесс превращает капиталиста в покупателя средств производства и рабочей силы и в продавца капиталистически произведенных товаров.

Ленин в своем реферате «По поводу так называемого вопроса о рынках» очень подробно анализирует, как превращение натурального хозяйства в капиталистическое приводит к развитию

товарного производства и росту рынка. Рынок развивается несмотря на то, что масса населения беднеет.

Производство продуктов как товаров приобретает всеобщий характер. Это является следствием прежде всего того, что рабочий выступает как продавец особого товара — рабочей силы, т. е. является наемным рабочим, свободным от средств производства.

«Не самый факт производства товаров составляет особенность, отличающую его¹ от других способов производства, а то обстоятельство, что для его продуктов превращение в товары является господствующей и определяющей чертой. Это предполагает прежде всего, что сам рабочий выступает лишь в качестве продавца товара, в качестве свободного наемного рабочего, а следовательно, труд вообще в качестве наемного труда»².

Сказанное выше имеет большое значение для анализа закономерностей капиталистического хозяйства.

Для того чтобы открыть закономерности развития в природе или в обществе, надо начинать их изучение с таких явлений, которые повторяются в массовом масштабе, являются наиболее простыми, всеобщими в данной области.

В капиталистическом хозяйстве наиболее массовое явление — это производство товаров. Обмен товаров — самое обыденное, миллиарды раз повторяющееся явление. «...здесь все принимает вид товара, везде господствует принцип купли-продажи. Здесь вы можете купить не только предметы потребления, не только продукты питания, но также и рабочую силу людей, их кровь, их совесть»³. Товарная форма продуктов труда — самое общее выражение капиталистических отношений. Мы видели, что она стала господствующей именно в силу возникновения капиталистических отношений эксплуатации. Товарное производство, будучи наиболее общей чертой капитализма, является в то же время условием и исходным моментом развития капиталистического производства. Капиталистические отношения вырастают на основе отношений товарного производства.

Капитализм развивается лишь тогда, когда товарное производство и товарное обращение подготовили для него необходимые условия. «Товарное обращение, — говорит Маркс, — есть исходный пункт капитала. Он появляется только там, где товарное производство и развитое товарное обращение, торговля, достигли известного уровня развития»⁴.

Ленин писал:

«У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем

¹ — капитализм.

² К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 635. Изд. 1935.

³ Сталин. Соч., т. I, стр. 332.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 93. Изд. 1935.

явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) в с е противоречия (respective зародыш в с е х противоречий) современного общества»¹.

Отсюда ясно, почему изучение капитализма надо начать с изучения товара: во-первых, товарное производство исторически предшествует капитализму, во-вторых, в условиях капитализма оно является господствующим, в-третьих, товар заключает в себе в зародыше все противоречия капитализма, в-четвертых, в товарной форме, самой обыденной и массовой, при капитализме скрываются капиталистические отношения.

Само собой разумеется, что всесторонний анализ товара в связи с изучением капитализма не только не исключает, но безусловно предполагает исторический анализ товара, историю развития товара в предшествующих капитализму формациях. Но этот анализ показывает, что только в условиях капитализма товар содержит в себе в вполне развитом виде те элементы, которые в предшествующих формациях были в нем в зародышевом состоянии или недостаточно развиты.

Товар и его свойства. Потребительная стоимость и стоимость

Товар — продукт труда, предназначенный для продажи. Очевидно, прежде всего он должен удовлетворять какую-либо потребность, иначе он никому не нужен и никто его не купит. Товар должен быть для чего-либо полезен. Различные предметы в силу своих конкретных особенностей могут удовлетворять различные потребности человека. Одни товары могут удовлетворять потребность желудка, другие — потребность духовную; хлеб может утолять голод, а книга со стихами — доставлять эстетическое наслаждение. Полезность товара, его свойство удовлетворять какую-либо человеческую потребность является потребительной стоимостью товара.

Любая вещь может быть полезна человеку различными своими сторонами. Эти различные свойства вещей открываются в процессе исторического развития.

Медник в XV—XVI веках, производя различные изделия, не подозревал, что медь можно употреблять в качестве проводника электрического тока. Он этого не знал, поскольку электричество тогда еще не было открыто.

Открытие различных сторон потребительной стоимости является результатом человеческого опыта, развития науки, техники, прогресса производительных сил.

Потребительная стоимость товара должна быть прежде всего потребительной стоимостью не для производителя, а для других. Производимые в крестьянском натуральном хозяйстве продукты

¹ XII Ленинский сборник, стр. 324.

в первую очередь удовлетворяли потребность самого производителя; продукты труда, которые предназначены для продажи, должны прежде всего являться потребительной стоимостью для других. Товар покупают не потому, что он представляет потребительную стоимость для его производителя, а потому, что он имеет потребительную стоимость для покупателя: сапоги, которые сапожник производит для рынка, не имеют для самого сапожника потребительной стоимости, ибо в конце концов ему нужна одна пара сапог, а он производит их множество. Но покупатель не купит сапог, если они ему не нужны или не подходят по размеру и качеству, т. е. если они не имеют для него потребительной стоимости. Потребительная стоимость товара должна быть потребительной стоимостью для других, — общественной потребительной стоимостью.

Но и этого мало. Не всякая общественная потребительная стоимость является товаром. В истории имели место такие экономические условия, когда потребительная стоимость предназначалась не для своего, а для чужого потребления, но она не являлась товаром; например, когда крепостной крестьянин выполнял свои повинности перед помещиком уплатой продуктами, в этом случае крестьянин производил продукты не для собственного потребления, а для чужого потребления — для помещика и его челяди. Крестьянин производил потребительную стоимость не для себя, а для других, тем не менее она не была товаром.

Общественная потребительная стоимость может стать товаром лишь в том случае, если она поступает в потребление через обмен, имеет свойство обмениваться на другую потребительную стоимость.

Значит, товар должен иметь не только одно свойство — удовлетворять общественную потребность, но и другое, второе свойство: он должен иметь меновую стоимость, должен обладать свойством обмениваться на другой товар.

Богатство человеческого общества всегда состояло из потребительных стоимостей. Но лишь при определенных общественных условиях потребительные стоимости принимают форму товара и, следовательно, являются носителями меновой стоимости. Пшеница всегда была пшеницей, но лишь при определенных производственных отношениях она становится товаром.

Следовательно, потребительная стоимость — категория историческая в том смысле, что лишь при определенных общественных условиях она является носителем меновой стоимости. Именно в товарно-капиталистическом хозяйстве потребительная стоимость является вещественным носителем меновой стоимости.

Политическая экономия изучает потребительную стоимость как категорию историческую. Потребительная стоимость товара с точки зрения его свойств как полезной вещи вообще и с точки зрения его физико-химического состава изучается особой наукой — товароведением; наукой о качестве и полезных свойствах товара.

Политическая экономия изучает потребительную стоимость в связи с определенными общественными отношениями.

В природных свойствах пшеницы не отражены какие-либо определенные общественные отношения. Но нас не может не интересовать вопрос, почему пшеница при наличии десятков миллионов нуждающихся в хлебе, вместо того чтобы удовлетворить человеческую потребность, подвергается в условиях капитализма уничтожению. Нас не может не интересовать вопрос о противоречиях между полезностью пшеницы и невозможностью ее продажи. Нас не может не интересовать, как мы увидим в дальнейшем, при анализе форм стоимости, та особая роль, которую играет потребительная стоимость, когда она служит для выражения стоимости (например, то, что золото служит для измерения стоимости всех товаров).

Все сказанное выше показывает, что товар обладает двумя свойствами: потребительной стоимостью и меновая стоимость. Ленин пишет: «Товар есть, во-1-х, вещь, удовлетворяющая какой-либо потребности человека; во-2-х, вещь, обмениваемая на другую вещь»¹.

О потребительной стоимости товара мы уже говорили. Перейдем сейчас к рассмотрению меновой стоимости.

Меновая стоимость — это свойство товара обмениваться в известных пропорциях на другие товары. Она прежде всего выступает как количественная пропорция, в которой один товар обменивается на другой. Может показаться, что эта пропорция чисто случайная. Почему, в самом деле, один пиджак равняется двум медным кастрюлям, пара сапог равняется трем медным кастрюлям? Эти отношения могут казаться случайными также и потому, что они изменчивы: сегодня один пиджак равняется двум медным кастрюлям, а спустя некоторое время — одной кастрюле.

Чем же определяется меновая стоимость товара?

Существуют буржуазные школы в политической экономии, которые считают, что меновая стоимость товаров определяется их потребительной стоимостью. Такая постановка вопроса совершенно неправильна.

Как потребительные стоимости товары совершенно различны. Кастрюля удовлетворяет одну потребность, сапоги удовлетворяют другую потребность. Их свойства совершенно различны, и потому они не сравнимы.

Потребительная стоимость — это то, чем различаются товары. Но раз мы один товар приравниваем к другому, то, следовательно, в них должно быть что-то общее, а не только различное. Ведь повседневно на рынке происходит такое приравнивание одного товара к другому. Но что же общего у товаров, если их потребительные стоимости различны?

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 15.

Единственное, что является общим у различных товаров, — это затраченный на их производство труд. Действительно, продукты труда, выступающие как товары, имеют не только потребительскую стоимость, но имеют еще ту особенность, что они являются продуктами труда, что на них затрачен труд. Пара сапог потому обменивается на три кастрюли, что и на сапоги и на кастрюли затрачено одинаковое количество труда.

Товары и выступают как сгусток труда, кристаллизованный труд. Товар, следовательно, воплощает в себе определенные затраты труда. Как результат затраченного человеческого труда товар является стоимостью. Труд создал стоимость товара. Товары, как стоимости, качественно однородны. В основе меновых стоимостей, в основе тех пропорций, в которых обмениваются товары, лежат их стоимости. За меновой стоимостью, за меновыми пропорциями скрывается их стоимость, затрата труда. Меновые пропорции, меновая стоимость — это форма, в которой выражаются стоимости товаров. Потребительная стоимость может и не быть продуктом человеческого труда (вода из источника, дикорастущие плоды и т. п.). Стоимость же товаров — результат затраты труда.

Таким образом, мы установили наличие двух факторов товара: потребительной стоимости и стоимости. Существование стоимости без потребительной стоимости невозможно. Ведь стоимость — это свойство товара, но не может быть товара без потребительной стоимости. Не может иметь стоимости вещь, которая не представляет собой никакой потребительной стоимости, даже если бы на нее было затрачено колоссальное количество труда. Если бы наш медник, например, сделал кастрюлю, которая не поместится ни в какой печи, не установится ни на какой плите, то, хотя бы он затратил на производство кастрюли полгода, она как кастрюля никакой стоимости иметь не будет. Труд, затраченный на нее, пропадет впустую. Следовательно, стоимости без потребительной стоимости не существует. Потребительная стоимость является носителем стоимости. Но, с другой стороны, вполне возможно существование потребительной стоимости, не являющейся носителем стоимости, не являющейся товаром. Продукты, которые крестьянин производит в своем хозяйстве для своего личного потребления, представляют потребительные стоимости, но стоимости они не имеют.

Здесь может возникнуть вопрос: почему же эти продукты труда, не являющиеся товарами, не имеют стоимости, почему в данном случае затраты труда не привели к появлению стоимости? Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо проанализировать природу труда, производящего товары. Тогда станет понятно, что затрата труда приводит к созданию стоимости не всегда, не при любых общественных условиях.

Рассмотрим труд, производящий товары.

Двойственный характер труда, создающего товар: труд конкретный и труд абстрактный. Основное противоречие товарного производства

Нетрудно установить, что труд товаропроизводителя носит двойкий характер. В самом деле, труд медника и сапожника — это различные виды труда. Один проделывает одни конкретные операции, работает посредством особых сапожных инструментов, другой проделывает совершенно иные операции и работает посредством совершенно других инструментов. В результате специфического труда каждого из них, сапожника и медника, произведены различные потребительные стоимости.

Чтобы произвести сапоги, нужен полезный труд сапожника, а не труд медника. Труд, результатом которого является определенная потребительная стоимость, является конкретным трудом. Различные виды труда отличаются один от другого своими конкретными формами.

Но мы знаем, что товары не только отличаются друг от друга, но и имеют нечто общее между собой — стоимость. Это свойство товара может явиться лишь результатом того, что и различные виды труда, производящего товары, имеют нечто общее, ибо товар — продукт труда.

Труд сапожника отличается от труда медника своей специфической стороной, тем именно, что его продуктом являются сапоги, а продуктом труда медника — кастрюли. Но в то же время труд медника имеет нечто общее с трудом сапожника: и тот и другой труд представляет собой затрату человеческой рабочей силы — мозга, мускулов, нервов и т. д. «Если отвлечься от определенного характера производительной деятельности и, следовательно, от полезного характера труда, то в нем остается лишь одно, — что он является затратой человеческой рабочей силы»¹. Следовательно, в различных видах труда общее — это его общечеловеческая природа, то, что это человеческий труд вообще, труд, отвлеченный от его конкретных особенностей, абстрактный труд. «Следовательно, тем общим, что есть во всех товарах, является не конкретный труд... а абстрактный человеческий труд, человеческий труд вообще»².

Здесь речь идет о «человеческом труде вообще», затрачиваемом в определенных общественных условиях: не всякий общечеловеческий труд есть труд абстрактный. Примером может служить труд в индийской общине до появления товарного производства. Что представляла собой индийская община? Индийская община основывалась на общинной собственности на землю и совместной ее обработке (в общинах наиболее простого типа). Наряду с этим уже существовали целый ряд домашних побочных промыслов и известное разделение труда. Там уже имелись такие особые

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 8. Изд. 1935.

² Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 16.

профессии, как счетовод, судья, надзиратель за водоемами, учитель, кузнец, плотник и т. д. Подобного рода первобытные общины основывались на общинном владении землей и планомерном разделении труда внутри общины, непосредственно соединявшем земледелие с ремеслом. В этих условиях продукты труда не превращались в товары и не существовало еще тех внутренних противоречий общественного труда, какие существуют в обществе товаропроизводителей.

Общественное разделение труда, естественно выросшее между различными общинами и приводящее к обмену продуктами их труда, было причиной возникновения противоречий общественного труда. Эти противоречия росли по мере того, как развивались общественное разделение труда и товарный обмен, ускорявшие и усиливавшие процесс разложения общинной собственности и появления частной собственности. Дальнейшее развитие общественного разделения труда в условиях наличия частной собственности на средства производства придает производству характер товарного производства. Товаропроизводители связаны между собой на основе общественного разделения труда: одни работают на других — медник на сапожника, сапожник на медника, столяра, булочника и т. д. Чем больше труд разделен, тем больше взаимозависимость между товаропроизводителями. Но то, что каждый делает, он делает как мелкий частный собственник, следовательно, производство — его частное дело. Общественная связь товаропроизводителей выявляется через рынок. Лишь рынок, стихийные рыночные колебания направляют действия отдельных товаропроизводителей.

Таким образом, в условиях стихийно-организованного товарного производства общественное разделение труда определяет общественный характер всего процесса труда. В то же время труд существует как частное дело отдельных лиц. В этом заключается глубокое противоречие.

Противоречие между частным и общественным трудом и является основным противоречием товарного хозяйства. Это корень всех его противоречий. «Для того же, чтобы произвести товар, человек не только должен произвести продукт, удовлетворяющий какую-нибудь общественную потребность, — самый труд его должен составлять часть или долю общей суммы труда, затрачиваемого обществом. Он должен быть подчинен разделению труда внутри общества. Он — ничто без других подразделений труда и, со своей стороны, необходим, чтобы их дополнять»¹. Только через рынок проявляется общественная связь товаропроизводителей, только через рынок, через приравнивание продуктов труда, выявляется, что труд — это не только полезный труд данного производителя, но и общественный труд, общечеловеческий, абстрактный труд.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 118.

Отсюда ясно, что общечеловеческий труд, «труд вообще», лишь при определенных общественных условиях является абстрактным трудом.

Общественный труд принимает характер абстрактного труда в условиях общественного разделения труда и товарного обмена. Противоречия двойственного характера труда исторически развиваются как следствие противоречий частного и общественного труда. Наибольшего развития эти противоречия достигают в условиях капиталистического хозяйства. Свойства труда, абстрагированного от его конкретных форм, в стихийно-организованном товарном производстве ярче всего проявляются в капиталистическом хозяйстве.

Маркс в своей работе «К критике политической экономии» показывает, как конкретная форма труда в условиях капитализма перестает интересовать производителя. Рабочий, чтобы не умереть с голоду, должен браться за любую предлагаемую ему работу. Он меняет работу не потому, что ему нравится быть сегодня сапожником, завтра портным, послезавтра медником, затем еще кем-нибудь. Он меняет работу потому, что его гонит голод. Ему безразлично — печь ли булки, шить ли сапоги, делать ли кастрюли. Главное — не умереть с голоду, и он берет ту работу, которая сейчас имеется.

Товарищ Сталин в своей речи на Первом совещании стахановцев, говоря о труде в условиях капитализма, подчеркнул, что труд там является частным делом, причем рабочий вынужден соглашаться на условия, которые диктуют капиталисты. «Ты не согласен с этим, — ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь...» (Сталин).

В этой постоянной смене конкретных форм труда одним и тем же рабочим в то же время ярко проявляется то общее, что постоянно имеется в его труде, независимо от конкретных форм, — это человеческий труд вообще. Абстрактный труд предполагает совокупность разнородных видов труда, общественное разделение труда. Наибольшее развитие абстрактный труд получает лишь в условиях капитализма как результат развитого общественного разделения труда, когда уже имеются весьма многообразные формы конкретного труда, когда, следовательно, развит общественный характер производства и соответствующие ему на основе частнокапиталистической собственности формы обмена.

Открытие Марксом двойственного характера труда имеет очень большое значение. Так, Маркс в письме к Энгельсу от 24 августа 1867 г. писал следующее: «Самое лучшее в моей книге... 1) в первой же главе подчеркнутая особенность двойственного характера труда, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или меновой стоимости (на этой теории о двойственном характере труда покоится в се понимание фактов);

2) прибавочная стоимость рассматривается независимо от ее особенных форм...»¹.

И действительно, открытие двойственного характера труда позволило Марксу последовательно вскрыть противоречия простого товарного и капиталистического хозяйства².

Таким образом, два фактора товара — потребительная стоимость и стоимость — порождаются двойственным характером труда: потребительная стоимость — конкретным трудом, стоимость — трудом абстрактным.

«Мы приходим таким образом к следующему выводу:

Товар имеет стоимость потому, что является кристаллизацией общественного труда»³.

Величина стоимости товара

Индивидуальный и общественно-необходимый труд. Чем и как определяется величина стоимости товаров? Мы сказали, что стоимость товаров определяется количеством затраченного на них общественного труда. Естественной мерой труда является рабочее время. На той ступени развития, когда обмен был еще случаен, когда продукты труда в редких случаях превращались в товары, пропорции, в которых происходил обмен товаров, были случайными. Но чем регулярнее становился обмен, тем более развивалось товарное производство, тем все больше меновая стоимость товаров соответствовала величине стоимости товаров, т. е. рабочего времени, затраченного на их производство.

Энгельс в своей работе «Дополнение к третьему тому «Капитала» указывает, что средневековому крестьянину и ремесленнику было хорошо известно, сколько часов труда они затратили на произведенные ими продукты.

Крестьяне покупали продукцию ремесленников, которая изготовлялась, можно сказать, на их глазах. Ремесленник также еще занимался сельским хозяйством и ясно представлял себе условия крестьянского производства. И ремесленники и крестьяне, отмечает Энгельс, не были так глупы, чтобы обменивать продукт 10-часового труда на продукт часового труда.

Следовательно, чем больше развивался товарный обмен, тем все более пропорции обмена определялись величиной стоимости товаров.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 198. Изд. 1931.

² Конкретный и абстрактный труд существуют и в социалистическом обществе, но двойственный характер труда здесь уже не связан с противоречиями частного и общественного труда. Конкретный и абстрактный труд являются в социалистическом обществе двумя сторонами непосредственно общественного труда.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 118.

Встает другой вопрос. Различные товаропроизводители затрачивают различное время на производство одних и тех же товаров: одни являются более искусными и ловкими работниками, другие — менее искусными и ловкими; одни работают при помощи более совершенных инструментов, другие — при помощи менее совершенных. Следовательно, и время, затрачиваемое на производство товаров одного и того же рода и сорта, будет различным.

Рабочее время, необходимое для изготовления продуктов, определяется не индивидуальными особенностями производства и производителя, а господствующими общественными условиями. «Для того, чтобы произвести какой-нибудь товар, нужно вложить в него или затратить на него известное количество труда. И я говорю не просто о труде, но об общественном труде»¹.

Величина стоимости определяется общественно-необходимым для производства товара временем.

Общественно-необходимое время — это рабочее время, необходимое для изготовления продукта при данных общественно-нормальных условиях производства, при господствующей технике, среднем уровне умелости и интенсивности труда. Категория общественно-необходимого труда является чрезвычайно важной. В самом деле, труд каждого данного товаропроизводителя является общественным, поскольку он является частью общественного труда и поскольку затрачиваемое товаропроизводителем время на производство товара составляет общественно-необходимую величину. Если на производство сапог вместо 10 часов труда будет затрачено 25 часов, то 15 часов не будут признаны обществом как затрата общественного труда, — 15 часов индивидуального труда данного товаропроизводителя пропадут впустую. Это выяснится на рынке в стихийном процессе конкурентной борьбы товаропроизводителей. С появлением денег процесс стихийного определения общественно-необходимого труда происходит в форме приравнивания товаров к деньгам.

Общественно-необходимое время является важнейшим фактором, определяющим успех в конкуренции товаропроизводителей. В самом деле, пусть один товаропроизводитель производит сапоги в 10 часов, второй — в 25 часов. На рынке окажется в более выгодном положении тот, кто затрачивает меньше времени на производство. А кто затрачивает меньше времени? Тот, у которого более совершенная техника и относительно более передовая организация труда. Это означает, что в условиях господства фабрики общественно-необходимое время меньше, чем в условиях преобладания ремесла. Так как на капиталистическом предприятии производство требует затраты меньшего количества труда, чем в мастерской ремесленника, то в конце концов капиталист вытесняет ремесленника. Крупное производство вытесняет мелкое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 118.

прежде всего потому, что общественно-необходимое время при крупном производстве меньше, чем при мелком.

Простой и сложный труд. Говоря о труде, образующем стоимость, необходимо рассмотреть вопрос о создании стоимости сложным (квалифицированным) и простым (неквалифицированным) трудом. На рынке фактически обмениваются продукты труда различной квалификации, различной сложности. Это значит, что труд более сложный в процессе рыночной конкуренции фактически приравнивается к труду менее сложному, к труду простому; всякий сложный труд выступает как умноженный простой труд. Возьмем, например, труд часовщика и труд дровосека. Труд дровосека более простой, труд часовщика более сложный. Но часы обмениваются на дрова. Значит, труд часовщика приравнивается к труду дровосека. Более сложный труд приравнивается к труду более простому. Приравнивание труда на рынке в процессе конкуренции является следствием того, что в производстве труд сложный представляет собой не что иное, как умноженный, как суммированный простой труд. «Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определенное количество простого труда»¹.

Производительность труда и величина стоимости. Из всего сказанного выше ясно, что величина общественно-необходимого труда меняется вместе с изменением производительной силы труда.

Производительная сила труда измеряется количеством продуктов, производимых в единицу времени. Если в течение 10 часов производится вдвое больше продуктов, чем раньше, то это означает, что производительная сила труда выросла вдвое.

От чего же зависит производительная сила труда? Понятно, что в первую очередь она зависит от уровня развития орудий труда. При данном уровне развития орудий труда производительная сила труда зависит от целого ряда факторов. Маркс, говоря о величине стоимости товара, отмечает: «Производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, природными условиями»².

Когда мы говорим о производительной силе труда, мы имеем в виду количество потребительных стоимостей, производимых в единицу времени. Значит, здесь дело идет о конкретной стороне труда. Конкретный труд может быть, как говорит Маркс, то более богатым, то более скудным источником продуктов. В то же время, поскольку мы говорим о стоимости товаров, то одинаковым по сложности и интенсивности труд производит в единицу

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 9. Изд. 1935.

² Там же, стр. 5.

времени одну и ту же стоимость. Если в 10 часов вместо одной пары сапог производятся две пары, то общая их стоимость составит те же 10 часов труда. Но так как в 10 часов произведены две пары сапог, то стоимость каждой пары сапог будет составлять всего 5 часов труда. Она понизится вдвое. С другой стороны, если раньше две пары сапог представляли собой затрату 20 часов труда, то сейчас они составляют 10 часов труда; общая их стоимость понизилась вдвое.

Поэтому величина стоимости товара прямо пропорциональна количеству затраченного труда и обратно пропорциональна производительной силе труда. Чем больше затрачивается общественно-необходимого труда, тем большая стоимость создается. Но чем больше производительная сила труда, тем меньше общественно-необходимое время, затрачиваемое на единицу продукта труда, тем меньше стоимость единицы продукта.

Итак, стоимость является овеществленным в товаре абстрактным трудом; величина стоимости определяется общественно-необходимым трудом.

Следовательно, стоимость есть общественное свойство вещи, а не свойство вещи самой по себе, не какое-то естественное качество вещи.

Ленин писал: «Стоимость есть отношение между двумя лицами — как сказал один старый экономист; ему следовало лишь добавить: отношение, прикрытое вещной оболочкой»¹.

Деньги как результат развития товара

Стоимость и меновая стоимость. Товары обладают стоимостью. Но как же проявляется стоимость товара?

Хотя стоимость есть, несомненно, нечто материальное как результат затраты человеческого труда, она не обнаруживается непосредственно в товаре. Она может проявиться лишь в отношении данного товара к другим. В самом деле, возьмем какой-либо товар, предположим, стол. Если взять стол сам по себе, то как бы мы его ни рассматривали, его стоимость для нас неощутима. Но если этот стол приравнен к золоту, если оказывается, что за стол дают какой-то другой товар, то это значит, что стол имеет меновую стоимость, т. е. имеет в себе нечто такое, что позволяет его обменивать на другой товар. Но почему же стол обменивается на золото? Потому, что и на стол и на золото затрачен общественный, абстрактный труд. Следовательно, то свойство товара, что он является продуктом общественного, абстрактного труда, может проявиться лишь тогда, когда данный товар противопоставлен другому товару. Значит, равенство товаров в процессе обмена является формой выражения стоимости товаров, или их меновая стоимость есть их форма стоимости.

Возьмем другую сторону дела — вопрос о количестве труда, затраченного на данный стол. Стоимость определяется обществен-

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 16.

но-необходимым трудом. Но товарпроизводитель не знает и не может знать, сколько общественно-необходимого труда нужно затратить на этот стол, ибо производители не связаны непосредственно друг с другом. Но когда производитель выносит товар на рынок и устанавливает, что за стол можно получить лишь продукт 8-часового труда, он узнает, что время, затраченное им на производство стола — 10 часов, не является общественно-необходимым.

Конечно, не рынок сам по себе определяет это количество, — оно определяется уже условиями производства: большинство товаропроизводителей затрачивает на производство стола 8 часов, но узнают они об этом только впоследствии, на рынке. Значит, и то, что товар имеет стоимость, и ее величина — все это выявляется только через обмен, через меновую стоимость, через форму стоимости.

В капиталистическом хозяйстве все товары приравниваются к деньгам. Через обмен на деньги выявляются стоимость товаров и ее величина. Следовательно, выражение стоимости товаров в деньгах представляет собой всеобщую форму стоимости. Но если взять деньги такими, какими они существуют в условиях капиталистического хозяйства, то мы не обнаружим их действительной природы, будет не понятно, почему всеобщей формой, в которой выражается стоимость всех товаров, являются деньги. Маркс указывает, что если денежную форму стоимости мы возьмем как готовую форму, то мы здесь ничего не выясним. Нам надо проследить процесс ее развития с самой простой, элементарной формы стоимости, проследить исторически ее превращение в денежную форму. Только Маркс, применив диалектический метод к изучению экономических явлений, поставил эту задачу и решил ее: «Нам предстоит здесь исследовать вопрос, который буржуазная политическая экономия даже не пыталась поставить, — именно показать возникновение этой денежной формы, т. е. проследить развитие того выражения стоимости, каким является отношение стоимостей товаров, от его простейшей, наиболее скромной формы и вплоть до ослепительной денежной формы. Вместе с тем исчезнет и загадочность денег»¹. Развитие форм стоимости, исследованное Марксом, представляет собой обобщение огромного исторического материала о развитии обмена.

Развитие форм стоимости

В лекциях, посвященных докапиталистическим формациям, уже было выяснено, что обмен на наиболее ранней ступени его развития имеет случайный характер:

один волосяной браслет = каменному топору,
копье = курице,
мотыга = козе,
горсть орехов = листу табака.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 12. Изд. 1935.

Здесь стоимость отдельных продуктов труда случайно выражается в каком-либо другом товаре. Эта форма стоимости называется простой, или случайной. Это наиболее элементарная форма стоимости. Следовательно, мы называем простой, случайной, ту форму стоимости, которая исторически соответствует случайному обмену как первой ступени в развитии обмена: товар обменивается непосредственно на другой товар, обмен и форма выражения его стоимости случайны. Сегодня волосяной браслет обменивается на каменный топор, завтра курица — на копы и т. д. Стоимость товара находит свое выражение в случайном другом товаре. Это самая первичная стадия в развитии обмена, его зачатки. Как указывает Маркс, здесь продукты труда превращаются в товары лишь в исключительных и случайных актах обмена.

Рассмотрим эту простую, или случайную, форму стоимости. Владелец волосяного браслета меняет его на каменный топор. Каменный топор служит в обмене своего рода средством «удостоверения» того, что на волосяной браслет затрачен общечеловеческий труд. Если владелец браслета получит за него каменный топор, — значит каменный топор «удостоверяет» затрату труда на браслет, выражает собой стоимость браслета. Следовательно, эти два товара занимают в этом равенстве неравное положение. Один выражает свою стоимость, а второй служит для выражения стоимости первого. Один (волосяной браслет) играет активную роль: он выражает свою стоимость в каменном топоре; второй (каменный топор) играет пассивную роль: он служит материалом для выражения стоимости браслета. Здесь мы имеем равенство, в котором существуют два полюса. Товар, который играет активную роль, мы называем товаром, находящимся в относительной форме стоимости; товар, который служит для выражения стоимости первого товара, находится в эквивалентной форме стоимости, он является эквивалентом.

Рассмотрим подробнее относительную и эквивалентную форму стоимости. Браслет выражает свою стоимость через другую потребительную стоимость, через товар, играющий роль эквивалента. Потребительная стоимость — каменный топор, — являясь эквивалентом, свидетельствует о том, что волосяной браслет представляет собой стоимость, топор выражает стоимость браслета. Это первая особенность эквивалента: потребительная стоимость становится формой проявления стоимости.

На каменный топор затрачен определенный конкретный труд человека, изготовившего его; на браслет — труд человека, изготовившего браслет. Но браслет в то же время является продуктом общечеловеческого труда, ибо за браслет дают другой продукт общественного труда — каменный топор. Именно обмен браслета на топор устанавливает факт затраты на браслет какой-то доли общечеловеческого, абстрактного труда. Следовательно, конкретный труд, затраченный на каменный топор, служит выражением труда абстрактного. Труд человека, производящего топор, удостоверяет,

что на волосяной браслет затрачен абстрактный труд. Вторая особенность эквивалента заключается, следовательно, в том, что конкретный труд становится формой проявления абстрактного труда.

Каменщик создал топор, вынес его на рынок, отдал его за волосяной браслет. Но этим самым частный труд каменщика послужил подтверждением того, что на волосяной браслет затрачена какая-то доля общественного труда. Значит, третья особенность эквивалента и состоит в том, что частный труд выступает непосредственно как общественный труд. Каменный топор — продукт частного труда, но, поскольку он выражает собой, удостоверяет затрату общественного труда на браслет, он выступает как продукт непосредственно общественного труда.

Следовательно, уже в этой простой, или случайной, форме стоимости мы имеем дело с очень интересным явлением. Каменный топор для нас был до сих пор вещью, удовлетворяющей определенную человеческую потребность. Но оказывается, что каменный топор в данном случае выполняет еще и особую общественную функцию — функцию эквивалента, он удостоверяет затрату общественного труда на волосяной браслет и сам выступает непосредственно как продукт общественного труда. Оказывается, каменный топор, очутившись в роли эквивалента, играет особую социальную роль, имеет особое социальное значение.

При анализе формы стоимости иногда забывают качественную сторону и обращают внимание лишь на количественную сторону.

Говорят, что топор в обмене на браслет служит для выявления количества труда, затраченного на браслет. Конечно, обмен топора на браслет выявил и количество общественного труда, затраченного на последний (впрочем, количественные соотношения товаров на первой стадии обмена, конечно, случайны), но почему именно через обмен на топор выявляется количество труда, затраченного на браслет? Здесь важна прежде всего качественная сторона: то, что потребительная стоимость одного товара (топора) стала средством выражения стоимости другого товара (браслета), то, что конкретный труд стал средством выражения абстрактного труда, что частный труд выступает как общественный труд. Итак, стоимость товара может быть выражена лишь через потребительную стоимость другого товара, это и определяет возможность выразить количество труда, затраченного на данный товар, через определенное количество другого товара.

Далее, необходимо отметить следующее обстоятельство. Равенство двух товаров в обмене показывает нам, что стоимость не может определяться меновой стоимостью, что меновая стоимость является формой выражения стоимости. Не обмен придает товарам стоимость, а то, что они производятся как стоимости, придает им свойство меновой стоимости. Именно потому, что в условиях разделения труда действуют частные собственники, разрозненные производители, продукты их труда должны обмениваться, они яв-

ляются товарами, имеют стоимость, а в результате этого и форму стоимости.

Мы уже говорили о противоречиях товарного хозяйства, о противоречиях частного и общественного труда, конкретного и абстрактного труда. Здесь при рассмотрении формы стоимости мы видим, как эти противоречия товарного хозяйства проявляются в форме противоречий между потребительной стоимостью и стоимостью. Волосяной браслет для его владельца не представляет потребительной стоимости. Он для него играет роль стоимости, служит средством получения другой, необходимой для него потребительной стоимости. Волосяной браслет должен быть потребительной стоимостью для других, иначе за него ничего нельзя будет получить. Но если волосяной браслет никому не нужен, то он теряет не только значение потребительной стоимости, но и стоимости, ибо за него нельзя получить тогда никакого другого товара. Противоречия товарного хозяйства и выражаются в том, что товаропроизводители, не зная потребностей общества, нередко производят не то, что нужно обществу, и производимые ими потребительные стоимости оказываются излишними, а продукт труда лишённым и потребительной стоимости и стоимости. В результате этого часть производителей разоряется, а часть, наиболее приспособившаяся к рынку, богатеет. Следовательно, противоречие между общественным и частным трудом в условиях товарного производства приводит к противоречию потребительной стоимости и стоимости. В условиях капиталистического хозяйства нищета масс приводит к недостатку платежеспособного спроса, к невозможности для трудящихся оплатить стоимость товаров; товары перестают продаваться, а вместе с тем лишаются и своей потребительной стоимости. Следовательно, капитализм, являясь продуктом товарного производства, вместе с тем усиливает его противоречия.

Итак, мы пока имели дело с простой формой стоимости. Но обмен не остановился на этой ступени развития. Производство растёт, и некоторые товары, уже не как исключение, а как общее правило, начинают обмениваться на другие товары. Например, все большее распространение скотоводства приводит к тому, что скот начинают обменивать на все другие товары. В этом случае отдельные товары, на которые обмениваются коровы, овцы, противостоят им уже не как случайные эквиваленты: скот уже более или менее регулярно приравнивается к зерну, к кофе, к топорам, к соли. Каждый из этих товаров фигурирует уже не как случайный эквивалент в отношении скота, а как особый эквивалент, т. е. как один из многих эквивалентов, к которым приравнивается скот.

Обмен принимает следующий вид:

10 овец = 4 мешкам зерна, или = 2 мерам кофе, или = 10 корзинам соли, или = 5 топорам и т. д.

Обмен принимает более регулярный характер, происходит систематически. Стоимость данной вещи выражается уже не в одном каком-нибудь случайном товаре, а постоянно выражается в целом

ряде товаров. Мы имеем дело уже со следующей ступенью развития обмена, которой соответствует полная, или развернутая, форма стоимости. Сейчас каждый из товаров выступает попеременно в роли эквивалента.

Скот начинает производиться преимущественно как товар, — значит, он все время появляется на рынке в качестве товара, значит, у ряда предметов устанавливаются с ним отношения как с товаром. И топор, и копье, и рожь — все эти товары уже оказываются способными удостоверить общественную необходимость скота как товара. Все они выступают в качестве эквивалентов.

Таким образом, полная, или развернутая, форма стоимости выражает собой дальнейшее развитие производственных связей между людьми.

Но развитие обмена не останавливается и на этой ступени. Развернутая форма стоимости превращается постепенно во всеобщую форму стоимости. Один из товаров, который систематически обменивался на другие товары, постепенно в процессе развития товарообмена становится тем товаром, к которому приравниваются все остальные товары, становится всеобщим эквивалентом. Если раньше 10 овец = 10 корзинам соли = 2 мешкам кофе = 5 топорам и т. д., то теперь:

$$\left. \begin{array}{l} 10 \text{ корзины соли} = \\ 2 \text{ мешка кофе} = \\ 5 \text{ топоров} = \\ 15 \text{ стрел} = \\ \text{и т. д.} \end{array} \right\} 10 \text{ овцам.}$$

Возникает вопрос: почему раньше любой из товаров мог выступать в качестве эквивалента, а теперь только один из товаров играет роль всеобщего эквивалента? Дело в том, что при случайном обмене в конце концов для производителей было безразлично, будет ли произведен обмен или нет. Для жизни производителя, для его существования это не имело особенного значения. Случайный обмен ведь свойственен зачаточной стадии в разделении труда.

Но вот возникло первое крупное общественное разделение труда. Из общей массы выделились пастушеские племена. Обмен становится уже регулярным сперва для пастушеских племен, а потом и для остальных варваров. В этих условиях вопрос об обмене становится серьезной проблемой для производителя. И от того, обменивает ли он свой товар или не обменивает, зависит многое в условиях его существования.

Таким образом, именно то обстоятельство, что труд развивается как абстрактный труд, что развивается обмен, то обстоятельство, что от обмена уже все больше начинает зависеть судьба товаро-производителя, и приводит к тому, что простой обмен товара на товар уже не удовлетворяет, что появляется необходимость в таком товаре, за который можно получить любой другой товар. В самом деле, представим себе, что владелец соли хочет получить

за нее быка или козу. Но у другого товаропроизводителя, которому нужна соль, нет ни быка, ни козы, у него есть только овца. Оказывается, имеется много производителей товаров, которые готовы отдать за соль свои товары. Следовательно, имеется много разновидностей потребительной стоимости, готовых выразить стоимость соли. Но нет той потребительной стоимости, которая единственно может удовлетворить продавца соли. И товар-соль остается непроданным, теряет свое значение как стоимость для его продавца. Создаются значительные трудности в обмене. Трудности были и при случайном обмене. Но тогда они не имели такого значения. Рост трудностей обмена — результат развития общественного разделения труда, ибо вместе с последним растет количество товаров, а это последнее выражает собой серьезные качественные сдвиги в производстве, обмен перестал быть случайным, обмен становится все более настоятельной жизненной потребностью. Значит, дело в конечном счете не в трудностях обмена, а в росте противоречий общественного труда, в развитии товарного производства и обмена. В этих условиях случайные эквиваленты или эквиваленты особенные (в развернутой форме стоимости каждый эквивалент является уже «особенным», а не случайным) уже не удовлетворяют. Сейчас все большая масса товаров жаждет получить признание как продукты общественного труда. Сейчас требуется, чтобы появился товар, к которому можно приравнять, за который можно получить любой другой товар. Такой товар стихийно и выделяется в процессе обмена.

Если скот приравнивался ко всем товарам, так как он преимущественно производился как товар, а все остальные товары удостоверяли общественную природу труда, который на него затрачен, то сейчас отношения становятся обратными: все товары приравниваются к скоту (всеобщая форма стоимости). Скот для всех товаров — эквивалент. Все товары выражают свою стоимость только в скоте. За скот можно получить любой другой товар. Скот становится всеобщим эквивалентом. Скот становится как бы непосредственным воплощением общественного труда, ибо выражает, удостоверяет общественный характер труда, затраченного на любой другой товар.

Таким образом, развитие регулярного обмена, вызванное первым крупным общественным разделением труда, приводит к тому, что из всех товаров стихийно выделяется один из товаров, в котором выражается стоимость всех остальных товаров, на который обмениваются все товары, — всеобщий эквивалент. Теперь стоимость всех товаров выражается только в одном товаре — во всеобщем эквиваленте.

Появление всеобщего эквивалента — результат стихийного развития общественного разделения труда, роста производственных связей, а вместе с тем роста противоречий общественного и частного труда, противоречий потребительной стоимости и стоимости.

Скот — один из первых и наиболее распространенных товаров, который играл роль всеобщего эквивалента. Впрочем, какой товар играл эту роль, зависело от условий производства. Поэтому в качестве всеобщего эквивалента выступали различные товары.

Следующей формой стоимости после всеобщей является денежная форма стоимости. Различие между ними заключается в следующем. Когда в качестве всеобщего эквивалента выступал какой-либо товар, то эта его роль еще не была постоянной, устойчивой; через некоторое время эта роль могла перейти к другому товару. У соседнего племени эту роль всеобщего эквивалента может играть третий товар и т. д. Но когда обмен разрывает местные рамки, становится более широким, такое разнообразие и известная неустойчивость всеобщего эквивалента становятся препятствием для развития обмена, для развития производственных связей. Тогда роль всеобщего эквивалента срывается с определенной потребительной стоимостью: уже не только в масштабе местного, узкого рынка, но и в более широком обмене роль всеобщего эквивалента прочно закрепляется за одним каким-либо товаром. Этот товар, таким образом, становится деньгами. Значит, деньги есть не что иное, как всеобщий эквивалент, как особый товар, с потребительной стоимостью которого прочно срослась эквивалентная форма стоимости. Деньги — товар, постоянно выполняющий роль всеобщего эквивалента.

История денежного материала. Деньги имеют очень древнее происхождение. Деньги уже существовали около 4—6 тысяч лет назад. В Греции и в ее азиатских колониях 2700 лет назад существовала уже чеканная монета. Какие же товары начинают выполнять роль денег?

«Денежная форма срывается, — писал Маркс, — или с наиболее важными предметами, которые получают извне и действительно представляют естественно развивающуюся форму проявления меновой стоимости для туземных продуктов. Или же — с предметом потребления, который составляет главный элемент туземного отчуждаемого имущества, каков, напр., скот»¹.

Некоторые продукты начинают преимущественно производиться как товары, и эти продукты труда постоянно находятся в обмене, становятся поэтому наиболее важным предметом обмена, они начинают выступать как деньги.

Роль денег выполняли различные товары, но постепенно она укрепилась за такими товарами, которые по своим природным качествам особенно пригодны для выполнения этой общественной функции.

История денежного материала нам объяснит, почему роль денег укрепилась за золотом. История денежного материала и дальнейшее развитие денег подтверждают, что особенности денег — не ре-

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 45. Изд. 1935.

зультат сверхъестественных качеств золота, а результат развития экономических отношений, результат развития противоречий товарного хозяйства.

Наиболее распространенным на первых ступенях развития товарного обращения был скот. Ряд литературных памятников свидетельствует об этом. В поэмах Гомера (примерно 2700—2800 лет назад) за денежную единицу считалась штука скота, причем она в ряде случаев уже приравнивается к золотой единице — таланту.

В языках различных народов можно найти следы той эпохи, когда деньгами был скот. Например, в латинском языке «пекус» — скот, «пекуния» (во множественном числе) — деньги; скотник в древнерусском языке — это казначей.

Но скот не повсюду являлся денежным материалом; преимущественно это имело место у племен пастушеских. У племен, поселившихся на берегах морей и специализировавшихся на рыболовстве, в роли денег были весьма распространены ракушки. Весьма распространенным денежным материалом являлась ракушка «каури» (берега Индийского океана — Африка, частично Америка). Даже в курганах Южной России находили эти раковины каури, которые, очевидно, были сюда завезены.

У племен, населявших берега океанов и морей, имела хождение в качестве денег рыба. В горных и лесистых местах в роли денег выступали шкуры животных и пушистые меха. Пушистые меха в роли денег имели большое распространение в древней Руси, а также у скандинавских народов и на Аляске. У некоторых народов (в Америке) в качестве денег употребляли какао-бобы, насыпанные в травяные мешочки.

Условия жизни каждого человеческого общества определяли, какой из товаров превращался в денежный материал.

Все эти виды денег возникли еще в результате развития первого крупного общественного разделения труда.

Следующей ступенью развития человеческого общества было второе крупное общественное разделение труда.

«Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, развивалось все в возрастающей степени разнообразие и совершенство производства; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и овощами также масло и вино, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия»¹.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 156. Изд. 1937.

Это отделение ремесла от земледелия, говорит Энгельс, дальше приводит к тому, что «благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром — деньгами», но они еще не фигурируют в форме монеты, а идут по весу. Отделение ремесла от земледелия привело к тому, что в роли денег стали функционировать преимущественно металлы.

К этой же стадии развития человеческого общества надо отнести те отношения, когда сам человек функционировал в качестве денег. Энгельс говорил, что рабство, только возникшее и случайное на предыдущей ступени развития, становится составной частью всей общественной системы после второго общественного разделения труда. Именно на данной ступени развития рабы становятся всеобщим товаром и служат в качестве денег.

Но все же наибольшее распространение получают металлические деньги. Известно, что железные деньги были очень распространены в древней Спарте. В Африке железные деньги существовали в форме железных колец и различных кованных денег. В Китае и в древнем Риме в качестве денег была распространена медь.

Металлы по своим естественным свойствам — однородности, делимости, сохраняемости — наиболее приспособлены к выполнению функции денег. Совершенно очевидно преимущество железных денег по сравнению со скотом — «коровьими деньгами» — или мехами. Развитие ремесла ведет к развитию добычи металлов и к распространению металлических денег.

Переход от одного металла к другому является результатом развития производительных сил, роста богатства общества. Золото было одним из тех металлов, которые раньше других стали известны человеку, но, как правило, золото позже других металлов стало деньгами.

Остановимся несколько на вопросе о свойствах благородных металлов. Это имеет прямое отношение к нашей теме; «...исследование благородных металлов... вовсе не лежит вне области политической экономии... так же как физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры»¹.

Золото стало известно людям раньше других металлов в связи с условиями его происхождения, с обстоятельствами, при которых оно встречается в природе. Железо, олово, свинец большей частью существуют не в чистом виде, а связаны с различными другими минералами, золото же чаще всего встречается в виде самородков или в виде золотосных песков, которые подвергаются промывке. Медь тоже часто встречается в чистом виде. Золото и медь были наиболее ранними металлами, известными человечеству. Золото раньше других металлов было открыто как металл. Но чем больше росла производительность человеческого труда, чем больше развивались наука и техника, тем все более увеличивалась добыча и других металлов.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 123. Изд. 1935.

Для того чтобы золото стало деньгами, общество должно было стать достаточно богатым, ибо на добычу золота надо затратить очень много труда, хотя и простого. Вот почему общество только постепенно переходило к золоту как к деньгам. По всем своим естественным свойствам золото наиболее приспособлено к выполнению этой общественной роли — денег. Температура плавления золота 1063° . Оно имеет большой удельный вес: удельный вес золота — 19,3, серебра — 10,5, меди — 8,8, железа — 7,8, только удельный вес платины выше — 21,4. Золото однородно. Где бы ни было добыто золото — оно одного и того же качества. Оно легко делится, хорошо сохраняется, удобно для перевозки, не окисляется. Эти естественные свойства золота были причиной того, что оно оказалось наиболее подходящим товаром для выполнения роли денег.

Удельный вес серебра, как мы знаем, ниже удельного веса золота почти вдвое. Температура плавления 1000° . Серебро встречается как в самородном виде, так и в соединении с другими металлами.

Оба благородных металла отличаются яркостью цвета, внешним великолепием.

Золото стали добывать задолго до серебра, так как серебро всегда добывалось преимущественно рудничным способом, а золото, повидимому, находили прежде всего в речном песке и гравии. Золото промывалось простым способом из золотоносных россыпей уже в очень древние времена.

Задолго до того, как оружие стали производить из железа, его производили из золота. Раскопками в Скандинавии и Дании доказано, что даже в Западной Европе, где золото редко встречается в природе, вначале предметы домашнего обихода и оружие делались из золота и лишь отдельные части — из железа.

Таким образом, то, что орудия и оружие делали из золота, являлось результатом не богатства общества, а его бедности, низкой производительности труда, неумения добывать другие металлы. Когда золото впервые стало деньгами, установить трудно. По некоторым данным, уже $4\frac{1}{2}$ тысячи лет назад золото имело хождение как деньги в Китае, свыше трех тысяч лет назад — у финикийян. Но затем, когда обмен расширился и люди научились добывать и обрабатывать другие металлы, а источников золота, где оно добывалось простым способом, было недостаточно, золото было вытеснено железом, медью, серебром. Золото выполняло роль денег, но золотые деньги не были наиболее распространенным видом денег. Люди научились находить и другие металлы, более скрытые от людского взора, чем золото, и сравнительно дешево добывать их, а золота, в силу его редкости, было недостаточно для удовлетворения потребностей обращения. На поиски новых источников добычи золота сейчас уже надо было тратить больше труда, чем на поиски других металлов. Золото становится самым дорогим металлом, в обращении его оказывается мало. Безраз-

дельное господство в качестве денег золото получает значительно позже, лишь в XIX веке, когда богатство человеческого общества значительно возросло, когда человечество овладело новыми источниками добычи золота и когда на основе роста машинного производства создался мировой рынок.

Древнейшими деньгами в России служил скот. Доказательства этого имеются в целом ряде письменных памятников старины (например, в «Русской Правде»).

Наряду со скотом по мере развития торговли постепенно появляются металлические деньги. Киевская Русь в IX—XI веках уже знала металлические монеты — «гривны».

В XI веке наименование денег скотом встречается уже редко, а в XII веке оно исчезает совсем. Однако металл как деньги еще не одержал победы. Добыча металлов была слабо развита (да и богатых источников их на территории древнейшего Русского государства не было). Наиболее распространенным видом денег после скота становится мех пушных зверей. Отсюда и названия денег, перешедшие и на металлическую монету, — куны, белка, векша, ногата, мордки, ушки, полушки и т. д. Меховые деньги по мере расширения торговли были вытеснены серебряными. В XIV—XV веках появляется в обращении серебряный рубль («рублевая гривенка»).

При Петре I стала чеканиться золотая монета. Но золотые деньги господствующего положения еще не занимали. Роль золота в денежном обращении увеличивается во второй половине XIX века, с переходом России к капиталистическому способу производства. Реформой 1897 г. в России была установлена золотая валюта.

Золото с того времени, как оно становится деньгами, кроме своей потребительной стоимости как золото, получает еще особую, формальную потребительную стоимость. Золото становится необходимым товаропроизводителям не только потому, что оно — золото, а потому, что оно — деньги.

Из всего сказанного ясно, что золото становится деньгами не в силу каких-то его особых естественных свойств, а лишь потому, что в нем овеществлены определенные общественные отношения. Деньги — общественное отношение, прикрытое золотой оболочкой.

Таким образом, только анализ процесса развития форм стоимости позволяет уяснить сущность денег. Уже в простой форме стоимости, как говорит Маркс, заложена тайна денежной формы. Уже в простой форме стоимости особенностью эквивалента является то, что потребительная стоимость служит для выражения стоимости и частный труд выступает как общественный. Развитие же товарного обмена приводит к тому, что случайный эквивалент развивается во всеобщий эквивалент. В анализе форм стоимости Маркс обобщил гигантский исторический материал по истории обмена. Логическая связь форм стоимости у Маркса соответствует

их исторической связи, соответствует историческому ходу развития.

Об этом разделе «Капитала» Ленин говорит:

«Главной задачей Маркса является при этом изучение происхождения денежной формы стоимости, изучение исторического процесса развертывания обмена, начиная с отдельных, случайных актов его («простая, отдельная или случайная форма стоимости»: данное количество одного товара обменивается на данное количество другого товара) вплоть до всеобщей формы стоимости, когда ряд различных товаров обменивается на один и тот же определенный товар, и до денежной формы стоимости, когда этим определенным товаром, всеобщим эквивалентом, является золото»¹.

Следовательно, Ленин подчеркивает, что в анализе форм стоимости Маркс показал исторический процесс развития денег, а вместе с тем и процесс развития противоречий обмена и товарного хозяйства.

Закон стоимости и его роль в развитии товарного производства

В капиталистическом обществе отсутствует планомерная организация труда, здесь господствует анархия производства; каждый товаропроизводитель производит, не зная, сколько товара будет вынесено всеми продавцами на рынок, не зная, как сложится спрос на товары. Но в условиях этой анархии производства общество все же существует и развивается. Совершенно очевидно, что общество хотя и стихийно, но как-то организовано. Эта стихийная организация общества осуществляется действием слепых экономических законов. Тот закон, что стоимость определяется количеством общественно-необходимого абстрактного труда, этот закон при господстве частной собственности является стихийным экономическим законом развития товарного производства, развития капиталистического хозяйства. В условиях капиталистического производства закон стоимости вносит стихийный, но единственно возможный порядок.

Для того чтобы понять действие механизма закона стоимости в условиях капиталистического хозяйства, нам надо предварительно уяснить себе еще одну категорию товарного производства — цену. До сих пор мы говорили о стоимости. Сейчас мы знаем уже, что существует денежная форма стоимости. Денежное выражение стоимости — это цена товара. Появление цены представляет собой дальнейшее развитие противоречий товара: потребительной стоимости и стоимости. Цену приобретают вещи, которые стоимости даже не имеют; например, земля стоимости не имеет, труд на

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 16—17.

нее не затрачен (девственная, совершенно не обработанная земля), но она в условиях капитализма имеет цену. Это показывает, что возможно существование таких цен, которые не выражают стоимости. Далее, цена может отклоняться от стоимости. Больше того, цена, как правило, и не совпадает со стоимостью, колеблясь вокруг нее. Но именно эти колебания цены вокруг стоимости и имеют важнейшее значение для развития товарного производства.

В самом деле, возьмем следующий пример. Пусть производство пары сапог требует 10 часов труда, что, предположим, выразится в 10 долларах. Сапоги вынесены на рынок, но на сапоги нет соответствующего спроса, производители сапог не знали, сколько сапог нужно рынку. Рынок дает об этом знать производителям через колебание цен. Цена пары сапог в силу конкуренции товаропроизводителей будет равняться не 10 долларам, а, скажем, 9,5 доллара. Поскольку товаров произведено слишком много, цена падает ниже стоимости. За продукт 10 часов труда дали не 10 долларов, а всего 9,5 доллара. Падение цены сапог ниже их стоимости будет для производителей сигналом к сокращению производства. Если раньше производилось 100 тысяч пар сапог, то сейчас, предположим, будет производиться 70 тысяч пар. Но, оказывается, товаропроизводители опять не угадали: обществу нужно 80 тысяч пар сапог. Спрос превысит предложение, и цена установится выше стоимости (предположим, 10,5 доллара), тогда товаропроизводители расширят производство, но цены вновь придут в движение, они снова окажутся ниже стоимости, снова производство сократится, после этого цены опять поднимутся выше стоимости, и т. д. и т. д. Конкуренция будет приводить к постоянным колебаниям цен вокруг стоимости. Цены, делая более или менее выгодной работу в той или иной отрасли, стимулируют либо прилив в данную отрасль труда из других отраслей, либо его отлив в другие отрасли. Следовательно, в товарно-капиталистическом обществе распределение труда и средств производства между различными отраслями хозяйства происходит на основе колебания цен вокруг стоимости.

Это отклонение цен от стоимости не только не исключает закона стоимости, но является прямым проявлением действия закона стоимости, ибо цена совпадает со стоимостью только при совпадении спроса и предложения. Но такое совпадение — редкое явление, обычно здесь неизбежны отклонения. Без этих отклонений цен от стоимости не могло бы существовать стихийное товарное производство. Следовательно, закон стоимости проявляется в колебаниях цен вокруг стоимости, стихийно регулирующих распределение труда в товарно-капиталистическом хозяйстве. Но это лишь одна сторона действия этого стихийного механизма.

Представим себе такое положение. В какой-либо капиталистической стране имеются три группы товаропроизводителей: первая группа производит пару сапог в 8 часов (стоимость 8 долларов), вторая группа, наибольшая по количеству, производит пару сапог

в 10 часов (10 долларов), третья группа производит пару сапог в 12 часов (12 долларов). Что будет в случае несовпадения спроса и предложения с различными группами этих товаропроизводителей? Совершенно очевидно следующее: если, скажем, средняя стоимость пары сапог 10 долларов, но цена их падает и будет равняться 9 долларам, то произойдет следующее: первая группа, производящая пару сапог в 8 часов, все же получает цену выше ее индивидуальной стоимости, вторая группа будет вынуждена продавать сапоги несколько ниже стоимости, а третья наверняка проиграет. Но что это за группы — первая, вторая, третья? Совершенно очевидно, что третья группа — это группа наименее состоятельных товаропроизводителей, вторая группа — средняя, третья — это группа наиболее богатых товаропроизводителей.

Понятно, что уровень производительности труда зависит от насыщенности производства средствами производства. Ленин показывает (ряд примеров приводится в «Развитии капитализма в России»), что наиболее богатая группа крестьян — это в то же время группа, наиболее обеспеченная средствами производства; беднота же хуже всего обеспечена ими. Это означает, что индивидуальная стоимость продукта наибольшая у третьей группы. Раз мало средств производства, — значит, производительность труда меньше, значит, здесь дороже всего обходится производство товаров. Кто, следовательно, пострадает от колебания рыночных цен? Прежде всего пострадает беднота, затем середняки, в выигрыше окажутся зажиточные. Но не создадутся ли совершенно противоположные отношения, если цена установится выше стоимости? Предположим, что цена сапог 11 долларов, а стоимость — 10 долларов, все же третья группа в нашем примере и этих цен не выдержит. Цена будет ниже индивидуальной стоимости продукта третьей группы, но выше стоимости продукта средней группы. Значит, если цена поднимется даже выше стоимости, то это не спасет бедняка. Но и средняя группа выиграет не надолго. Больше же всех выиграет наиболее богатая группа. Она выиграет больше всех и при подъеме и при падении цен. Даже если цены упадут ниже индивидуальной стоимости товара этой группы, то она быстрее других приспособится к обстановке, улучшив технику производства и понизив стоимость товаров. Вообще, чем ниже индивидуальная стоимость продукта при данных ценах, тем больше наживается предприниматель, поэтому он заинтересован в прогрессе техники. Но кто может использовать прогресс техники, кто может сконцентрировать у себя лучшие средства производства? Конечно, первая группа. По мере роста производительных сил и общественной стоимости продуктов будет понижаться все больше и больше. Ни низшая, ни средняя группы не выдержат конкуренции с богачами. В процессе конкуренции над ремесленником одержала верх простая кооперация и мануфактура, а над мануфактурой — фабрика. Пусть в нашем примере стоимость пары сапог упадет до 8 долларов в результате концентрации производства

у наиболее богатой группы; в этом случае, даже если товар будет продаваться выше стоимости — по 9 долларов, — средняя группа не выдержит конкуренции. С ростом производительных сил все больше будет проигрывать масса бедных и средних производителей и все больше будет наживаться наиболее богатая группа, по существу монополизовавшая наиболее совершенную технику. Следовательно, отклонение цен от стоимости служит основой распределения труда между отраслями хозяйства, в то же время эти колебания цен имеют определенное классовое значение: они приводят к дальнейшему обогащению наиболее богатой группы и к разорению бедной и средней групп товаропроизводителей.

Действуя таким образом, закон стоимости ведет к развитию производительных сил. Колебания цен стимулируют введение новой техники, усовершенствование процесса производства. Но эти меры доступны только наиболее богатым товаропроизводителям. В условиях капиталистического хозяйства закон стоимости — это стихийный закон развития производительных сил. А капиталистический путь развития производительных сил неизменно связан с расслоением товаропроизводителей, с ростом капиталистических отношений. Распределение труда между отраслями хозяйства подчиняется концентрации средств производства у богачей и развитию техники. Пропорции между отраслями не существуют как извечные или не зависящие от классовой структуры общества соотношения. В дальнейшем мы увидим, что капитализм создает специфические границы для развития производительных сил, обусловленные природой капиталистической эксплуатации.

Действующий в условиях частной собственности закон стоимости является законом возникновения и развития капиталистического хозяйства.

Простое товарное производство возникло очень давно, с появлением частной собственности на орудия и средства производства. Но только в условиях разложения феодального общества и в условиях капитализма закон стоимости превращает простое товарное производство в капиталистическое (особенности простого товарного производства в переходный период от капитализма к социализму будут изложены в разделе «Социализм»). Для того чтобы простое товарное производство превратилось в капиталистическое, необходимы особые исторические условия.

✕ В условиях, когда производитель лично свободен, когда средства производства являются его частной собственностью и освобождение от них превращает его в наемного рабочего, — в этих условиях закон стоимости есть закон превращения простого товарного хозяйства в капиталистическое, закон его дифференциации.

Простое товарное хозяйство в этих условиях является самой глубокой базой капитализма. Оно ежечасно, ежеминутно, как говорил Ленин, рождает капитализм. Развитие производительных сил в простом товарном хозяйстве происходит так, что низшая группа разоряется, средняя вымывается, выделяя меньшинство в

группу зажиточных, а в основном спускаясь на низшую ступень, в то время как наиболее зажиточная все больше обогащается. Следовательно, товарное производство с его господством конкуренции и колебанием рыночных цен, в котором проявляется стихийное действие закона стоимости, ведет неизбежно к тому, что из простого товарного хозяйства рождается хозяйство капиталистическое. Простое товарное хозяйство и капиталистическое хозяйство одностипны, потому что они основаны на частной собственности на средства производства, но капитализм — это наиболее развитая система товарного производства. Между простым товарным хозяйством и капиталистическим есть различие. Крестьянское хозяйство, основанное на личном труде самого производителя, одностипно с капиталистическим хозяйством, но оно не есть капиталистическое хозяйство, потому что масса производителей здесь не занимается эксплуатацией чужого труда, они не капиталисты. Но из этой массы мелких товаропроизводителей и растет капитализм. Здесь мы имеем дело, как показал В. И. Ленин, с двойственной природой мелкого товаропроизводителя: с одной стороны, он мелкий частный собственник, он собственник средств производства, и в этом его одностипность с капиталистом; с другой стороны, он не эксплуатирует чужого труда, он труженик, и в этом заключается отличие его от капиталиста. Анализ двойственной природы мелкого товаропроизводителя, выяснение одностипности и различия простого товарного хозяйства и капиталистического, — разработка всех этих вопросов, выяснение их значения для политики рабочего класса (на этом мы подробнее остановимся в разделе «Социализм») является одним из вкладов Ленина и Сталина в теорию марксизма.

Закон стоимости существует с того времени, когда продукты начали превращаться в товары. Как указывает Энгельс, начало обмена товаров уходит в глубь веков. В Египте это было, по меньшей мере, за 3 тысячи лет, а возможно и за 5 тысяч лет, в Вавилонии за 4—6 тысяч лет до начала нашего летосчисления.

Таким образом, закон стоимости существует уже 5—7 тысяч лет. Но поскольку производство товаров в формациях, предшествующих капиталистической, не носило господствующего характера, закон стоимости имел подчиненное значение. Капитализм — это развитая система товарного производства, и в условиях капитализма закон стоимости является стихийным законом движения общественно-экономической формации. Но капитализм не просто товарное производство, а товарное производство, основанное на эксплуатации наемного рабочего на базе высокоразвитой техники. Именно поэтому закон стоимости должен был, как мы увидим в дальнейшем, изменить и формы своего проявления. Наиболее высокая ступень в развитии закона стоимости означала в то же время неизбежность его модификации, проявление его в форме закона цен производства. При капитализме, когда рабочая сила превращается в товар и товарное производство носит всеобщий

характер, стихийное действие закона стоимости достигает высшей ступени своего развития. На основе закона стоимости в условиях капиталистического хозяйства происходит эксплуатация рабочих капиталистами и разорение мелких товаропроизводителей. Следовательно, закон стоимости имеет при капитализме совершенно определенное классовое содержание: он служит интересам капиталистов. В капиталистическом обществе анархия производства господствует в полной мере; наиболее остро действие слепых, стихийных законов проявляется в совершенно неизбежных при капитализме кризисах.

В разделе нашего курса, посвященном политической экономии социализма, будет показано, что в условиях планового социалистического хозяйства коренным образом, принципиально меняются закономерности развития по сравнению с капиталистическим хозяйством, что при социализме изменяются содержание и форма проявления закона стоимости, что закон стоимости планомерно используется социалистическим обществом, что он в условиях социализма существует в преобразованном виде. Совершенно иная, противоположная капитализму классовая роль закона стоимости в условиях социализма еще более подчеркивает, что закон стоимости в условиях капитализма не есть какое-то, не имеющее отношения к классовым интересам «регулирующее начало», а есть стихийный закон, действующий на пользу буржуазии.

Товарный фетишизм

В условиях товарного производства в силу его стихийного характера вещи приобретают особые, как будто загадочные свойства. То обстоятельство, например, что товар имеет стоимость, не вызывается естественными свойствами вещей. Свойства товара и денег, которые принимают продукты труда, являются их общественными свойствами. Но люди приписывают эти свойства каким-то сверхчуждым, сверхъестественным особенностям, которыми вещи на самом деле не обладают и которые являются результатом общественных отношений. Когда товаропроизводитель не продал товара, не получил за него денег (а произошло это потому, что он как частный собственник не знал, что нужно обществу), он приписывал это тому, что деньги обладают какими-то особыми свойствами господства над людьми.

Когда-то у крестьян существовала поговорка: «Бог строит цены». Движение цен было явлением столь непонятным и чреватым всякими неожиданностями, что товаропроизводители объясняли это участием сверхъестественной силы.

Между тем и товары и деньги как вещи ничего в себе загадочного не заключают: как потребительные стоимости они — просто средства для удовлетворения различных потребностей человека; как стоимости они — результат затраты человеческого труда вооб-

ще. Никакие сверхъестественные свойства у предметов труда не могут появиться в результате их обработки человеком. Почему же люди приписывают вещам свойства, которые являются следствием определенных производственных отношений? Почему отношения между людьми принимают характер отношений между вещами? Эта фетишизация — продукт определенных общественных отношений. Общественное разделение труда создает тесную связь между товаропроизводителями: один работает на другого. Но связь эта носит стихийный характер. Общественный труд неорганизован планомерно и выступает как совокупность отдельных частных работ. То, что частный труд является частицей общественного труда и, следовательно, имеет в то же время общественный характер, — это обстоятельство скрыто. Связь между людьми, вытекающая из общественного разделения труда, осуществляется стихийно и проявляется лишь через обмен, через рынок. Следовательно, производственные связи проявляются через движение продуктов труда, через движение вещей. Общественные отношения производителей принимают форму отношений продуктов труда — они овеществляются. Но стоимость товара — это не иллюзия людей, а объективная форма проявления труда товаропроизводителей. Обмен товаров на деньги, например, означает стихийный общественный учет труда отдельных производителей, т. е. выявление их труда как общественного труда и выявление количества общественно-необходимого труда для производства товаров. Следовательно, связь людей с обществом проявляется лишь через движение вещей, через движение товаров и денег. Этот объективный факт порождает и особые представления у людей о свойствах товара. Следовательно, то обстоятельство, что связь между людьми проявляется через связь вещей, что вещи начинают играть особую роль в обществе как воплощение власти стихии над людьми, и является тем объективным фактом, который вызывает у товаропроизводителей представление об отношениях людей как об отношениях между вещами. Это — объективная основа товарного фетишизма. Поэтому даже тогда, когда марксистская наука разрушает неправильные представления людей, одно это разоблачение тайны товарного фетишизма еще не устраняет его, так как само по себе разоблачение товарного фетишизма не в состоянии уничтожить проявления связи между людьми через движение вещей.

Товарный фетишизм так же, как и товар, — историческая категория. В условиях патриархальной крестьянской семьи или в феодальном поместье для него не было места, поскольку труд не был еще абстрактным трудом. Продукты труда здесь выступали как продукты непосредственно общественного труда. Крестьянин, работая на помещика, предоставлял в его распоряжение либо свой труд непосредственно, либо продукты труда. Здесь отношения были совершенно ясны. Помещик путем прямого принуждения заставлял крестьянина работать на себя. Вместе с развитием товарного производства развивается и товарный фетишизм.

Буржуазная политическая экономия не только не раскрыла тайны товарного фетишизма, но очень часто сама проявляла своего рода фетишизм. Достаточно сказать, что золоту и серебру приписывались особые, сверхъестественные свойства, что накопление золота и серебра объявлялось единственным смыслом всей деятельности государства и т. д.

Раскрыв тайну товарного фетишизма, Маркс вскрыл все тайны механизма стихийного товарного производства и показал его исторически-преходящий характер.

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ДЕНЕГ

Сущность денег

В предыдущем изложении уже было показано, что появление денег является результатом развития товарного хозяйства, роста его противоречий.

Развитие денег выражает рост стихии товарного производства. Деньги — это товар, специальной функцией которого является выполнение особой общественной роли — всеобщего эквивалента.

Ленин писал, что «...деньги, это — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством...»¹.

С появлением всеобщего эквивалента весь товарный мир расщепляется как бы надвое: с одной стороны, деньги — всеобщий эквивалент, который обменивается на все товары и тем самым удостоверяет, что они являются продуктом общественного труда (т. е. сам выступает как непосредственное воплощение общественного труда); с другой стороны, все товары — продукты непосредственно частного труда. В силу этого только через обмен на всеобщий эквивалент можно обнаружить, что товары — продукты общественного труда. Стихийный общественный учет труда товаропроизводителей происходит через деньги.

Ленин писал:

«Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только принявши форму денег, т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний»².

Следовательно, деньги в условиях капитализма — средство стихийного учета общественного труда, а самый стихийный учет производится через торговлю, через рынок.

Основная трудность, как указывает Маркс, состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами. Не умея этого выяснить, буржуазная политическая экономия приписывает появление денег особому соглашению, которое сознательно заключено между людьми, отрицает необходимость функционирования в роли денег

¹ Ленин. Соч., т. I, стр. 470. Изд. 4.

² Там же, стр. 336.

товара, превращает деньги просто в знак, в символ определенных отношений. Только исторический анализ развития денег показывает, что появление денег — не результат договоренности между людьми, а продукт стихийного развития товарного хозяйства; что золото может выполнять роль денег именно потому, что оно — товар, имеющий стоимость, а не символ стоимости. Иначе в нем не могла бы быть измерена стоимость других товаров, оно не могло бы быть всеобщим эквивалентом. Деньги — одна из исторических форм эквивалента, продукт длительного развития товарных отношений.

Буржуазные экономисты, которые не понимают сущности товарного хозяйства и фетишизируют слепую власть стихии, утверждают, что золото является деньгами потому, что оно обладает какими-то сверхъестественными свойствами, позволяющими ему властвовать над людьми.

Но история развития денег показывает, что до золота самые разнообразные товары служили деньгами, что золото стало деньгами в результате длительного исторического процесса. Золото обладает рядом естественных свойств, которые делают его наиболее приспособленным к выполнению роли денег. Это обстоятельство и привело к тому, что золото оказалось стихийно выделенным для выполнения роли особого товара, для выполнения особой общественной функции.

Но дело не только в том, что различные товары играли роль денег. Маркс указывает, что изучение истории денежного материала еще не вскрывает причин происхождения денег. История денежного материала весьма поучительна, но она сама по себе не показывает, почему необходимы деньги, почему золото выполняет особую общественную роль. Действительную причину появления денег и их необходимости можно вскрыть, лишь проследив развитие общественного разделения труда, развитие обмена и форм стоимости. Именно развитие противоречий товарного хозяйства приводит к необходимости денег. «Природа не создает денег, так же как она не создает банкиров или Вексельный курс»¹.

Итак, дело не в каких-то особых, сверхъестественных свойствах золота, а в том, что золото по своим естественным свойствам является наиболее приспособленным товаром для выполнения определенной общественной функции — для того, чтобы служить деньгами. Золото становится деньгами в результате развития товарного хозяйства. Следовательно, золото — особый товар, но не в силу каких-то сверхъестественных свойств или соглашения между людьми, а в силу того особого общественного значения, которое оно стихийно приобретает в товарно-капиталистическом хозяйстве. Золото — товар, и в этом его единство со всем товарным миром. Но золото отличается от других товаров тем, что оно вы-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 107. Изд. 1939.

полняет роль всеобщего эквивалента, и в этом смысле оно, конечно, особый товар, отличный от других товаров.

Появление денег отнюдь не создает каких-то «гармонических отношений», как это пытаются изобразить буржуазные экономисты. Деньги разрешают противоречия непосредственного обмена, но, разрешив их, они тем самым создают условия для дальнейшего обострения и развертывания противоречий товарного хозяйства.

Рост противоречий товарного обмена сказывается прежде всего в том, что товарный мир как бы раскалывается надвое: с одной стороны — товары, с другой — деньги. Обмен сейчас зависит от того, может ли товар превратиться в деньги. Обмен распадается на два независимых акта: превращение товара в деньги и денег в товар. Отсюда возможность известного несоответствия между движением товара и денег.

Далее, разделение обмена на два акта позволяет внедриться в обмен купцу. Появляется обмен ради обогащения. При простой меновой торговле может также образоваться купечество, но оно в этих условиях играет весьма второстепенную роль, ибо товарами станowiąтся здесь только излишки продуктов. С появлением же денег все более развивается торговля не ради приобретения потребительных стоимостей, а ради приобретения денег. Распадение акта обмена на два не зависящих друг от друга акта в пространстве и во времени создает соответствующие возможности для развития купеческого капитала.

Появление денег означает рост власти стихийных общественных отношений над людьми. Эта власть стихии воплощается во власть денег. Деньги усиливают разложение товаропроизводителей и подрывают натуральное хозяйство. Деньги в то же время приобретают самостоятельное существование и вне товарного обращения — появляются денежная рента и денежные налоги; личные повинности (характерные для натурального, феодального хозяйства) превращаются в денежные. Растет нужда в деньгах, а деньги концентрируются в руках богачей.

Деньги становятся в руках богачей средством эксплуатации бедноты. Маркс и Энгельс указывали на эту классовую роль денег. Но в особенности этот вопрос был разработан в трудах Ленина, который развил положение Маркса и Энгельса о роли денег в возникновении капиталистических отношений. Выше было приведено ленинское определение денег как орудия стихийного учета труда за спиной товаропроизводителей посредством рыночных колебаний. Ленин показал, что эти рыночные колебания порождают и усиливают неравенство между товаропроизводителями, «...разоряя одних и давая другим в руки деньги=продукт общественного труда»¹.

Деньги становятся орудием власти стихии над товаропроизводителями, орудием разорения одних и обогащения других. Кто

¹ Ленин. Соч., т. I, стр. 387. Изд. 4.

владеет деньгами, тот имеет право на эксплуатацию. Отсюда власть торговца, скупщика, кулака.

Богачи стремятся вести хозяйство так, чтобы работать на рынок, получить побольше денег. А бедняк, чье нищенское хозяйство не дает возможности прокормиться, вынужден, чтобы достать деньги, продать богачу единственный имеющийся в его распоряжении товар — свою рабочую силу. Бедняк все больше подпадает под власть кулака. Деньги в его бюджете начинают играть все большую роль, хотя он становится все беднее и беднее. Он покупает больше, чем раньше, но живет хуже. Деньги у него не оседают, но денежный доход и расход приобретают все большее значение в его хозяйстве. В то же время денежные доходы и расходы растут у богачей. Но у них деньги оседают, их владельцы становятся все богаче.

Ленин в своей известной работе «Развитие капитализма в России», анализируя крестьянские бюджеты, показывает, что доля денежной части бюджета — наибольшая у беднейших и у наиболее зажиточных крестьян и наименьшая — у средних крестьян. Об этом свидетельствуют земско-статистические данные, использованные Лениным. Так, например, данные по ряду уездов Воронежской губернии рисуют такую картину. В то время как у наиболее зажиточной части крестьян денежные доходы составляют 59,2 процента всех доходов и у бедняцкой части — 54,6 процента, у средних групп они колеблются от 40,8 до 45,7 процента. Понятно, что абсолютная величина доходов резко различается в нижней и высшей группах (118 руб. 10 коп. и 1 766 руб. 79 коп.)¹.

Высокая доля денежной части бюджета у бедняков и у зажиточных отражает прямо противоположные явления. И те и другие живут продажей товаров. Но бедняк продает свою рабочую силу, а зажиточный — продукты, произведенные (при эксплуатации бедноты) для продажи.

Отсюда резкое различие и в расходах: если бедняк нищенские суммы, вырученные от продажи своей рабочей силы, затрачивает преимущественно на личное потребление, то зажиточный свои большие доходы затрачивает преимущественно на рост своего хозяйства, обеспечивая в то же время и свое личное потребление на уровне, несравненно высшем, чем бедняк. Поскольку деньги становятся орудием эксплуатации, они являются капиталом. Капитал всегда реализуется в форме денег, ибо деньги — всеобщий товар, за который можно получить любой другой товар. Исторически капитал прежде всего и выступает в форме денег. Вместе с тем, условием появления капиталистической эксплуатации является значительное развитие денежных отношений, развитие власти денег, рост зависимости производителей от стихии обмена. В условиях господства частно-капиталистической собст-

¹ См. Ленин. Соч., т. III, стр. 122—124. Изд. 4.

венности деньги — воплощение капитала, орудие буржуазии в ее эксплуатации рабочего класса, орудие в ее конкурентной борьбе.

Власть денег вызывает дальнейшее развитие товарного фетишизма. Денежный фетишизм является наиболее ярким проявлением товарного фетишизма. Производственные связи между людьми реализуются через деньги, через их движение. В этом объективная сущность денежного фетишизма. Власть стихийных общественных отношений принимает форму сверхъестественной власти золота. Ни один из продуктов труда, кроме золота, не является признанным как непосредственное воплощение общественного труда. Отсюда иллюзия, что все человеческие потребности могут быть удовлетворены добычей золота. Как рассказывает Маркс, Богемия в 761 г. постиг голод вследствие того, что большое число рабочих было отвлечено на золотые прииски и земледелие оказалось заброшенным. Наиболее ярко проявляется денежный фетишизм в капиталистическом представлении о всемогуществе денег вне зависимости от общественных отношений, в преклонении буржуазии перед властью денег.

Функции денег

Перейдем к вопросу о функциях денег.

Сущность денег проявляется в их функциях. Развитие денег, вызываемое ростом противоречий товарного хозяйства, проявляется в развитии функций денег. Развитие денег в свою очередь создает условия для дальнейшего роста противоречий товарного хозяйства.

Ленин писал о марксовом анализе функций денег:

«Маркс подвергает чрезвычайно детальному анализу различные функции денег, при чем и здесь (как вообще в первых главах «Капитала») в особенности важно отметить, что абстрактная и кажущаяся иногда чисто дедуктивной форма изложения на самом деле воспроизводит гигантский фактический материал по истории развития обмена и товарного производства»¹.

Деньги как мера стоимости

Мера стоимости и масштаб цен. Первой функцией денег в капиталистическом хозяйстве является мера стоимости. Суть этой функции заключается в том, что стоимость всех товаров выражается в золоте, что золото здесь выступает как непосредственное воплощение общественного труда.

Но этим самым создается возможность и количественного сравнения отдельных товаров между собой. В самом деле, если пшеница, сюртук, холст обмениваются на золото, то это означает, что их стоимость может быть соизмерена.

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 17.

Может создаться такое представление, что именно деньги делают товары соизмеримыми. На самом деле не деньги делают товары соизмеримыми, суть в другом — в том, что все товары, в том числе и золото, являются продуктами общественного труда, и как продукты общественного труда они соизмеримы. Отсюда их соизмеримость и в отношении денег. Товар приравнивается к золоту, его стоимость измеряется через золото не потому, что золото обладает какими-то особыми свойствами, а потому, что и на товар и на золото затрачен общественный труд.

Золото выполняет свою роль меры стоимости лишь идеально. Это означает, что не требуется наличного золота, чтобы выразить стоимость товара в золоте. Функцию меры стоимости деньги могут выполнять как мысленно представляемые деньги, как идеальные деньги.

Однако деньги потому могут идеально выражать стоимость всех других товаров, что на них затрачен труд. Мысленно представляемое соотношение между деньгами и другими товарами отражает действительное, реальное соотношение стоимости между ними, существующее объективно в реальной действительности.

Мы уже знаем, что стоимость товаров, выраженная в золоте, есть цена товара. Следовательно, цена товара означает эквивалентность товара какой-то массе золота.

Чем же измеряются цены товаров, что же служит здесь единицей измерения? Количество золота, его масса, измеряется его весом. Определенное весовое количество золота принимается за единицу измерения стоимости товаров. Так, в Соединенных Штатах Америки единицей измерения стоимости служит доллар, который равнялся 1,5 грамма чистого золота. После обесценения доллара его золотое содержание в 1934 г. было уменьшено и в настоящее время он равен 0,888 грамма золота. Для удобства измерения стоимости различной величины денежные единицы делятся на дробные величины, например, доллар на 100 центов, рубль на 100 копеек, фунт стерлингов на 20 шиллингов, шиллинг на 12 пенсов и т. д. Такая весовая единица денежного товара, принятая в качестве денежной единицы, носит название масштаба цен. Все цены выражаются в этой единице, например, машина стоит 100 долларов (88,8 грамма золота).

Нельзя смешивать меру стоимости и масштаб цен. Функция меры стоимости осуществляется через масштаб цен. Но это разные вещи, и их роль различна. Мерой стоимости деньги являются как общественное воплощение человеческого труда и служат для того, чтобы превращать стоимости товаров в цены; масштаб цен деньги выступают как фиксированный вес золота и служат для измерения самого золота. В самом деле, предположим, что 1 грамм золота воплощает в себе 5 часов общественного труда. Если стоимость машины равняется 500 часам труда, то она стоит 100 граммов золота. Предположим, что произошло изменение стоимости золота. 1 грамм золота означает уже не 5, а 2,5 часа

труда. Тогда окажется, что мы за машину дадим не 100 граммов золота, а 200 граммов, потому что изменилась стоимость золота, а стоимость машины не изменилась. Следовательно, за машину дается удвоенное по сравнению с прежним весовое количество золота.

Но если мы возьмем только масштаб цен, то как бы ни изменялась стоимость золота, 100 граммов всегда будет в 50 раз больше 2 граммов. Следовательно, когда изменяется стоимость золота, то за товар дается иное количество золота. Но масштаб цен при этом может и не изменяться. Изменение заключается лишь в том, что стоимость товара выражается в ином количестве денежных единиц.

Если масштаб цен изменяется, то без всякого изменения стоимости товаров и золота будут происходить колебания цен.

Денежная единица — масштаб цен — устанавливается государством.

Названия денег (масштаба цен) исторически были связаны с названием меры веса и с действительным весовым количеством металла. Так, например, фунт стерлингов был когда-то действительно фунтом серебра. Русская гривна до XV столетия была мерой веса и масштабом цен. То же французский ливр. Но затем денежные названия отделяются от весовых единиц. Происходит это по следующим причинам. С развитием богатства общества менее благородные металлы вытесняются более благородными (так, например, золотой фунт стерлингов составил лишь $\frac{1}{15}$ серебряного). Далее, фальсификация (порча) монет государственной властью также приводила к понижению содержания металла в денежной единице по сравнению с первоначальным. В иных случаях имело значение введение иностранных денег (в древнем Риме, например). Вследствие всего этого стало обычным устанавливать законом особую денежную единицу отдельно от весовой.

В качестве меры стоимости деньги функционируют идеально, следовательно, они могут употребляться как счетные деньги.

Цена товара. Цены товаров при совпадении спроса и предложения зависят от двух обстоятельств: 1) от стоимости товаров и 2) от стоимости золота. Возьмем такой пример: машина стоит, предположим, 100 долларов. Изменение этого соотношения может зависеть от двух причин: либо от причин, лежащих на стороне товара, либо от причин, лежащих на стороне денег. Предположим, что изменились затраты труда в производстве машины, производительность труда возросла, машина стала дешевле. Тогда ее стоимость будет равняться не 100, а, скажем, 50 долларам. Здесь изменилась стоимость машины. Или же может случиться, что изменяется стоимость золота в результате изменения производительности труда в золотодобывающей промышленности. Но если золото подешевело, если оно стоит, предположим, вдвое меньше, то за эту же машину нужно уплатить не 100, а 200 долларов. Может

случиться и так, что одновременно происходит изменение как стоимости золота, так и стоимости товаров.

Поскольку цена есть денежное выражение стоимости, сами деньги цены не имеют. Неправильно считать, например, ценой золота название денежной единицы. Если мы скажем, что 0,8 грамма золота стоят доллар, то мы этим ничего не скажем, ибо доллар (золотой) и есть 0,8 грамма золота.

Изменение стоимости благородных металлов сыграло большую роль в истории цен. Особенно значительной была революция цен, происшедшая после открытия Америки, когда в Европу хлынуло огромное количество благородных металлов (XVI век).

На добычу золота затрачивалось меньше труда, чем раньше; золото подешевело, цены стали расти. В XVII веке, когда были открыты бразильские прииски, произошел дальнейший быстрый рост цен на товары. В XVIII веке средняя добыча золота по сравнению с XVI веком уже удвоилась. Прогресс золотопромышленности особенно усилился в середине XIX века. Если в начале XVIII века в год в среднем добывалось 14—15 тонн золота, то уже в 1851—1855 гг. добывалось 200 тонн золота. Это явилось непосредственным следствием развития золотопромышленности на Урале и в Сибири, а затем открытия калифорнийских золотых россыпей в 1848 г. и австралийских в 1851 году. Австралия и Калифорния дали чрезвычайно большой приток относительно дешевого золота в старые капиталистические страны. Это вызвало большие сдвиги в ценах. Цены за этот период выросли на 20 процентов. В 80-х годах XIX века были открыты залежи золота в Южной Африке, в 90-х годах — в Клондайке и Аляске. Мировая добыча золота дошла до 400 тонн в год. Размеры добычи золота за последние 50 лет увеличились, примерно, в три раза. Добыча золота (без СССР) составила в 1940 г. свыше 1 100 тонн в год.

Такое быстрое развитие золотопромышленности было следствием: 1) открытия новых богатых источников золота и 2) прогресса техники добычи золота.

Когда производительность труда в золотодобывающей промышленности растет быстрее, чем в других отраслях, тогда неизбежен рост цен, а в результате этого при капитализме падает фактический заработок рабочих. Таким образом, быстрый прогресс золотодобывающей промышленности в условиях капитализма имеет одним из своих последствий снижение жизненного уровня трудящихся.

Когда деньги выполняют функцию меры стоимости, мы отнюдь не имеем дела с каким-то сознательным процессом измерения, вроде, например, измерения длины, веса или объема тел.

Деньги как мера стоимости функционируют в стихийном процессе рыночного обмена. Здесь цены складываются стихийно. Этот процесс стихийного ценообразования и есть процесс, в котором деньги проявляют себя как мера стоимости.

Функция денег как меры стоимости означает дальнейшее развитие противоречий товарного хозяйства.

Функция денег как меры стоимости вызывает появление цен. Различные цен от стоимости не номинальное. Во-первых, появляется возможность отклонения цены от стоимости, во-вторых, цену могут приобрести и вещи, не имеющие стоимости (например, земля). Само отклонение цены от стоимости является важнейшим моментом в проявлении действия закона стоимости.

В движении цен выражается дальнейший рост противоречий товарного хозяйства. Отклонение цены от стоимости ведет к тому, что масса товаропроизводителей разоряется, а выигрывает при этом верхушка наиболее состоятельных товаропроизводителей, для которых и пониженная цена оказывается выше индивидуальной стоимости их товаров.

Деньги как средство обращения

Товарное обращение и деньги. Вторая функция денег — средство обращения. Появление денег вносит чрезвычайно существенные изменения в процессе обмена товаров. Теперь уже товары не обмениваются непосредственно один на другой, а все товары обмениваются посредством денег. Это значит, что процесс простого обмена сменился процессом обращения товаров. Чтобы взамен одного товара получить другой, надо данный товар предварительно превратить в деньги, обменять на деньги, а затем уже деньги превратить в необходимый товар. Происходит то, что Маркс называет процессом метаморфоза товара, т. е. процессом смены его форм: товарная форма сменяется денежной, денежная — товарной. Если процесс простого обмена можно схематически изобразить как $T-T$, то процесс обращения уже выглядит так: $T-D-T$, т. е. товар меняется на деньги, потом деньги меняются на товар.

Если в качестве меры стоимости деньги, как мы видели выше, могут функционировать идеально, то в обращении для выполнения функции средства обращения они должны обязательно быть налицо. Деньги идеальные должны стать деньгами реальными. Когда деньги функционировали как мера стоимости, цены товаров получили идеальное выражение. Но затем наступает следующий акт: требуется превращение этих идеальных цен в цены реальные — товары должны превратиться в деньги.

Товаровладелец превращает свой товар в деньги с тем, чтобы потом деньги вновь превратить в другой товар, в другую потребительную стоимость. Но если товаровладелец превращает свой товар в деньги, то в то же время какой-то другой владелец денег превращает свои деньги в товар. Продажа есть одновременно купля: $T-D$ есть в то же время $D-T$.

В этом акте превращения товара в деньги проявляется зависимость товаропроизводителей от власти рынка. В хозяйстве, основанном на частной собственности, наиболее трудная сторона дела — превращение товара

в деньги, получение общественного признания того, что затраченный труд действительно нужен обществу.

Товарное обращение не только формально, но и по существу своему отличается от непосредственного, простого обмена. Когда происходит простой обмен товаров, для каждого товаропроизводителя продажа товара есть одновременно покупка другого товара. Здесь же сделка не заканчивается превращением товара в деньги. Полученные за товар деньги должны быть превращены в другой товар.

В то же время проданный товар может не сразу попасть в руки действительного его потребителя. В условиях существования денег обмен товаров охватывает не только лиц, непосредственно нуждающихся в товарах как потребительных стоимостях, — он выходит за границы индивидуального и местного обмена. Он создает условия для более широких производственных связей товаропроизводителей, находящихся далеко друг от друга и непосредственно друг с другом не связанных.

Для каждого данного товаропроизводителя продажа товара не означает одновременно купли другого товара. «Никто не может продать без того, чтобы кто-нибудь другой не купил. Но никто не обязан немедленно покупать только потому, что он нечто продал»¹. Акты продажи и купли разрываются во времени и пространстве. Но если одни товаропроизводители совершают продажи и в то же время прекращают покупки, то для других это означает прекращение продаж. Такие разрывы акта продажи и покупки товаров выражают собою дальнейшее развитие противоречий товарного хозяйства и заключают в себе возможность кризисов. В простом товарном хозяйстве — это только возможность кризисов. Превращение этой возможности в действительность требует целого ряда новых условий, которые создаются только в рамках капиталистического хозяйства.

Таким образом, с появлением денег процесс простого обмена превращается в процесс обращения товаров. Тем самым деньги как посредник в процессе этого обращения товаров приобретают функцию средства обращения.

Следует подчеркнуть, что первичным является обращение товаров. Именно обращение товаров вызывает обращение денег, хотя может казаться, что дело происходит наоборот. Именно обращение товаров вызывает появление денег то в одном, то в другом месте. Это имеет большое значение для понимания закономерностей денежного обращения.

Количество денег, необходимых для товарного обращения. Так как деньги реализуют уже сложившиеся цены товаров, так как за деньги реализуются товары, то количество денег, необходимых для обращения, должно соответствовать сумме цен товаров. Но сумма цен товаров — не единственный фактор, опре-

¹ К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 64. Изд. 1935.

деляющий количество денег. Дело в том, что каждая монета в течение определенного срока — дня, недели, месяца — может переходить из рук в руки несколько раз. Поэтому она может реализовать цену не только одного товара, но ряда товаров. Монета может проделывать несколько оборотов. Следовательно, чем быстрее оборачиваются деньги, тем меньше соответственно будет сумма денег, необходимая для обращения.

Таким образом, сумма цен товаров, деленная на скорость обращения одноименных денежных единиц, и будет составлять количество денег, необходимых для обращения.

Из приведенной формулы видно, что количество денег, необходимых для обращения, зависит от трех факторов: 1) количества товаров, 2) движения их цен и 3) скорости обращения денег.

Следует заметить, что здесь речь идет о количестве денег, необходимых для обращения в условиях полноценного металлического обращения. Из сказанного выше понятно, что не цены зависят от количества денег, а количество денег зависит от суммы цен и скорости обращения денег: ведь прежде чем деньги вступают в обращение, товар уже стихийно измерил свою стоимость в деньгах. Товары входят в обращение с определенной ценой, а золото — с определенной стоимостью.

Монета. Знак стоимости. Деньги как средство обращения выступают первоначально в форме слитков, но впоследствии они приобретают форму монет. Появление монеты связано с третьим крупным общественным разделением труда — появлением класса купцов. Возникновение класса купцов означало, что уже значительно выросли производственные связи, что торговля переросла рамки местных рынков. В условиях такой расширившейся торговли обмен товаров на слитки металлов неудобен: он порождает ряд трудностей. Чтобы избежать этого неудобства, некоторые, наиболее богатые, известные всем купцы клали свое клеймо на слитки, удостоверяя количество металла, его пробу. Благодаря этому не приходилось каждый раз взвешивать и устанавливать пробу золота.

Пока обмен происходил в сравнительно узких масштабах, клеймо отдельных купцов еще действовало как удостоверение. Но, поскольку торговля значительно расширялась, переходя за пределы местных рынков, клеймо отдельного купца на слитке металла уже не было авторитетно. Возникла необходимость более авторитетного удостоверения пробы и веса металла. Таким авторитетным органом явилось государство.

Государство начинает класть свой штампель на слитки металла, и одновременно слиткам уже придается определенная форма. Монета есть, следовательно, не что иное, как слиток металла определенного веса и пробы, на котором государством удостоверены содержание и вес металла. Вначале форма монет отличалась от той, которая распространена в настоящее время. Монета имела квадратную, овальную, иногда продолговатую форму (в Персии,

например, имела хождение монета саблевидной формы). Впоследствии повсюду утвердились монеты круглой формы¹.

Вообще монеты появились очень давно. Они были известны в Египте, Греции, Персии за много веков до начала нашей эры.

В России наиболее старая денежная единица — гривна (слиток серебра, иногда золота), служившая денежной единицей и мерой веса. Счет на гривны имел место в ряде случаев уже с XI века. Гривны были различные по виду и по весу в различных княжествах древней Руси. Новгородская гривна имела вид бруска, лодочки.

Серебряная гривна в XIV веке, уменьшаясь в весе, превращается в «рублевую гривенку» (вероятно, от слова рубить, рубленный), а затем в XV веке в качестве денежной единицы распространяется рубль.

Монета должна содержать определенное количество золота или серебра. Если в монете меньше серебра или золота, чем установлено, она не полноценна. Государственная власть обычно объявляет пределы (ремедиум) допустимого отклонения от содержания металла в монете. При отклонениях в весе сверх этих пределов монета не является уже законным платежным средством и не может быть пущена в оборот. Но то обстоятельство, что государство вынуждено устанавливать какой-то предел отклонений от содержания металла, показывает, что в обороте неизбежно функционирует неполноценная монета.

Уже одно это обстоятельство показывает, что вовсе не обязательно, чтобы функцию средства обращения выполняли полноценные деньги. В самом деле, деньги в своей функции средства обращения непрерывно находятся в обороте. Реализовав цену одного товара, они переходят немедленно к следующему акту товарного обращения, где они реализуют цену другого товара. Значит, роль денег в их функции средства обращения мимолетна.

В силу этого полноценные деньги в этой функции могут быть заменены неполноценными деньгами. Неполноценная монета в данном случае является как бы заместителем полноценных денег в обращении, знаком их стоимости. Таковую роль играет прежде всего разменная монета.

Для того чтобы ограничить обращение разменной монеты, государство устанавливает нормы, в пределах которых эта монета обязательна к приему. Например, в царской России такая норма для мелкой серебряной или медной монеты равнялась 3 рублям. Серебряные рубли чеканились из серебра 90-й пробы и были обязательны к приему на сумму до 25 рублей.

Таким образом, серебряные и медные деньги превращаются во временного заместителя золота и могут функционировать только как мелкая разменная монета.

¹ Самое слово «монета» возникло случайно. В Риме стали чеканить монету вначале недалеко от храма, называемого Монетой. Самое же слово «монета» означало «предостерегающая», так как храм был посвящен богине Юноне за ее предостережение, которое якобы спасло римлян от поражения.

Правительства широко использовали возможность замены в качестве орудия обращения полноценных денег неполноценными. Они стали прибегать к порче монеты. В особенности это имело место в XIV—XVII веках, когда монета производилась еще ручным способом. Тогда монеты не имели точной формы и часто обладали различным весом. Отклонения в весе однородных монет доходили до одного грамма. Государственная власть использовала это для выпуска монет все меньшего веса. Так, например, в Англии серебряный пенни в 1300 г. весил 22 грамма, а в 1364 г. он содержал только 12 граммов. Во Франции из одинакового количества серебра в 1309 г. чеканили 2 ливра, а в 1720 г. — 98 ливров. Вес монеты уменьшился чуть ли не в 50 раз. В Германии в 1326 г. из 234 граммов серебра чеканили 2 марки, в 1378 г. — 4 марки, в 1506 г. — 12 марок.

Фальсификацией монеты занималась не только государственная власть, но также и частные лица; последние обрезают монету, забирая себе обрезки.

В России в XVII веке выпущенные при Алексее Михайловиче деньги весили вдвое меньше прежних. Затем царское правительство стало вместо серебряных рублей выпускать медные, одинакового веса с серебряными, объявив номинальную стоимость медного рубля равной серебряному. Выпущенные в большом количестве медные рубли полностью вытеснили серебряные монеты. Цены резко возросли. Народ стал волноваться, произошел так называемый «медный бунт». Царское правительство должно было уступить: медные рубли были отменены и впоследствии выкуплены по копейке за рубль. Уменьшение содержания металла в полноценной денежной единице неизбежно ведет к стихийному повышению цен в соответствии с уменьшившейся стоимостью монет.

Бумажные деньги и закон их обращения. Еще нагляднее этот закон выступает в условиях обращения бумажных денег. В силу мимолетности функции денег как средства обращения полноценные деньги могут быть в этой функции заменены не только неполноценными серебряными и медными деньгами, но и бумажными денежными знаками. Бумажные деньги в условиях капитализма — заместители золота. Бумажные деньги обращаются на рынке не по своей собственной стоимости, а по стоимости того золота, которое они заменяют в качестве орудия обращения. Следовательно, стоимость товаров и при бумажно-денежном обращении выражается в золоте. Бумажные деньги являются лишь знаками золота и служат для реализации цен товаров.

Бумажные деньги в капиталистическом обществе вводятся в обращение государственной властью, которая придает им принудительный курс. Но, конечно, не в санкции государства первопричина возможности обращения бумажных денег. Бумажные деньги вырастают непосредственно из металлического обращения. Стихийные законы денежного обращения создают возможность обращения бумажных денег. Государственная власть лишь исполь-

зует эту возможность в своих интересах, в интересах господствующих классов. Поскольку государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного государства, постольку и бумажные деньги имеют хождение лишь внутри государства.

Бумажные деньги появились в конце XVII века. Впервые они были выпущены в 1690 г. в штате Массачузетс (Америка) во время войны с Канадой. По инициативе шотландца Лоу в 1716—1720 гг. такой же опыт был проведен во Франции. Французское правительство разрешило Лоу открыть банк и выпускать бумажные деньги. Бумажные деньги шли неплохо, пока они выпускались в умеренном количестве. Они имели вид облигаций или векселей, приносящих проценты. Правительство, считая, что этот эксперимент удался, решило использовать его, чтобы выпуском бумажных денег покрыть долги казны. Бумажных денег было выпущено чрезвычайно много, и они сильно обесценились.

К выпуску бумажных денег должна была прибегнуть и Французская буржуазная революция в конце XVIII века.

В России бумажные деньги впервые были выпущены при Екатерине II. Из-за наводнения рынка ассигнациями из обращения были изъяты золото, серебряные монеты, а впоследствии и медные монеты. Остались одни обесцененные ассигнации. В царской России в течение почти всего XIX века господствовало неустойчивое бумажно-денежное обращение.

Богатый исторический опыт выпуска бумажных денег, имевший место в XVIII и XIX веках, был обобщен Марксом, открывшим закономерности бумажно-денежного обращения. Бумажные деньги могут выступать в роли заместителей золотых денег в функции средства обращения. Известно, что масса средств обращения в каждой данной стране никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть на основании опыта установлен. Если бумажные деньги выпускаются в пределах этого минимума, то, очевидно, никаких особых последствий для оборота это иметь не будет. Бумажные деньги будут обращаться по стоимости заменяемых ими золотых денег. Но если выпустить бумажные деньги в размере, превышающем потребности товарного обращения, то они начнут обесцениваться, т. е. произойдет рост цен.

Предположим, что в капиталистической стране находится в обращении 50 млн. золотых долларов (или франков, марок и т. д.), а государство в целях покрытия бюджетного дефицита выпускает в обращение бумажно-денежных знаков на 100 млн. долларов. Ясно, что в этих условиях золотые деньги исчезнут из обращения, а цены поднимутся вдвое: ведь для обслуживания оборота товаров требовалось всего 50 млн. долларов, а обращении же оказалось 100 млн. долларов. Следовательно, каждый бумажный доллар будет представлять сейчас половину золотого доллара. Таким образом, обесценение бумажных денег происходит в соответствии с тем, во сколько раз масса бумажных денег превосходит необходимое для обращения количество золотых денег.

За период 1940—1946 гг. денежное обращение в США увеличилось с 8,7 млрд. долларов до 28,6 млрд. долларов (октябрь 1946 г.). Так как товарооборот за этот период, примерно, остался стабильным, то, после отмены правительственного регулирования цен, цены значительно выросли.

Закон обращения бумажных денег базируется на законе золотого обращения. Ведь цена товаров выражена в золоте. Бумажные деньги представляют знак того золота, которое необходимо для обращения и которое они заменяют. «В то время как золото, — говорит Маркс, — обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются»¹.

Таким образом, посредством подъема цен стихия товарного рынка насильственно приводит количество бумажных денег в соответствие с действительной потребностью обращения, т. е. с количеством золотых монет, которые бумажные деньги замещают в обращении. Капиталистическое государство может, конечно, бросить любое количество бумажных денег в обращение, но на этом его власть кончается. Процесс обращения стихийно приравнивает любое количество бумажных денег к тому количеству золота, которое они замещают в качестве орудия обращения.

Бумажные деньги, как и другие знаки денег, могут выполнять только функцию средства обращения, но они не могут выполнять функцию меры стоимости. Мерой стоимости при бумажно-денежном обращении остается золото.

Ревизионисты, пытаясь изобразить деньги как элемент «планомерно организованного капитализма», извращали марксову теорию бумажных денег. Гильфердинг в своей книге «Финансовый капитал» утверждал, что стоимость бумажных денег совершенно не связана с золотом. Стоимость бумажных денег он определял так называемой общественной стоимостью обращения, которую он, в свою очередь, определял как стоимость товаров, деленную на скорость обращения денег. Гильфердинг здесь просто фальсифицировал марксову формулу количества денег, необходимых для обращения. Вместо цен товаров он подставлял их стоимость. Известно, что товары продаются не по их стоимости, а по цене, т. е. стоимости, выраженной в деньгах, в золоте; товары входят в обращение с ценами. Предположение, что бумажные деньги могут быть непосредственно связаны со стоимостями товаров, независимо от золота, означает отрицание тварной природы денег, превращение денег просто в знаки, лишенные стоимости. Ошибка Гильфердинга в теории денег была подвергнута критике Лениным.

В разделе, посвященном кредиту, будет показано, какими методами капиталистические государства осуществляют чрезмерный выпуск бумажных денег, влияющие последнего на народное хозяйство и положение трудящихся масс.

Здесь ограничимся лишь указанием на то, что чрезмерный вы-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 81. Изд. 1939.

пуск бумажных денег и их обесценение служит буржуазии одним из средств уменьшения реальной заработной платы рабочих и служащих, одним из средств снижения уровня жизни трудящихся. Посредством механизма бумажных денег буржуазия возлагает на трудящееся население все тяготы бюджетных дефицитов.

Рассмотрение функции денег как средства обращения так же, как и меры стоимости, показало нам, какой рост противоречий связан с развитием денег. Функция денег как средства обращения — яркое проявление власти рыночной стихии над товаропроизводителями. Возможность разрыва актов покупки и продажи, возможность кризисов, возможность замещения реальных денег их знаками, развитие различных форм денег, приводящее к усилению анархии капиталистического хозяйства, — таковы результаты развития функции денег как средства обращения.

Когда деньги функционируют как мера стоимости, золото выступает идеально; когда же они функционируют как средство обращения, золото может быть заменено своим заместителем — неполноценной монетой, бумажными деньгами. Значит, в обеих этих функциях денежный материал не должен быть обязательно налицо. Функционирование денег здесь может происходить без наличия золота. Но имеется ряд функций, в которых деньги выступают как непосредственное воплощение общественного богатства.

Деньги как средство образования сокровищ

С развитием денежного хозяйства возникает особая функция денег, которая требует их неподвижного состояния.

Это — функция средства образования сокровищ.

Процесс обращения, прерываясь в отдельные моменты, приводит к приостановке обращения денег, и тогда деньги превращаются в сокровища.

Каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе известный денежный резерв, который позволяет ему покупать чужие товары независимо от различных случайностей рынка.

Такое накопление резерва, само собой разумеется, может возникнуть от того, что товаропроизводитель, продав свои товары, не покупает взамен других товаров.

Развитие денежных отношений приводит к тому, что деньги все больше и больше развиваются как представитель общественного богатства. В натуральном хозяйстве накопление осуществлялось в форме накопления различных продуктов. Когда стали развиваться товарное производство и обращение, то потребность в натуральных накоплениях уменьшилась, так как на деньги всегда можно купить любой товар.

Деньги можно хранить в неограниченном количестве, чего нельзя сказать относительно продуктов. Поэтому в условиях развивающегося товарного хозяйства накопление принимает форму сбережения денег. В начальной стадии развития товарного хозяй-

ства в деньги превращается лишь излишек продукта. При этих условиях уже самый факт обладания деньгами сам по себе есть показатель богатства. Накопление денег на первых порах сводится к изъятию их из товарного обращения. Деньги прячут в сундуки, зарывают в землю и т. д. Господствует принцип: как можно больше продавать и как можно меньше покупать.

Деньги все больше начинают представлять общественное богатство и воплощать в себе власть над товарным миром и над людьми.

Развитие товарного хозяйства приводит к дифференциации товаропроизводителей. На одном полюсе общества выделяется кучка людей, накапливающих деньги, а на другом полюсе оказывается масса бедноты. Общественная сила денег становится силой частного лица. Власть денег превращается во власть богачей.

Еще с древних времен образование сокровищ является делом как отдельных лиц, так и государства. В Греции и Риме образование сокровищ, как форма образования избытков, уже было специальной задачей политики. В конце средних веков погоня за сокровищами становится предметом завоевательной политики. На ранних ступенях капитализма, когда капиталистическое производство еще слабо развито, распространена варварская форма накопления ради накопления, ради концентрации власти и могущества.

С развитием капиталистической эксплоатации все более господствующее значение приобретает принцип: как можно чаще и больше пускать в производство и обращение деньги, чтобы они рождали новые деньги. Капиталисты стараются всякую сумму пустить в дело, чтобы получить прибыль. Поэтому современные капиталисты не прячут свободные деньги в сундуки, а хранят их в банках или пытаются найти наиболее выгодное применение для своих денег.

Банки являются резервуарами, в которых концентрируются сокровища капиталистов — деньги.

Впрочем, в условиях капиталистических кризисов, когда товары перестают продаваться, когда прекращаются платежи по долговым обязательствам, капиталисты стремятся запастись единственным товаром, который всегда можно реализовать, — золотом. Погоня за наличным золотом, стремление спрятать у себя побольше золота напоминают первые этапы капиталистического накопления, когда еще существовала «варварская форма накопления ради накопления». Капиталисты США спрятали в период кризиса 1929—1932 гг. только в его наиболее острый момент не менее чем на полмиллиарда долларов золота.

В настоящее время мировые запасы золота в капиталистических странах распределены крайне неравномерно; они сконцентрированы в значительной степени в США (причем из-за опасения кризиса и утока золота по частным кладовым золото это не пускается в обращение).

Функцию сокровища выполняют не только золотые монеты, но

и золотые слитки и изделия из золота, поскольку золото в любом виде является формой существования сокровищ. Украшения из золота тоже относятся к сокровищам: их легко можно превратить в деньги.

Сокровища играют большую роль в процессе стихийного регулирования золотого денежного обращения в капиталистических странах. Мы говорили раньше о том, что полноценных денег в обращении обычно находится столько, сколько необходимо для оборота. Сокровища и представляют собой резервуар, куда уходят излишние золотые деньги, если потребность оборота в деньгах уменьшается. Это одновременно резервуар, откуда золото извлекается и поступает в оборот, если потребность в деньгах увеличивается.

Сокровища надо отличать от монетного резерва. Монетный резерв состоит из «остановившихся» монет, т. е. денег, предназначенных для обращения, но временно прервавших свой оборот.

Деньги как средство платежа

Перейдем к функции денег как средства платежа. Уже в условиях простого товарного обращения имеется необходимость покупать и продавать в кредит.

Производство различных товаров связано с различными временами года (охота и земледелие). Одни товары требуют более короткого, другие — более длинного периода производства. Одни товаропроизводители сбывают свои товары в месте своего постоянного пребывания, другие должны отвозить свои товары на отдаленный рынок.

Например, крестьянин, который производит хлеб, не может вспахать поле, не имея плуга, а купить плуг он не в состоянии, пока не продаст свой урожай. Получается заколдованный круг. Выход из этого положения может оказаться в том, что продавец плуга отсрочит платеж за плуг до осени, когда крестьянин продаст хлеб.

Следовательно, уже в условиях простого товарного обращения возникают такие случаи, когда требуется продажа с некоторой отсрочкой платежа. В этом случае деньги выступают в новой функции.

В процессе самой покупки-продажи товара они функционируют идеально как мера стоимости, но не как средство обращения. Переход товара из рук продавца в руки покупателя осуществляется без посредства денег как средства обращения. Деньги вступают в оборот при наступлении срока платежа, но уже не как средство обращения, т. е. не как деньги, непосредственно противопоставляемые товарам, а как средство платежа.

Для того чтобы деньги могли функционировать как средство платежа, требуется, чтобы уже были развиты все ранее рассмотренные нами функции денег.

В самом деле, мы видим, что и при отсрочке платежа деньги

играют роль меры стоимости. Без развития актов купли и продажи (в которых деньги функционируют как средство обращения), как систематически повторяющихся актов, невозможно и возникновение купли и продажи с отсрочкой платежа. Наконец, без развития функции средства образования сокровищ невозможно появление средств платежа, ибо отсрочка платежа возможна лишь тогда, когда уже достаточно развилась функция денег как представителя общественного богатства вообще.

Деньги как средство платежа возникают и не из товарного обращения — отношения кредитора и должника не обязательно предполагают куплю-продажу товара. Ростовщичество — древнейший вид капиталистической эксплуатации без капиталистического способа производства — развивает функцию денег как средство платежа в широких размерах уже в древнем мире. Здесь классовая борьба в среде свободного населения разыгрывается преимущественно как борьба между должником и кредитором и кончается гибелью должника-плебея, который замещается рабом. В средние века ростовщичество играло немалую роль в подрыве власти феодалов. Но, само собой разумеется, во всех этих случаях борьба в форме денежных отношений отражает лишь более глубокий антагонизм всей экономической действительности.

Таким образом, деньги функционируют как средство платежа в сделках ссуды. Деньги выступают в этой функции также и в случаях уплаты ренты, налогов и т. д. Вообще с развитием товарного производства и денежного обращения функция денег как средства платежа выходит за пределы сферы товарного обращения. Деньги, как говорит Маркс, становятся всеобщим товаром договорных обязательств. Иначе говоря, деньги начинают функционировать в платежах вообще, связанных и не связанных непосредственно с товарным оборотом или кредитом.

Функция денег как средства платежа включает в себе противоречие. Так как купля произведена с отсрочкой платежа, то, чтобы уплатить, необходимо специально с этой целью продать товар. Целью продажи становится не покупка, а уплата долга. В продаже с целью платежа с наибольшей яркостью проявляется разрыв актов купли-продажи. Все это означает дальнейшее развитие возможности кризисов, заложенной уже в функции денег как средства обращения.

Функция денег как средства платежа играет большую роль в условиях капиталистического хозяйства. Чем больше развивается капиталистическое хозяйство, тем большую роль играют деньги как средство платежа.

Развитие кредитной системы в особенности увеличивает значение этой функции денег. На основе кредита, предоставляемого одним капиталистом другому при продаже товара, возникают долговые обязательства — векселя. Они начинают обращаться в торговом обороте, переходить из рук в руки до срока платежа,

тем самым вексель начинает выполнять роль денег. Векселя становятся кредитными деньгами. По мере расширения товарооборота и с развитием банковского дела векселя отдельных лиц замещаются векселем банкира — банкнотой, банковским билетом, выпускаемым в порядке кредитования товарного оборота. Таким образом, банкнота возникает из функции денег как платежного средства. Банкнота как вексель банкира имеет более широкую сферу обращения по сравнению с векселями отдельных лиц. Наряду с банкнотами возникает и другое кредитное орудие обращения — чек. Лица, хранящие свои денежные средства в банках, имеют право выписывать на банк чеки, т. е. приказы банку выдавать со счета деньги тому, кому указано в чеке (или предъявителю). Чеки имеют короткий срок обращения.

Благодаря функции денег как средства платежа значительно сокращается необходимость в золотых деньгах в обращении. В обращении широко функционируют банкноты и чеки. Так, например, даже в царской России, где кредитная система вследствие крепостнических пережитков была слабо развита, в денежном обращении в конце 1913 г. было кредитных билетов — банкнот — на сумму 2 846 млн. рублей, тогда как золота и высокопробного серебра в обращении было 623 млн. рублей.

Развитие кредита суживает применение денег как средства обращения. В развитии капитализма деньги как средство обращения функционируют преимущественно в сфере мелкой торговли, а в крупных торговых сделках они выступают преимущественно как средство платежа. Функция средства платежа все более вытесняет функцию средства обращения.

Функция денег как средства платежа означает наличие долгов, а долги вызывают существование долговых обязательств. Но когда существуют обязательства, имеющие в определенной мере характер взаимных долгов, то они могут быть погашены путем взаимных расчетов. Для этого в капиталистическом хозяйстве существуют специальные расчетные палаты. Там выясняется взаимная связь различных платежей и производятся зачеты в десятки и сотни миллиардов долларов, франков и т. д. без каких-либо наличных денег или с несравненно меньшими суммами денег, чем потребовалось бы, если бы каждый должник вынужден был покрывать свои обязательства наличными деньгами. Так, например, наличное денежное обращение в США составляло к концу 1928 г. около 5 миллиардов долларов, а безналичные обороты за 1928 г. составили по Нью-Йорку 391,7 миллиарда долларов, а вне Нью-Йорка — 231 миллиард долларов. Безналичные расчеты между клиентами банков внутри банков составили 806 миллиардов долларов.

Но в этом развитии безналичных расчетов заключается большое противоречие. Поскольку погашаются взаимные платежи, деньги выступают лишь идеально. Однако, как только наступает кризис, взаимные расчеты катастрофически суживаются, капита-

листы не верят в долговое обязательство, все гонятся за наличными деньгами. Вот тут-то и обнаруживается, что настоящие деньги капиталистического хозяйства — это не долговые обязательства, а реальные золотые деньги. Тут-то и обнаруживается, что в основе обращения кредитных денег лежат золотые деньги.

Посредством денег как средства платежа оказывается связанным между собой большой круг капиталистов. В силу этого неплатежи в одном звене затрагивают сразу множество капиталистов через систему взаимной задолженности. Таким образом, деньги, функционируя в качестве средства платежа, усиливают кризисы и их катастрофическое воздействие на экономику.

Так как в обороте деньги выступают не только как средство обращения, но и как средство платежа, то очевидно, что в формулу количества денег, потребных для обращения, необходимо внести поправку. При данной скорости оборота денег как средства обращения и как средства платежа сумма обращающихся денег будет равняться сумме цен реализованных товаров минус сумма цен товаров, проданных в кредит, плюс количество денег, потребных для погашения платежей, минус сумма взаимно погашающихся платежей, минус сумма повторного платежного оборота, в котором функционируют денежные единицы, попеременно выступающие то как средство обращения, то как средство платежа.

Мировые деньги

На арене мирового рынка деньги сбрасывают, по выражению Маркса, свои национальные мундиры и выступают не в своей форме монет, а в своей натуральной форме — как товар-золото. Поэтому функцию мировых денег не могут выполнять бумажные деньги и неполноценные монеты, а лишь золото или серебро, принимаемое по весу.

На мировом рынке в отличие от внутреннего рынка функционировали в качестве мировых денег и золото и серебро. Это объясняется тем, что в некоторых странах еще до последнего времени сохранилась серебряная валюта.

Около 25 процентов населения мира еще недавно пользовалось серебряными деньгами как основной валютой (Китай, Абиссиния, Мексика, Афганистан). Однако в настоящее время в качестве мировых денег почти монопольное положение занимает золото.

Мировые деньги функционируют прежде всего как всеобщее средство платежа. Расчеты наличным золотом (или серебром) между предприятиями и гражданами различных стран происходят не по каждой товарной или кредитной сделке. Расчеты происходят преимущественно путем зачета долговых обязательств через банки. Эти расчеты происходят в процессе стихийного движения денежных ресурсов из одной страны в другую.

Часть взаимных обязательств покрывается без перевода наличных денег из одной страны в другую. Необходимость пере-

возки наличного золота возникает в том случае, если какая-то часть платежей не погашается взаимными расчетами. В этом случае деньги выступают в качестве всеобщего средства платежа.

Когда война или какое-нибудь другое потрясение расстраивают обычные отношения между странами и в долг никто не верит, тогда приходится платить по каждой отдельной сделке наличными деньгами, и мировые деньги функционируют в качестве всеобщего покупательного средства.

Наконец, бывают такие случаи, когда деньги просто переходят из страны в страну как воплощение всеобщего богатства. Например, во время войны капиталисты тех стран, в которых ожидается валютная катастрофа, или стран, которые терпят военное поражение, переправляют часть своих капиталов в форме золотых запасов в другие государства. В этом случае деньги функционируют как «...абсолютно общественная материализация богатства вообще»¹.

* * *

Мы проследили развитие функций денег, начиная с меры стоимости и кончая мировыми деньгами.

В функции меры стоимости деньги выступают идеально, в функции средства обращения они могут быть замещены знаками золотых денег; в остальных функциях деньги должны выступать как воплощение богатства вообще. Это не значит, что в этой роли могут выступать исключительно золотые деньги. Их могут до известной степени и в данном случае заменить долговые обязательства, банкноты, бумажные деньги, но в конечном счете обнаруживается, что эти функции полностью могут быть обслужены только реальным золотом.

При валютном кризисе всякие долговые обязательства летят в пропасть, все требуют уплаты наличными, и тогда становится вполне ясным, что действительными деньгами капиталистического хозяйства является только золото.

Деньги — не сумма функций. Все отдельные функции суть лишь проявления сущности денег как всеобщего эквивалента. Развитие функций денег — результат исторического процесса развития товарного хозяйства. От этого последнего зависит как появление новых функций денег, так и степень развития отдельных функций. Уже при своем возникновении деньги обладают функциями меры стоимости и средства обращения. Далее появляются новые функции денег — функции сокровища, платежного средства и мировых денег. Все функции видоизменяются в процессе развития (например, функция сокровища), меняется их значение в отношении других функций (например, рост значения функции платежного средства). Наконец, в результате развития функций денег появляются новые формы денег: бумажные деньги, банкноты. С развитием капиталистического хозяйства усиливаются роль и значение денег как орудия капиталистической эксплуатации.

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 90. Изд. 1935.

Критика буржуазных теорий денег

Природа денег при капитализме и законы капиталистического денежного обращения были открыты Марксом. Буржуазная классическая политическая экономия (Смит, Рикардо) хотя и выяснила, что деньги — товар, однако вследствие своей классовой ограниченности она не подошла к делу исторически и не могла понять, что и товар и деньги суть общественные отношения, прикрытые вещной оболочкой, что деньги—это особый товар. Поэтому она и не открыла законов денежного обращения. После Маркса буржуазная политическая экономия, исходя из предвзятых апологетических целей, ничего положительного не дала для экономической науки. Теория денег получила свое развитие лишь в трудах Ленина и Сталина.

Буржуазные теории денег ставят себе задачей обслуживание классовых интересов капиталистов и прежде всего капиталистов своей собственной страны. В зависимости от конкретных условий буржуазные экономисты вытаскивают то одну, то другую изобретенную ими концепцию, ни одна из которых не является действительно научной, поскольку буржуазная политическая экономия заинтересована в том, чтобы скрыть действительные законы развития капитализма. Для обоснования денежной политики современных капиталистических государств одни буржуазные экономисты приписывают металлам по их природе свойство денег, другие считают деньги техническим орудием и часто сводят их просто к знаку или к условному счетному масштабу. Одни буржуазные экономисты стоимость денег приписывают естественным свойствам золота, другие считают, что она устанавливается сознательно государством, третьи определяют ее просто количеством денег. Буржуазные теории часто представляют собой смешение самых различных воззрений, но все они, как правило, не представляют собой ничего нового. Они возникли еще при зарождении капитализма и сейчас лишь приспособляются к интересам монополистического капитала.

Металлистическая теория денег. Зарождение металлистической теории связано с развитием меркантилистской школы, этой, как говорил Маркс, первой попытки истолкования буржуазной экономики. Ограбление европейцами новых заморских стран, крупная роль торгового капитала в развитии капиталистических отношений, появление мануфактур, открытие богатых рудников и приток золота в обращение были теми историческими условиями, при которых возникла теория меркантилизма. Важнейшим положением этой теории являлось признание золота и серебра единственным видом богатства, а полноценных золотых и серебряных денег — единственным видом денег (например, у Стаффорда в XVI веке).

В этой связи и возникают фетишистские взгляды на благородные металлы. Им приписывается свойство денег в силу их внутренних естественных свойств. Уж значительно позже итальянский

меркантилист Галиани (XVIII век) продолжал утверждать, что «драгоценные металлы... по природе своей деньги».

Это означало, что из земли независимо от общественных отношений выкапываются готовые деньги.

Металлисты не понимают, что «деньги по природе своей золото и серебро, хотя золото и серебро по природе—не деньги» (Маркс). Металлисты признают лишь две функции денег — меру стоимости и сокровище. Они считают нецелесообразным замену металлических денег какими-либо знаками денег. Следовательно, металлисты не понимают специфических особенностей процесса обращения и смешивают его с товарным обменом.

Металлистическая теория при своем зарождении исходила из поверхностных явлений процесса обращения. Это соответствовало тем историческим условиям, когда развитие торгового капитала являлось одним из важнейших моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический.

Взгляд на деньги как на единственное богатство выражал классовые интересы промышленного капитала в период, когда он еще был соединен с торговым капиталом, в исторических условиях зарождения промышленного капитала: во-первых, накопление денежных богатств служило важнейшей предпосылкой развития капиталистических отношений, во-вторых, большой приток золота со сниженной стоимостью приводил к увеличению прибавочной стоимости (так как заработная плата оставалась стабильной, несмотря на рост цен)¹. Именно поэтому меркантилисты главную цель торговли, а затем и производства видели в накоплении сокровищ, благородных металлов.

Ранний металлизм был первой, еще ненаучной (поскольку он исходил из поверхностных явлений обращения) попыткой понять сущность денег. Однако и в дальнейшем, уже после того как буржуазная классическая школа опрокинула взгляды металлистов, после того как марксистская теория открыла действительные законы денежного обращения, металлистическая теория сознательно выдвигается буржуазными экономистами тогда, когда это необходимо для защиты определенных интересов буржуазии.

Когда Германия за счет контрибуции, взятой ею с Франции, ввела у себя в XIX веке золотую валюту, Книс, представитель так называемой «исторической школы», отрицавшей экономическую теорию, написал теоретическую работу о деньгах, посвященную защите металлизма. По мнению Книса, бумажные деньги—это просто бессмысленное явление; говорить о бумажных деньгах—это все равно, что говорить о бумажных булках.

Современный металлизм отражает собой прежде всего экспансию США, их стремление найти приложение для огромного капитала, накопленного в форме золотых запасов.

В Англии «расцвели» антиметаллические взгляды как обоснование ее внешней экспансии в форме стерлингового блока, но ме-

¹ См. К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 165. Изд. 1932.

таллистическая теория и там жива. В этом сказываются прежде всего интересы владельцев золотых рудников и связанных с ними групп буржуазии.

Металлизм проповедуют и представители других групп капиталистического класса, средние слои, которые меньше выигрывают от инфляционных комбинаций, которые жаждут устойчивых доходов в золоте и которые видят спасение капитализма не в росте государственного вмешательства, а в возврате к свободному золотому обращению. Современные металлисты в соответствии с условиями эпохи аргументируют прежде всего тем, что золото—это какой-то остров спасения от экономических бурь. Только обладание золотом, по их мнению, создает уверенность и обеспеченность в будущем. Вера в чудодейственную силу золота здесь поставлена на службу желанию спасти капитализм.

Количественная теория денег. Количественная теория денег возникла как реакция на меркантильную теорию. Количественная теория, защищая требования свободы торговли, возражала против основного тезиса меркантилистов, что чем больше золота в стране, тем она богаче. Количественная теория противопоставила этому положению другое, что рост количества денег вызывает лишь рост цен, что стоимость денег вообще, в том числе и металлических, зависит от их количества. Представители количественной теории в своих рассуждениях опирались на факт огромного притока в обращение золота и серебра после открытия и разработки американских рудников в XVI и XVII веках. На деле рост цен был вызван не тем, что увеличилось количество металлических денег в обращении, а тем, что понизилась стоимость металлов в результате уменьшения количества необходимого для их добычи труда. Количественная теория односторонне воспринимала явления денежного обращения и не могла понять, что количество денег зависит от суммы цен товаров.

Положения количественной теории встречаются в Италии в XVII веке и во Франции (у Монтескье). Но наибольшего развития эта теория достигла в Англии в XVIII веке как отражение интересов промышленного капитала, достигшего значительного перевеса в развитии промышленности над другими странами и требовавшего свободы торговли.

Одним из наиболее видных представителей количественной теории в этот период был английский философ, сторонник идеалистического направления — Юм (1711—1776).

Количественная теория Юма не является оригинальной, но он изложил ее наиболее полно и завоевал авторитет в буржуазной политической экономии как писатель, прославлявший капиталистическую систему хозяйства. Юм исходил из того, что цены товаров определяются массой находящегося в стране золота и серебра. Основной предпосылкой Юма является то, что деньги — это только представители товаров, это только цифры для выражения

чисел, они могут быть выражены большим или меньшим количеством знаков (как, например, арабские и римские цифры).

Юм не в состоянии скрыть того факта, что от обесценения денег выигрывают капиталисты, ибо при обесценении денег «цена труда» увеличивается последней в ряду других товаров. Это признание противоречит тому притворному безразличию к увеличению количества денег, которое высказано Юмом в его теории.

Теория Юма неверна. Если деньги и товары имеют стоимость, определяемую затратай общественного труда, то в обращение не может войти какое угодно количество золотых денег. В обращение входит лишь то количество денег, которое соответствует сумме цен товаров, т. е. сумме стоимостей товаров, выраженной в золоте, в соответствии со стоимостью последнего.

Наиболее значительным представителем количественной теории после Юма был Рикардо (1772—1823), в трудах которого классическая буржуазная политическая экономия достигла своего апогея. XVIII век характеризуется появлением в различных странах банкнотного и бумажно-денежного обращения. Во Франции эксперименты Лоу и инфляция периода революции, в Англии в конце XVIII и в начале XIX века обесценение неразменных банкнот — все это заставило ряд экономистов исследовать закономерности банкнотного и бумажно-денежного обращения. В этой связи обращаются и к проблемам золотого обращения. Приписывая деньгам вообще только одну функцию — средства обращения, — многие авторы стали на точку зрения количественной теории.

Взгляды многих экономистов-количественников конца XVIII и начала XIX века нашли наиболее полное обобщение и наиболее острую формулировку в работах Рикардо. Рикардо — сторонник теории трудовой стоимости, поэтому вначале он определяет стоимость золотых денег, как и стоимость других товаров, трудом, затраченным на их производство. Но затем перед ним появляется затруднение, которое он не может разрешить: если при данном количестве обращающихся денег сумма меновых стоимостей товаров изменится, то каким образом создается соответствие между деньгами и товарами? Рикардо считает, что при этом золотая монета будет иметь большую или меньшую стоимость, чем она на самом деле имеет; золотая монета станет переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Это значит, что цены товаров будут меняться в зависимости от количества средств обращения. Если при данных размерах денежного обращения товаров стало меньше, то их цены поднимутся, если товаров стало больше, их цены упадут. Маркс пишет по этому поводу: «Что должно было быть доказано, так это то, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Доказательство же состоит в предположении того, что должно быть доказано, а именно, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, — каково бы ни было отношение этого количества металла к его внутренней стоимости, — должно сделаться

средством обращения, монетою и, следовательно, знаком стоимости для обращающихся товаров, какова бы ни была совокупная сумма стоимости этих товаров»¹.

Следовательно, Рикардо абстрагируется от всех функций денег, кроме функции средства обращения. Если золотые деньги — только средство обращения, то они всегда вне зависимости от своей стоимости будут находиться в обращении. Рикардо здесь смешивает золотое и бумажно-денежное обращение. Буржуазный инстинкт Рикардо не позволил ему исследовать сущность денег, проанализировать их развитие, а потому и открыть все функции денег. Это и привело его к отступлению от теории трудовой стоимости. Рикардо не понимает, что денежное обращение лишь вторичное явление по отношению к обращению товаров.

Поскольку Рикардо трактовал деньги как товар, его взгляды имели прогрессивное значение. Непоследовательность Рикардо — результат его буржуазной ограниченности, не позволившей ему применить метод историзма, а следовательно, открыть действительную природу денег. Он отступает от своей теории стоимости и открывает дорогу вульгарным взглядам.

В корне не верно представление сторонников количественной теории денег о том, что в обращении может находиться любое количество денег. В обращение входит только такое количество полноценных денег, которое действительно необходимо для обращения. Прилив и отлив денег из сферы сокровищ и приводит к необходимому здесь соответствию.

Количественная теория денег неверна и в отношении бумажно-денежного обращения, ибо стоимость бумажных денег определяется не просто их количеством, а соотношением количества находящихся в обороте бумажных денег с количеством золотых денег, которое необходимо для обращения. Современная буржуазная политическая экономия использует количественную теорию для защиты того в корне неверного утверждения, что регулированием количества денег можно планировать капиталистическую экономику и уничтожить кризисы (Фишер, отчасти Кейнс и лейбористские экономисты — Коль и др.).

Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) показал, что кризисы неизбежны, пока существует капиталистическая система хозяйства. Товарищем Сталиным было показано (в беседе с Уэлсом), что капиталистическая экономика не может стать плановой, поскольку частно-собственнические интересы капиталистов не позволят ни уничтожить безработицу, ни уменьшить прибыль капиталистов во имя удовлетворения нужд народа.

Следовательно, количественная теория в интересах монополистического капитала сеет иллюзии «планируемого капитализма». Количественная теория служит также для оправдания монопольных цен. Не монополии являются причиной взвинчивания цен в

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 121. Изд. 1939.

период империализма, а якобы только количество денег, находящихся в обращении. Такова служебная роль этой теории.

Служебная роль количественной теории заключается в том, чтобы объяснять циклические колебания капиталистического хозяйства и все его затруднения действием денежных факторов, т. е. давать самое поверхностное и самое вульгарное объяснение явлениям капиталистического хозяйства, вызываемым его глубокими противоречиями.

Замазать противоречия капиталистического хозяйства, пытаться доказать, что его можно якобы планировать, регулируя денежное обращение, — таково служебное назначение этой теории.

Номиналистическая теория денег. Идеальное существование денег в их функции меры стоимости дало основу для представления о деньгах, как о чем-то чисто номинальном, как просто об идеальной единице измерения. По мнению номиналистов, денежная единица не представляет собою какой-то весовой части денежного товара, но она является абстрактной счетной единицей, лишенной какого-либо материального содержания, просто названием (название по латыни *попеп* — отсюда и термин номинализм).

В условиях развивающегося капитализма эти взгляды зародились примерно в конце XVII века. Оборот был наполнен тогда неполноценной монетой, — монетой, которая имела меньше металла, чем полагалось по номиналу. Когда содержание металла в монете уменьшалось государственной властью, номиналистическая теория обосновывала всемогущество государства в установлении денежной единицы. Когда же государство собиралось улучшать денежное обращение, представители государственных кредиторов, финансовая аристократия и коммерсанты номинализмом обосновывали желание получить долги в более ценной монете.

Такое именно положение создалось в Англии в конце XVII века, когда государство в связи с порчей (обрезыванием серебряной монеты) решило произвести общую перечеканку монеты и довести ее до законного веса. Идея, что деньги есть лишь счетная единица, была весьма выгодна финансовой аристократии, которая оказала ссуду государству монетами, фактически содержащими меньше серебра, чем полагалось по номиналу.

Теоретическое обоснование этим практическим интересам дал Беркли (1684—1753). «Было в порядке вещей, — пишет Маркс, — что епископ Беркли, представитель мистического идеализма в английской философии, придал учению об идеальной единице-мере денег теоретический характер...»¹. Беркли утверждал, что деньги есть лишь название, устанавливаемое государством, название отношения. Через деньги устанавливается относительная стоимость товаров. Деньги сами по себе не имеют никакой стоимости. Беркли утверждал, что денежные единицы (фунт стерлингов, крона, ливр и т. д.) — это только простые знаки для счета, для регистрации отношений стоимости товаров. Власть, командующая промыш-

¹ К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 49. Изд. 1939.

ленным трудом, — это тоже богатство, говорил Беркли. Деньги — это только марка или знак для регистрации и перенесения такого богатства. Совершенно неважно, полагал Беркли, из какого материала делают эти знаки. Беркли смешивает меру стоимости и масштаб цен. Если какое-нибудь весовое содержание металла принимается за единицу, то благодаря этому мы можем измерить в определенном масштабе различные количества золота. Но масштаб цен — это не мера стоимости. Функция меры стоимости заключается в том, что товар выражает свою стоимость через другой товар, который поэтому тоже должен иметь стоимость. Если бы деньги не имели стоимости, то невозможно было бы выразить стоимость товара через определенное количество денег. Смешение меры стоимости с масштабом цен характерно для всех представителей номиналистической теории. С другой стороны, на основе того, что золото в процессе обращения может заменяться знаками денег, эта теория делает неправильный вывод, что денежные знаки представляют лишь чисто воображаемую стоимость, что полноценные и золотые и серебряные монеты — это просто знаки, ярлыки для расчетов.

Взгляды номиналистов особенно полно были развиты Джемсом Стюартом (1712—1780). Он принадлежал к феодальной знати и из оппозиции к развивающимся буржуазным отношениям выступает как меркантилист, когда меркантильная система уже себя изжила. В борьбе против буржуазной количественной теории Стюарту удается открыть некоторые законы денежного обращения. Стюарт впервые показывает, что количество денег определяется суммой цен товаров. Стюарт правильно различает функции средства обращения и средства платежа, отчасти и мировых денег, но на функцию меры стоимости у него, как говорит Маркс, фантастический взгляд: Стюарт рассматривает деньги как идеальную денежную единицу. Здесь сказалось его стародворянское почтение перед королевской властью. Аргументация Джемса Стюарта настолько подробна, что все дальнейшие номиналисты по существу ничего не могли прибавить к его взглядам.

Счетные деньги, по мнению Стюарта, — это совершенно произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной стоимости товаров. Счетные деньги ничего общего не имеют с реальным эквивалентом и могли бы существовать вне зависимости от какого-либо денежного материала, имеющего реальную стоимость. Счетная единица служит лишь как показатель пропорций в обмене, в этом ее полезность, и больше ни в чем. Отсюда Стюарт определял деньги как идеальный масштаб с равными делениями. Пример идеальных денег Стюарт видит в банковских билетах.

Стюарт берет лишь внешнюю форму, в которой деньги проявляются как масштаб цен и как счетные деньги. Для Стюарта важно отношение чисел, что один товар дороже другого в 5, 10, 20 раз. Для Стюарта сущность денег заключается лишь в том, что

деньги позволяют устанавливать пропорции между товарами. Стюарт не понимает, что если 20 фунтов стерлингов в 20 раз больше фунта, то это не имеет отношения к сущности денег как меры стоимости, к измерению стоимости, а просто обозначает, что 20 золотых единиц в 20 раз больше одной. Что такое фунт стерлингов, Стюарта не интересует. Понятно, что если бы золото не обладало стоимостью, то через него нельзя было бы измерять стоимости других товаров.

Бумажные деньги и банкноты также всегда представляют какое-то количество золота. Бумажные деньги не могут выполнять функции меры стоимости. Они сами по себе стоимости не имеют. Поэтому бумажные деньги вовсе не представляют каких-то идеальных счетных единиц. У Джемса Стюарта, как и у Беркли, никакой внутренней связи между товаром и деньгами не имеется.

Номиналистические теории, развившись на заре капиталистического развития, вновь и вновь появлялись в литературе и распространялись, когда это было выгодно для защиты определенных классовых интересов.

Дальнейшее развитие номиналистической теории относится к концу XIX и началу XX века. Номиналистическая теория возродилась прежде всего в Германии, где развилась идея прусского всемогущего государства, которое якобы всемогуще и в отношении экономики. Прусский взгляд на немецкое государство сказался на всей немецкой реакционной экономической теории; сказался он и в теории денег. Немецкие экономисты решили возвеличить роль буржуазно-помещичьего государства и в теории денег, имея прежде всего в виду германское государство. Но у немцев были и другие мотивы к защите номинализма. Готовясь к войне за господство над миром, германское государство концентрировало у себя огромные золотые фонды. Одним из методов мобилизации золота было изъятие его из обращения и замена его мелкими банкнотами. Германские экономисты должны были обосновать возможность замены золота в обороте бумажками. Номиналисты и выполняли эту задачу. Причем действительные цели номиналистов прикрывались здесь шовинистическими лозунгами. Выдвигалось требование борьбы против «ложного английского учения об идентичности денег и золота», борьбы против «золотого засилия» Англии (Британская империя занимала первое место по добыче золота).

В наиболее развернутом виде реакционная немецкая номиналистическая теория денег представлена Кнаппом, специалистом по истории помещичьего хозяйства Германии. Кнапп все явления экономической жизни изображал как правовые явления. Право регулирует всю хозяйственную жизнь. Экономические законы у Кнаппа выглядят как законы, устанавливаемые государством. Деньги — это продукт права. Деньги созданы государством. Кнапп называет поэтому свою теорию денег государственной теорией денег. Кнапп не имел никакого представления о развитии денег.

Для Кнаппа общество — это соединение людей, организованных на основе долговых обязательств и платежей. Общество — это платежное сообщество. Отсюда сущность денег сводится к их функции — платежного средства. Так как денежная единица и платежное средство устанавливаются государством, то деньги — это хартальное платежное средство (от харта — марка, знак). Отсюда бумажные деньги наиболее соответствуют природе денег. На основе этого взгляда Кнапп строит весьма сложную правовую, но экономически бессодержательную, классификацию денег.

Теория Кнаппа ничего общего не имеет с действительностью. Кнапп подменяет экономические явления правовыми. Государство не может по своему произволу создавать деньги или приписывать тому или иному материалу денежные качества.

Ревизионистские теории денег. Роль денег в теориях утопического и мелкобуржуазного социализма. Современные лидеры реформистского течения в рабочем движении для доказательства возможности «улучшения» империализма и подмены социализма «улучшенным капитализмом» заимствуют идеи из различных источников. В частности, для обоснования своей политики реформисты используют откровенно буржуазные теории (например, Кейнса), каутскианско-гильфердинговские идейки о «планово-организованном капитализме», вытаскивают из архива теории мелкобуржуазного социализма, о реформе капитализма посредством уничтожения денег.

Теоретик лейборизма Г. Д. Коль считает одной из главных причин кризисов и других бедствий трудящихся при капитализме недостаточную эмиссию денег. Поэтому он предлагает совершенно разорвать связь денег с золотом внутри страны и, таким образом, усиленной эмиссией денег толкать вперед производство.

Отрыв денег от золота, проповедуемый Кодем, пытался обосновать и Гильфердинг. Стремясь затушевать противоречия капитализма, он изображал противоречия товара не как реальные, объективные противоречия, а лишь как противоречия логического порядка, которым ничто не соответствует в действительности. Но это означает, что и развитие противоречий товара, развитие форм стоимости существуют лишь в мышлении. Для Гильфердинга реальные деньги — это лишь деньги как орудие обмена, и не больше. Из этого следовало, что мера стоимости также чисто надуманная категория, не скрывающая за собой реальных денег. С точки зрения Гильфердинга стоимость золота определяется банками, а стоимость бумажных денег не зависит вовсе от золота. Это означает, что, регулируя количество бумажных денег, можно вполне преодолеть анархию в процессе обращения. Эти воззрения Гильфердинга в теории денег были элементами развитой им впоследствии «теории» о возможности «планово-организованного капитализма», — теории, не имеющей ничего общего с марксизмом и с действительностью.

Ревизионисты в теории денег, как и в других областях теории, ставят перед собой задачу извратить марксизм, выхолостить из него то, что является его революционной душой, выдать различные буржуазные концепции за марксистские, спасти капитализм во что бы то ни стало.

Если деньги лишены противоречий, если можно разорвать связь бумажных денег с золотом или отменить функцию меры стоимости, как это изображают ревизионисты, то нет ничего удивительного, что другие реформаторы проповедают переход от капитализма к социализму посредством уничтожения денег.

Лейборист Н. Смит предлагает избавиться от бедствий капитализма путем предоставления денег всем потребителям в качестве бесплатного дара государства. Лейборист Смит здесь повторяет лишь откровенно-буржуазного реформатора купца Сильвио Гезеля. Этот последний предлагал в целях уничтожения кризисов и безработицы отменить металлические деньги и выпускать бумажные деньги в количестве, необходимом для скупки всех товаров по их стоимости, а в целях стимулирования спроса на товары — систематически уменьшать ценность денег. Во всех этих проектах смешаны номиналистическо-количественные теории спасения от кризисов методом инфляции со старыми идеями утопического и мелкобуржуазного социализма.

Марксистско-ленинская критика ревизионизма, утопического и мелкобуржуазного социализма давно разоблачила никчемность всех этих реформистских проектов и ложность теорий, на которых они основаны.

Еще последователи английского утописта-социалиста Оуэна (1771—1858) в 1832—1833 гг. организовали в Англии базары, на которых они пытались производить обмен товаров по трудовому эквиваленту на основе установления количества рабочих часов, затраченных на производство товара. Понятно, что покупатели предъявляли на этих базарах спрос лишь на те товары, которые расценивались ниже их рыночной цены. Остальные товары не находили сбыта. Эти эксперименты потерпели крах: в их основе лежало неверное теоретическое положение Оуэна, что труд в капиталистическом хозяйстве является непосредственно мерой стоимости. Эквивалентный обмен без денег — как переход к производственной ассоциации, вот чего хотел Оуэн. Социалисты-утописты никогда не выставляли себя представителями пролетариата. Они видели развивающиеся классовые противоречия и пытались их устранить своими мирными реформами и маленькими экспериментами.

Идеи «рабочих денег» были подхвачены мелкобуржуазными социалистами, как, например, Греем (1798—1850). Грей предлагал создать ряд банков (которые в конечном итоге должны объединиться в один национальный банк), выпускающих вместо банкнот трудовые бонусы, которые должны приниматься всеми товаропроизводителями в оплату товаров в соответствии с затратами

труда. Этим путем, полагал Грей, будет уничтожена эксплуатация.

Маркс подверг исчерпывающей критике «теорию» Грея. Маркс указал, что, возможно, даже удастся установить индивидуальное рабочее время, затраченное на производство товаров, но нельзя при капитализме установить общественно-необходимое рабочее время. Больше того, как доказано ленинско-сталинской теорией, опытом социалистического строительства, даже в первой фазе коммунизма еще невозможно выразить продукты труда непосредственно в общественном рабочем времени.

Прудон (1809—1865), наиболее типичный представитель реакционного мелкобуржуазного социализма, также выступил с идеей «справедливого» обмена товаров через банки. Но если для социалистов-утопистов «рабочие деньги» были переходной мерой к плановой организации производства, то Прудон пытался доказать возможность введения «рабочих денег» при сохранении частного производства. Маркс писал о «социализме» Прудона: «Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают»¹. Это всецело относится и к современным буржуазным реформаторам, в том числе и лейбористским лидерам, спасающим капиталистическую собственность.

Прудон хотел ввести «рабочие деньги» и сохранить частное производство. Прудон видел все зло капиталистического хозяйства в деньгах и полагал, что с уничтожением денег само собой исчезнет капиталистическая эксплуатация. Суть эксплуатации он видел в обмене. Поэтому все дело, по Прудону, заключается в том, чтобы точно установить («конституировать») стоимость товаров.

Прудон считал, что деньги в отличие от товаров обладают конституированной стоимостью, т. е. что деньги всегда реализуются по их действительной стоимости и что все остальные товары могут также стать деньгами, так как раньше деньги были рядовым товаром. Когда все товары станут деньгами, отпадет необходимость в особых деньгах. Банки, по Прудону, и должны были превратить все товары в деньги.

Эта нелепая теория построена на полном непонимании природы товара и денег. Невозможно упразднить деньги и оставить товарное производство, невозможно все товары превратить в деньги, ибо это означало бы, что товары могут выражать свою стоимость в самих себе, что не существует противоречия между деньгами и товарами.

Прудон видел одно из доказательств конституированной стоимости денег в том, что стоимость денег фиксирована в монете. На деле в названии монеты отнюдь не фиксирована стоимость денеж-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, стр. 64. Изд. 1939.

ного товара, а лишь его количество. Полагая, что названия монет выражают собой стоимость денежного товара, Прудон по сути дела становился на точку зрения номиналистической теории, — теории, которая считает деньги условными знаками, условными счетными единицами.

Маркс говорит, что прудоновский социализм свелся к элементарному непониманию связи между товаром и деньгами. Упразднить деньги, оставив товарное хозяйство, — такова утопическая программа мелкобуржуазного социализма. Невозможно при капитализме отменить деньги. Капиталистическая эксплуатация вырастает на основе развития товарного производства и обмена, совершающегося при посредстве денег. Власть капитала вырастает из власти денег, но из этого не следует, что, отменяя деньги, можно уничтожить власть капитала. Невозможно уничтожить деньги при капитализме. Свергнув власть капиталистов, диктатура рабочего класса превратила деньги из орудия капитализма в орудие социалистического строительства и тем самым в корне изменила их природу. Советские деньги необходимы вплоть до завершения первой фазы коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ПОДГОТОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Развитие товарного производства и зарождение промышленного капитала	3
Капиталистическая простая кооперация и ее экономические преимущества	13
Мануфактура	17
Так называемое первоначальное накопление	28
Мануфактурный период. Историческая роль мануфактуры	39
Процесс приготовления капиталистического способа производства в России	41

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Капитализм как система товарного производства	43
Товар и его свойства. Потребительная стоимость и стоимость	47
Двойственный характер труда, создающего товар: труд конкретный и труд абстрактный. Основное противоречие товарного производства	51
Величина стоимости товара	54
Деньги как результат развития товара	57
Развитие форм стоимости	58
Закон стоимости и его роль в развитии товарного производства	69
Товарный фетишизм	74

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ДЕНЕГ

Сущность денег	77
Функции денег	81
Деньги как мера стоимости	—
Деньги как средство обращения	85
Деньги как средство образования сокровищ	92
Деньги как средство платежа	94
Мировые деньги	97
Критика буржуазных теорий денег	99

Ответ. редактор М. Тарская

A09867.

Зак 2152 (бъем 7 п. л.)

Тираж 35 000

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б)
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.